

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Ананьина Валентина Тимофеевна

**ВЛИЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ НА ЭТНИЧЕСКУЮ
ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

22.00.04. – Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
профессор, доктор социологических наук,
Кораблева Г. Б.

Екатеринбург
2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания социологического исследования влияния межнациональных семей на этническую толерантность в обществе	15
1.1. Этническая толерантность: социологическая концептуализация понятия.....	15
1.2. Межнациональная семья как фактор формирования межэтнической толерантности в обществе.....	57
Глава 2. Роль межнациональных семей в формировании этнической толерантности в современном российском обществе.....	90
2.1. Состояние этнической толерантности: региональный и российский уровни	90
2.2. Направления и механизмы воздействия межнациональных семей на этническую толерантность в современном обществе	113
Заключение.....	156
Библиографический список	162
Приложения.....	186

Введение

С развитием демократизации и интеграции современного общества этнические отношения и взаимодействия приобретают все большее значение. С одной стороны, они могут быть причиной нетерпимости, принимая форму межэтнической напряженности, а с другой, в условиях динамичной мобильности народов и этнических групп, – способствовать интеграции многонациональных государств, что требует прежде всего создания в обществе атмосферы толерантности в сфере национальных отношений.

Вместе с тем процессы, связанные с утверждением в современном обществе норм и правил толерантного взаимодействия, сформулированных в «Декларации принципов терпимости», принятой ЮНЕСКО в 1995 г.,¹ протекают далеко неоднозначно и противоречиво.

Основным здесь становится противоречие между потребностью глобального сообщества в расширении сфер толерантного взаимодействия между странами и народами, этническими группами и индивидами, с одной стороны, и сохранение и даже углубление национальной нетерпимости, с другой – что активно используется различными экстремистскими движениями и организациями.

Нельзя считать решенной проблему толерантного взаимодействия народов, этнических общностей и групп и на территории постсоветского пространства России, что становится фактором латентной или явно выраженной этнической напряженности. Сюда следует отнести проблемы правового статуса национальных автономий, защиты самобытности малочисленных народов, взаимодействия этнических диаспор и групп, проживающих за пределами границ своего национально-территориального образования и коренного населения, что особенно актуально для мегаполисов.

¹ Декларация принципов терпимости. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 30.08.2014).

Неслучайно в начале третьего тысячелетия в Российской Федерации была разработана федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)»².

Среди основных мероприятий данной программы предусматривалась разработка государственных мер по формированию у населения толерантного сознания и противодействия экстремизму, в том числе разработка специальных образовательных программ для всех ступеней образовательной системы России, внедрение новых технологий распространения норм и правил толерантного поведения.

Эти мероприятия должны были способствовать предупреждению и разрешению межэтнической напряженности. Но десятилетие, прошедшее после принятия программы, свидетельствует о том, что противоречия в сфере межнациональных отношений не исчезли, а приобрели новые формы.

Этнический фактор начинает активно использоваться политической и экономической элитой не только различных национальных государств, но и внутри России для лоббирования собственных интересов и достижения своих целей. Для этого используются не только уже существующие мифы и стереотипы об особенностях тех или иных этносов и их роли в развитии страны, но и порождаются новые, что приводит к латентной этнической напряженности, этноцентризму и в крайних случаях к ксенофобии и национализму.

Кроме того, сами процессы этнической самоидентификации людей и выстраивания на ее основе отношений с другими этносами усложняются и принимают новые формы в связи с ростом национального самосознания этносов, а также активизацией миграционных процессов и изменением этнического состава административных субъектов, регионов и отдельных территорий.

² Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)». URL: http://www.school.edu.ru/laws.asp?cat_ob_no=5945&ob_no=3843&oll.ob_no_to= (дата обращения: 30.08.2014).

На скорость развития таких процессов и формы их проявления оказывают влияние различные факторы толерантного или интолерантного взаимодействия. Причем на различных уровнях общества и в конкретных территориях эти факторы проявляются по-разному, что требует уже специального анализа в целях предупреждения их негативного воздействия.

На микроуровне функционирования общества особое место в преодолении негативных для межэтнических взаимодействий процессов и формировании этнической толерантности принадлежит межнациональной семье, поскольку в ней уже в повседневном общении разноэтнических супругов, родителей и детей происходит первичная трансформация этнического самосознания, в результате которой закрепляется то положительное, что накоплено этносами в области традиций, обычаев, норм межэтнических отношений. В результате контактов и отношений семьи и ее членов с внешней социальной средой такие традиции и нормы поведения транслируются в другие этнические группы и становятся образцами для подражания.

Межнациональные семьи традиционно были широко распространены на территории России и бывшего Советского Союза. В конце 80-х гг. XX в. примерно каждая шестая семья состояла из представителей разных национальностей³. Отсюда еще во второй половине XX в. проводилось большое количество научных исследований, посвященных межнациональным бракам, но основной пафос и направленность этих работ определялись официальной доктриной новой единой общности «советский народ». Противоречия же этнического сознания и самосознания, их влияние на развитие и предупреждение межнациональных конфликтов фактически не исследовались.

В России в период распада Советского Союза численность межнациональных семей несколько сократилась, но в условиях активизации

³ См.: *Топилин А. В.* Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимодействия // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 76–82.

миграционных процессов представителей разных этнических групп и народов в последнее десятилетие снова наблюдается их рост. При этом происходит изменение этнического состава таких семей, поскольку растет доля браков с этническими мигрантами из бывших республик Советского Союза, что, с одной стороны, приводит к противоречивому отношению к ним среди разных групп населения, а с другой – противоречиво отражается на этнической социализации детей и в результате – на их взаимодействии с полиэтническим социальным окружением.

Практическая значимость и теоретическая актуальность исследования роли межнациональных семей в формировании этнической толерантности определяют актуальность темы диссертационной работы.

Степень научной разработанности темы исследования.

Исследование заявленной проблематики требует обращения к анализу научных источников, посвященных вопросам толерантности как социального феномена и этнической толерантности как условия сохранения межнационального мира в современном обществе, что нашло отражение в трудах не только социологов, но философов, этнографов, психологов и других представителей социально-гуманитарного знания.

Первая группа работ посвящена теоретико-методологическим разработкам в области изучения феномена толерантности. К ним относятся труды Т. Адорно, А. Г. Асмолова, С. Д. Бакулиной, Д. Бродского, М. А. Гордеевой, П. К. Гречко, Л. М. Дробижевой, С. Г. Ильинской, Б. Капустина, Ж. Лаклау, В. Лекторского, Дж. Локка, Г. Маркузе, М. Мацковского, Н. А. Медушевского, Ш. Муффа, П. Николсона, Г. Олпорта, Л. В. Скворцова, И. В. Следзевского, Э. Ю. Соловьева, Ч. Тэйлора, М. Уолцера, Д. Хейда, М. Б. Хомякова, В. В. Шалина.

Общая методология изучения этнической толерантности через систему социальных взаимодействий, основанных на принципах деления на «свой», «чужой», «другой» опирается на исследования П. Бергера, Л. Вальтмана, Т. Веблена, Л. Гумпловича, А. К. Гуца, А. Дахина, В. Р. Дольника,

Э. Дюркгейма, Л. Козера, Ч. Кули, В. А. Лекторского, К. Лоренца, Т. Лукмана; Н. Лумана, У. Мак-Дугла, Дж. Мида, К. Поппера, Б. Ф. Поршнева, В. С. Рахманина, У. Самнера, М. Уолцера, З. Фрейда, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, А. В. Шипилова, Т. Шибутани, Э. Ян.

Исследовательская литература, непосредственно связанная с изучением проблем этнической толерантности, представлена работами Д. М. Абдрахманова, Г. Г. Абдулкаримова, А. К. Алиева, Л. М. Дробижевой, М. Д. Киекбаева, Н. М. Лебедевой, С. В. Рыжовой, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, И. З. Султанмуратова, Г. Т. Тавадова, А. Н. Татарко, В. М. Тишкова, В. Ю. Хотинец, Л. А. Шайгеровой.

Вопросы изучения этнического менталитета, этнического самосознания и этнической идентичности отражены в статьях и монографиях Ю. В. Бромляя, Е. М. Галкиной, Р. А. Додонова, Л. М. Дробижевой, Р. Я. Першица, З. В. Сикевич, А. А. Скоробогатой, Э. Д. Смита, Т. Г. Стефаненко и др.

В исследовании особенностей формирования и функционирования межнациональных семей автор опиралась на теоретико-методологические положения социологических концепций и теорий, раскрывающие принципы и формы функционирования семьи, и нашедшие отражения в трудах П. Бурдьё, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, М. М. Ковалевского, О. Конта, Т. Парсонса, Г. Спенсера, Г. Тарда и др. Особенности исторического развития семьи, формы семейной жизни, роль социальных и экономических факторов исследовались такими учеными, как И. Я. Бахофен, Ф. Ле-Пле, Дж. Ф. Мак-Леннан, Л. Г. Морган, Ф. Энгельс и др.

Общеметодологической основой изучения межнациональных семей послужили работы в области социологии семьи отечественных социологов А. И. Антонова, И. В. Бестужева-Лады, А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова, В. А. Вывенко, И. С. Голода, В. Б. Голофаства, Т. А. Гурко, А. А. Клецина, М. С. Мацковского, В. М. Медкова, М. Я. Соловьева, Л. Файнберга, А. Г. Харчева, Е. М. Черняк и др. Проблемы семейной социализации

представлены в исследованиях А. И. Антонова, С. Н. Буровой, Л. В. Котенко, А. В. Меренкова, Т. Г. Поспеловой, Л. Л. Рыбцовой, Е. В. Шишкиной.

Семьи межнационального типа, особенности общей и этнической социализации в них рассматривались в монографиях и статьях Т. Л. Боковой, А. Г. Волкова, Е. М. Галкиной, Л. А. Деловой, Ж. Н. Дюльдиной, С. Касымовой, К. В. Ким, С. В. Корнеевой, А. Д. Коростелева, Е. Е. Кутявиной, С. К. Малышевой, В. В. Мархинина, О. В. Осадчего, Б. Н. Попова, З. Л. Сизоненко, А. А. Сусоколова, А. В. Топилина, С. Усалиевой, М. М. Шахбановой, Е. В. Шишкиной и др.

Проблемы толерантности в межнациональных семьях и их влияние на межэтническую толерантность в обществе нашли отражение в статьях и монографиях Д. М. Абдрахманова, М. Д. Киекбаева, Е. Е. Кутявиной, С. К. Малышевой, Н. М. Лебедевой, Т. А. Резвушкиной, З. Л. Сизоненко, И. З. Султанмуратова, Д. В. Ушакова, М. М. Шахбановой, Е. В. Шишкиной и др.

Анализ научной литературы и сложившихся подходов к исследованию этнической толерантности свидетельствует, что на данный момент в большей степени в ней уделяется внимание выявлению особенностей этнической толерантности в различных национальных группах и практически слабо исследованными остаются межнациональные семьи и их возможности в формировании новых мировоззренческих установок и норм поведения во взаимодействии с представителями других этносов, с которыми постоянно взаимодействуют в повседневной жизни.

Таким образом, теоретические и практические проблемы формирования этнической толерантности в современном обществе определили объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объектом исследования в диссертации выступает этническая толерантность, а ее **предметом** – межнациональная семья как фактор формирования этнической толерантности в обществе.

Цель работы: на основе выявления сущности и особенностей этнической толерантности раскрыть возможности, формы и способы влияния межнациональных семей на ее состояние и развитие в российском обществе.

Объект, предмет и цель диссертационного исследования определили его **задачи:**

- выявить основные научные подходы к пониманию толерантности и охарактеризовать ее основные виды;
- раскрыть содержание и выявить структурные элементы понятия «этническая толерантность»;
- исследовать особенности межнациональной семьи, влияющие на формирование этнической толерантности в обществе;
- определить место этнической идентичности в формировании этнической толерантности личности в межнациональной семье;
- на основе данных эмпирических исследований охарактеризовать состояние этнической толерантности в межнациональных семьях по отношению в этнодругим в ближайшем окружении и обществе в целом;
- установить формы и механизмы влияния межнациональных семей на состояние этнической толерантности в российском обществе.

Теоретико-методологическую базу диссертационной работы составили труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные анализу феноменов толерантности и этничности в целом и этнической толерантности межнациональных семей, в частности в том числе Б. Андерсена, М. Вебера, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, Ч. Кули, Дж. Мида, Т. Парсонса, А. А. Сусоколова, Ч. Тэйлора, М. Уолцера, Ф. Энгельса, С. Хантингтона, А. Г. Харчева, Д. Хейда и др.

Изучение проблем этнической толерантности, ее состояния и функционирования в межнациональной семье строилось на основе структурно-функционального, институционального, конструктивистского и феноменологического подходов.

Диссертационная работа соответствует паспорту специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» в областях исследований 31. Институт семьи как фактор стратификации общества; 32. Субъективный аспект социальной стратификации. Социальная идентификация, ее основные виды: социально-групповая, социально-слоевая идентификация. Типы идентификационного поведения.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили материалы авторского эмпирического исследования, проведенного в 2013–2014 гг. среди представителей межнациональных семей на основе целевой выборки ($N = 835$ чел.). Отбор респондентов осуществлялся на основе следующих критериев: включенность в жизнь межнациональных семей (родительская семья 68,9 % участников опроса является межнациональной, а 31,1 % опрошенных создали свои межнациональные семьи) и постоянство проживания на территории УрФО.

Качественная стратегия была реализована на основе метода глубинного интервью с членами межнациональных семей ($N = 20$ интервью).

При обработке статистических данных использовался пакет статистических программ SPSS 18.0.

Для сравнения результатов использовался вторичный анализ данных всероссийских, межрегиональных и региональных исследований: межрегионального исследования «Будущее России: социальная сфера», проводилось Институтом социологии РАН совместно с Межрегиональными исследовательскими научными центрами в 2006 г., рук. Л. М. Дробижева ($N = 4380$); общероссийского социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», Институт социологии РАН, 2011 г., рук. М. К. Горшков ($N = 1750$); проекта Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан «Социальные и социально-культурные факторы развития этнических групп в Республике Башкортостан», 2011 г., рук. Р. М. Валиахметов; 4 Всероссийских социологических

обследований, проведенных ЦСПиМом (Центр социального прогнозирования и маркетинга) в 1997–1998 гг. ($N = 5250$).

Научная новизна диссертационной работы заключается в выявлении места и роли межнациональных семей в становлении и развитии этнической толерантности в обществе.

Положения диссертации, содержащие новизну и полученные лично автором, заключаются в следующем:

– уточнены понятия межэтнической толерантности и межнациональной семьи:

под этнической толерантностью автором понимается специфический вид социальной толерантности, формирующийся на основе этнической идентичности субъектов межэтнического взаимодействия (общество, этническая группа, личность) и проявляющийся в принятии этнодругого как «своего», его социокультурных отличий на основе принципов уважения к их многообразию, доверия и равенства прав;

межнациональная семья рассматривается как тип семейной организации, состоящей из супругов и/или родителей-детей и образованной на основе союза представителей разных этносов, народов или наций, к специфическим функциям которой относятся этносоциализация, а также воспроизводство и трансляции норм и образцов этнической толерантности в отношениях с этнодругими, формирующихся под влиянием превалирования либо относительного равного проявления культуры тех этносов, к которым принадлежат члены семьи;

– выявлено два взаимосвязанных вектора влияния межнациональной семьи на состояние и характер этнической толерантности в современной России: первый направлен на этносоциализацию личности в таких семьях, второй – на передачу опыта этнической толерантности иным субъектам межэтнического взаимодействия;

– по результатам исследования обосновано, что потребность в актуализации этнической толерантности в межнациональных семьях,

возможности и ограничения ее трансляции на внесемейное окружение определяется состоянием межнациональных отношений в обществе, регионе, месте непосредственного проживания, которое неоднозначно оценивается их представителями, что отражает не только наличие проблем в данной области, но и зависимость благополучия таких семей от государственной национальной политики;

– установлено, что механизмами воздействия межнациональных семей на этническую толерантность в обществе выступают этносоциализация, трансляция культурных и этических ценностей разных народов через их языковые особенности, обычаи, традиции и праздники, символы этнической культуры, позитивные гетеростереотипы;

– по результатам эмпирического исследования выявлено, что противоречивость этнической толерантности, формируемой в межнациональных семьях и транслируемой ими во внешнюю среду, проявляются в маргинализации и демонстрационной этнической идентичности, которые выявлены у 20 % среди коренных народов УрФО, не являющихся русскими, и у 33 % в биэтнической группе; восприятию как этночужих представителей некоренного населения и трудовых мигрантов из других стран, что проявляется в неприязненном к ним отношении у каждого пятого участника опроса, неготовности к позитивному сотрудничеству (каждый третий респондент предпочел бы жить и работать только с представителями своей национальности); противоречивом воздействии этнической солидарности на межнациональные отношения в обществе;

– обосновано, что воздействие межнациональных семей на этническую толерантность, их готовность и возможность трансляции позитивного опыта, норм и стандартов этнической толерантности в обществе зависит от выбора семьей той или иной стратегии межэтнического взаимодействия. Среди пяти представленных стратегий этнической толерантности (консервация, ассимиляция, интеграция, аккультурация и парадокс), каждая третья межнациональная семья УрФО ориентирована на ассимиляцию, 19 % – на

стратегию консервации, 16 % выражают готовность к аккультурации, 8 % – к интеграции, а 5 % выбирают стратегию парадокса;

– выявлены проблемы, ограничивающие возможности влияния межнациональных семей на этническую толерантность (высокий уровень зависимости от государственной национальной политики, противоречивое отношение общественного мнения к межнациональным бракам, противоречивость взаимодействия национально-гражданской и этнической идентичности и др.);

– разработаны рекомендации по их решению (использование возможностей этнических общественных объединений; привлечение потенциала основных религиозных организаций для развития этнической терпимости; формированием условий для эффективного взаимодействия коренного населения и этнических мигрантов; активизация деятельности образовательных учреждений и организаций по формированию интернационализма и этнической толерантности и др.).

Теоретическая и практическая значимость работы:

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для:

– углубления и развития методологии социологического исследования проблем этнической толерантности, изучения межнациональных семей и процессов формирования этнической идентичности в многонациональных регионах;

– разработки программ предупреждения межнациональной напряженности, укрепления этнической толерантности населения и мероприятий по адаптации иноязычных мигрантов;

– корректировки основных направлений семейной политики на региональном и местном уровне; для модернизации технологий социальной работы с межнациональными семьями в учреждениях социальных служб;

– профессиональной подготовки социологов, специалистов по социальной работе в системе высшего образования при преподавании курсов

«Социология семьи», «Этносоциология», «Социология межэтнической толерантности», «Демография».

Апробация результатов диссертационного исследования. Материалы диссертации обсуждены на заседании кафедры теории и истории социологии ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 19 научных публикациях, общим объемом 5,79 п. л. (авторский вклад 4,84 п. л.), в том числе 3, опубликованных в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК; докладывались и обсуждались на 9 международных, 2 всероссийских и 1 региональных конференциях: Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, 2011–2015 гг.; Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2013» Москва, 2013 г.; VIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2013», Москва, 2013 г.; Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: материалы», Екатеринбург, 2014 – 2015 гг.; 6th Slovenian Social Sciences Conference on «The Challenges of Social Transformations», Slovenia, Piran, 2014 г.; Всероссийская научно-практическая конференция XIX Уральские социологические чтения «Региональные особенности разработки и реализации социальной политики», Екатеринбург, 2013 г.; XXI Уральские социологические чтения «Региональные особенности разработки и реализации социальной политики», Екатеринбург, 2015 г.; региональная конференция «Пол, возраст – проблемы адаптации в контексте миграции», Екатеринбург, 2013 г.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений. Содержание работы изложено на 185 страницах.

Глава 1. Теоретико-методологические основания социологического исследования влияния межнациональных семей на этническую толерантность в обществе

1.1. Этническая толерантность: социологическая концептуализация понятия

Под влиянием процесса глобализации в современном мире наблюдается активная социальная динамика, обеспечивающая движение общества, проявляющееся в постоянных модификациях состояний сфер жизни: социальной, экономической, политической, духовной, что приводит к закономерным, качественным трансформациям конкретных социальных явлений и процессов.

Такие динамичные и глобальные изменения привели к изменению социальных норм, регулирующих отношения людей в области национальных и межнациональных взаимодействий. Специалисты связывают данную ситуацию с «этнической и национальной дивергенцией»⁴, с необходимостью расширения социальных связей между этническими группами и народами.

Данные реалии предполагают и потребность не только в новых формах взаимодействия людей разных национальностей, но и новых типов социализации личности.

Однако процесс социализации в силу консерватизма порой нивелирует актуальные общественные потребности и возникает ряд проблем: происходит замедление процесса адаптации общества к современным жизненным условиям, возникают предпосылки для формирования определенных стереотипов по отношению к новому социальному, этническому, политическому, экономическому, пространству.

⁴ См.: Шалин В. В. Толерантность: культурная норма и политическая необходимость: (Соц.-филос. анализ) : дис. ... д. филос. н. Ростов н/Д, 2000. С. 4.

Появляется целый ряд противоречий между старыми, устоявшимися нормами и правилами взаимодействий между странами и народами и формирующимися в процессе новых условий развития межнациональных связей. Отсюда, когда ключевое значение для социального развития современного общества приобретают установление стабильных отношений и включение акторов в новое социальное пространство, принятие «другого» как самого себя, то именно толерантность становится важнейшим фактором стабилизации общественной жизни⁵.

Вместе с тем осмысление понятия толерантности представляется достаточно сложным. С одной стороны, оно получает широкое распространение в связи с тем, что отражает актуальность проблем процессов социализации, адаптации, новых форм межличностных и социальных взаимодействий, которые приводят к расширению сфер, охватывающих толерантность. С другой, как утверждает Д. Хейд, мы имеем одновременно сохранение «прежнего объема сферы абсолютной нетерпимости»⁶. Такая логическая парадоксальность толерантности возводит ряд проблем практического применения относительно явлений общественной жизни⁷.

Существуют различные точки зрения относительно феномена толерантности: от общего понимания толерантности, распространенного в обыденном сознании как терпимости, до ее научной трактовки как особого вида коммуникаций между отдельными людьми, социальными организациями и большими социальными группами.

При такой множественности обыденных представлений и научных подходов вновь и вновь возникает вопрос: в чем заключается сущность толерантности и если необходимо «терпеть», то, что или кого именно.

Российские и западные ученые не дают однозначного ответа на этот вопрос. Поэтому необходимо понять, что представляет собой толерантность и

⁵ См.: Философия толерантности: история и современность / Толерантность и разрешение конфликтов: методическое обеспечение лаборатории разработчики М. Б. Хомяков, И. Г. Полякова. Т. 1. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1440/6/1324430_methodbooks_Vol1.pdf (дата обращения: 24.07.2014).

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

различные ее формы, в особенности этническая толерантность, ее роль и функции в обществе. Существует ли возможность толерантности стать универсальным способом взаимодействия между людьми и государствами с учетом мировых тенденций: с одной стороны, глобализации и тенденции стирания межгосударственных границ, с другой – потребности в сохранении государственной и этнической идентичности.

Многие авторы отмечают, что здесь существуют серьезные методологические проблемы, хотя феномен толерантности является предметом изучения различных наук, прежде всего философии, социологии, психологии, религиоведения, педагогики, конфликтологии и политологии⁸. Появилась даже специальная отрасль знания, где проблема толерантности обозначена ведущей, – этика ненасилия. Отсюда осмысление особенностей самого понятия «толерантность» зависит от специфики научной парадигмы.

Общую методологию для изучения толерантности, ее типичных черт возможно выявить на основе анализа философской точки зрения. В самом общем плане с точки зрения философии, толерантность – мировоззренческая категория, воссоздающая принцип активного отношения к иному⁹.

Обобщив подходы к осмыслению толерантности в рамках философских концепций, В. Лекторский предлагает четыре возможных способа понимания толерантности, которые соответствуют некоторым реально существовавшим философским концепциям: 1) толерантность как безразличие; 2) толерантность как невозможность взаимопонимания; 3) толерантность как снисхождение; 4) терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог¹⁰.

Наиболее продуктивным для современного понимания толерантности нам представляется четвертый подход, предполагающий анализ толерантности не на уровне общества вообще, а через систему повседневных практик

⁸ См.: Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2004. С. 23.

⁹ См.: Философия толерантности: история и современность Т. 1. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1440/6/1324430_methodbooks_Vol1.pdf (дата обращения: 24.07.2014)

¹⁰ См.: Толерантность в обществе и семье / Б.Б. Хубиев, Н.В. Кильберг-Шахзадова Н.В. Нальчик, 2003. С. 21.

индивидов в их критическом осмыслении на основе диалога другими, в том числе и представителями иных этнических групп.

Важными для социологического исследования толерантности представляются взгляды и исследования политологов, поскольку актуализироваться данное понятие и сам феномен толерантности начинает в XX в. в связи с процессами глобализации и политическими процессами, как в мировом сообществе, так и на уровне национальных государств.

Исследования современных политологов в данной области опираются на классическую теорию толерантности Дж. Локка, в которой он ищет ответы на вопрос: можно ли построить консолидированное общество? Поэтому политологические исследования толерантности связаны с анализом соотношения толерантности и свободы личности, форм и методов политического консенсуса в политических конфликтах на основе принципа толерантности.

Отсюда представители политологической науки изучают зависимость между доминирующим в государстве общественным сознанием и сложившимся типом толерантности. Так Л. В. Скворцов определяет ее «как тип индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, как терпимость к чужим мнениям, верованиям и формам поведения, которые выступают одним из основных, фундаментальных признаков цивилизованности и политической культуры»¹¹. В основе формирования такого типа толерантности на уровне общества находится формируемая государством идеологическая парадигма. Поэтому в исследованиях политологов акцент делается на формировании толерантности как типа общественного сознания, выступающего условием и результатом свободы личности в демократическом обществе.

В собственно научный оборот само понятие «толерантность» было введено известным американским психологом Г. Олпортом. Он отмечал, что «патология фанатизма, как правило, гораздо интереснее для социальной

¹¹ Скворцов Л. В. Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Октябрь. 1997. № 3. С. 140.

науки, чем благотворный феномен толерантности. Поэтому неудивительно, что о толерантности мы знаем гораздо меньше, чем о предубежденности»¹².

Ученый, базируясь на исследованиях Т. Адорно, изучавшего толерантность как социально-психологическое явление, обозначил значимые факторы ее формирования, позволяющие выявить специфические черты толерантной личности, к которым он отнес ориентацию на себя, потребность в определенности, меньшую приверженность к порядку и педантичности, высокий уровень эмпатии, подчинение свободе, демократии, адекватную самооценку, ответственность, уверенность в своей безопасности¹³.

Отсюда в психологии, особенно психологии личности, этнопсихологии, социальной психологии толерантность исследуется в личностном аспекте как толерантность к тревоге, что проявляется «в повышении порога эмоционального реагирования на угрожающую ситуацию, а внешне – в выдержке, самообладании, способности длительно выносить неблагоприятные воздействия без снижения адаптивных возможностей»¹⁴. Следствием этого становится, по мнению российского психолога А. Г. Асмолова, толерантность как «социальная норма, определяющая устойчивость к конфликтам в поликультурном обществе. Формирование толерантного типа сознания позволит снять негативные влияния стереотипов восприятия и снизить конфликтный потенциал, а следовательно, предотвратить развитие конфликтов и напряженности»¹⁵.

В социальной психологии толерантность изучается как проблема межличностных отношений в малой группе, организациях и степени готовности к конфликту, компромиссу¹⁶. Прежде всего представителей данной науки интересуют механизмы преодоления психологических, смысловых

¹² *Олпорт Г.* Природа предубеждения // Век толерантности. 2003. № 5. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-6-priroda.php?PrPage=VT> (дата обращения: 26.07.2014).

¹³ *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. М., 2002. С.123.

¹⁴ *Кондратьев М. Ю., Ильин В. А.* Азбука социального психолога-практика. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/tolerantnost> (дата обращения: 27.07.2014).

¹⁵ *Резвушкина Т. А.* Смешанные браки как условие межэтнической толерантности // Вестн. КарГУ. 2009. № 1. URL: <http://articlekz.com/node/132?page=show> (дата обращения: 27.07.2014).

¹⁶ См.: *Кондратьев М. Ю., Ильин В. А.* Азбука социального психолога-практика. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/tolerantnost> (дата обращения: 27.07.2014).

барьеров, стереотипов по отношению по отношению к инакомыслящим, ущемлению их права на иную точку зрения, что может в масштабах общества приводить к ксенофобии, национализму и т. п. Но психологи обращают внимание и на тот момент, что абсолютизация толерантности может стать основой нивелировки мнений и потери собственной позиции в различных конфликтных ситуациях.

Представители этих наук, раскрывая мировоззренческие, идеологические и личностные основы и характеристики толерантности, не дают ответа на вопросы о формах ее проявления на уровне разных социальных групп и общностей; социальных механизмах влияния толерантности на различные процессы, происходящие в обществе; возможностях формирования толерантных установок, направленных на организацию необходимого коллективного действия и др. Ответы на них определяют исследовательские интересы социологической науки.

Вместе с тем и в российской социологической литературе не существует единства во взглядах на сущность и содержание феномена толерантности, хотя следует отметить, что в последние десятилетия наблюдается сближение позиций специалистов по данному вопросу.

Согласно точке зрения Л. М. Дробижевой, толерантность есть личностное или групповое качество, проявляющее себя как «готовность принять “других” такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия»¹⁷.

М. Мацковский также придерживается мнения о том, что толерантность – это качественная характеристика, но не субъекта и объекта толерантности, а «определенное качество взаимодействия между субъектом и объектом толерантности, характеризуемое готовностью субъекта принимать

¹⁷ Дробижева Л. М. Социальные проблемы национальных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 305.

социокультурные отличия объекта, включающие в себя внешние признаки, высказывания, особенности поведения и т. д.»¹⁸.

При видимых отличиях позиций Л. М. Дробижевой и М. Мацковского мы считаем, что они отражают две стороны феномена толерантности, которая выступает как процесс и как его результат, каждая из которых имеет свои качественные характеристики. Толерантность как процесс характеризует состояние терпимости субъектов действия в межличностных и межгрупповых взаимодействиях. А вот результат данного процесса уже находит свое выражение в качественных характеристиках личности или группы.

Специфику социологического подхода к пониманию толерантности, по нашему мнению, следует связывать с тем, что она представляет собой особый тип социального взаимодействия социальных субъектов.

Соответственно основой для методологии социологического анализа толерантности служат концепции социального взаимодействия, суть которых проявляется в конкретной ситуации. Ее причина и следствия – это бесконечная череда обмена субъективно значимой информацией, которая в силу социальной необходимости приобретает форму объективного факта (или, согласно Э. Дюркгейму, социального факта). Эти факты (которые могут представлять нормы, правила, статусы, роли), существуя в социальном пространстве в виде символов, обуславливают саму возможность социального взаимодействия.

Современные исследования социальных взаимодействий так или иначе опираются на классическую концепцию социального действия М. Вебера. Ученый ввел типологию социальных действий, каждый элемент которой является идеально-типическим понятием и в реальной жизни существовать не может. В процессе интеракции человек в виду своей сложной организации сочетает сразу несколько типов действия, один из которых является более выраженным по отношению ко всем остальным и позволяет более конкретно

¹⁸ *Мацковский М.* Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. 2001. № 3–4. URL: <http://www.tolerance> (дата обращения: 27.07.2014).

определить тип действия: является ли оно целерациональным, ценностно-рациональным, традиционным или аффективным.

В теории социального действия М. Вебера толерантность определяется в качестве социальной характеристики человека и общества. При этом деление людей на толерантных и интолерантных, равно как социальных действий на целерациональные или традиционные, является условным. Крайние позиции встречаются редко. Каждый человек в своей жизни совершает как толерантные, так и интолерантные поступки. Тем не менее склонность вести себя толерантно или интолерантно может стать устойчивой личностной чертой, что и позволяет проводить такого рода различия¹⁹. Именно поэтому можно определить толерантность и интолерантность как идеальные свойства системы действия.

Уже позже в теории символического интеракционизма, созданной Дж. Мидом и развитой Г. Блумером, изучение толерантности осуществляется в процессе межличностного взаимодействия. Одним из ее основных положений является тезис о том, что «личность и социальные действия формируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются и изменяются в социальном взаимодействии (интеракции) его участниками»²⁰.

В процессе коммуникации большое значение придается репродуктивной роли знаков, жестов, обозначающих отношение, позицию, социальную установку и действующих на другого индивида как специфические раздражители. Субъекты коммуникации интерпретируют жесты и обобщают ситуацию до определенного содержащегося в ней смысла.

По словам Дж. Мида, «значимыми символами называются знаки и символические жесты, вызывающие у другого индивида то же самое представление о присущих им значениях, что и у первого, и поэтому

¹⁹ См.: *Мацковский М.* Толерантность как объект социологического исследования. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT> (дата обращения: 27.07.2014).

²⁰ *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация // Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000. URL: <http://bib.convdocs.org/v8402/?download=1> (дата обращения: 01.08.2014).

определяющих одинаковую реакцию»²¹. Участники взаимодействия интерпретируют друг друга, что является предпосылкой взаимодействия. Важным понятием для раскрытия содержания феномена толерантности в теории символического интеракционизма выступает «идентичность», которая осознается, по мнению Дж. Мида, только в том случае, когда индивид смотрит на себя глазами другого.

Значимым для анализа толерантного / интолерантного действия является подход П. Бергера и Т. Лукмана, которые главную роль в этом процессе создания социального мира отдали феномену социального взаимодействия в повседневной жизни. Авторы обращают особое внимание на то, что при общении между собой люди создают типичные образцы поведения, символы, или «типизации», которые вносят в условия общения порядок, делают его доступным для взаимного понимания. При этом типизация в повседневной жизни имеет двойной смысл: типичными представляются люди, вступающие в общение, и типизируются сами ситуации, в которых происходит акт взаимодействия²². Отсюда именно типизация, в том числе и индивидуально личностная, становится основой социальной структуры. Она позволяет нам выстроить свое поведение по отношению к «другому» с позиций толерантности / интолерантности. Это уже далее обращает нас к проблеме личности в социологии как носителя социально значимых свойств (носителя социальности), продукта определенной культуры и социальных взаимодействий. При этом социально-типические черты личности имеют системный характер.

С позиций детерминационных оснований личностного поведения интерес представляет феноменологический подход к интерпретации свойств толерантности. Толерантность / интолерантность непосредственно проявляются в социальном действии и ответных реакциях, поскольку атрибутивно принадлежат системе потребностей, интересов, мотивов,

²¹ Цит. по: *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. URL: <http://bib.convdocs.org/v8402/?download=1> (дата обращения: 01.08.2014).

²² См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 55–56.

установок, целей. Потребности обуславливают действия, нацеленные на сотрудничество или противодействие. В процессе сотрудничества они по своему качеству толерантны к другим, в противодействии – интолерантны.

В первом случае они опираются на предположения о возможности, желанности и полезности «других», превращении их из «просто других» в «актуальных других», а затем и в «значимых других». Во втором – они ведут к отвержению. При этом несовпадение, различие наших «Я» и тех, кого мы представляем, может не драматизироваться, а пониматься и приниматься как естественное наличное различие, социально не угрожающее и психологически не вызывающее тревоги. Через мотивы мы не только рационализируем понимание этого различия как представления о расширении вариантов нашего выбора, но и осознаем его как осложняющее наше бытие ввиду неизбежности неустанного поиска совпадений, а значит, прохождения через ошибки и переживания, драматургию этого опыта для нас.

При исследовании процессов формирования толерантности методология, разработанная в рамках данных концепций, позволяет выявить формы и способы влияния субъектов социального действия на характер и направленность социальных взаимодействий в обществе с учетом особенностей внешней среды.

Толерантность / интолерантность в социальном взаимодействии как отдельной личности, так и социальных групп формируется прежде всего через опыт лояльного/нелояльного взаимодействия, а также через текущую деятельность и проявляется в конкретных ситуациях общения с любой «инаковостью». Отсюда возникает необходимость анализа толерантности / интолерантности в конкретной ситуации, которая выступает условием социального взаимодействия.

Анализ методологических основ анализа толерантности в плоскости социальных взаимодействий показывает, что ее следует рассматривать как многоаспектное явление. По нашему мнению, его нужно структурировать с

учетом того, что исследование проблемы толерантности в социологии находится в трех взаимосвязанных аспектах:

1) толерантности как системы социальных взаимодействий, которые выступают идеально-типическим способом проявления толерантности / интолерантности;

2) места толерантности в системе личности, поскольку толерантность / интолерантность в результате социализации становится ее социально-типической чертой;

3) учет и исследование ситуаций, которые выступают необходимым условием взаимодействия и определяют содержание опыта толерантных / интолерантных взаимодействий, а также формируют социально-типические образцы поведения, выступающие формой проявления толерантности / интолерантности.

Исследуя феномен толерантности через социальное взаимодействие, можно выделить три основных уровня ее изучения: макро-, мезо- и микроуровни. На макроуровне объектом анализа становятся отношения между большими социальными группами (например, нациями) или отдельными социальными группами и обществом. На мезоуровне толерантность рассматривается как взаимодействие между личностью и организацией (в качестве которой выступает и семья как малая группа), а также территориальными этническими сообществами. На этих уровнях исследование толерантности связано с формированием и реализацией определенных принципов и норм толерантности.

В связи с этим Г. Г. Абдулкаримов предлагает рассматривать толерантность как особую социальную норму гражданского либерального общества, включающую в себя такие компоненты как «социальная восприимчивость взаимодействующих субъектов, уважение и признание равенства партнеров; отказ от доминирования и насилия; признание многообразия человеческой культуры и отказ от сведения ее многообразия к единообразию; готовность принять другого таким, как он есть; способность

конструктивно разрешать конфликтные ситуации; готовность взаимодействовать на основе согласия, но без ущемления собственных интересов»²³.

Сама по себе постановка проблемы анализа содержания толерантности как социальной нормы представляет собой научный интерес, поскольку позволяет через состав ее компонентов на эмпирическом уровне замерять состояние ее реализации в обществе. Но вместе с тем автором в состав компонентов толерантности в рамках данной нормы явно включаются как принципы или правила взаимодействия субъектов, что действительно характеризует любую норму, так и качественные характеристики субъектов социального взаимодействия, что уже выступает условием толерантного взаимодействия.

На микроуровне изучение толерантности осуществляется в ключе личностных характеристик индивида или характеристик межличностных отношений.

На формирование и развитие толерантности личности влияют различные факторы. По мнению Д. Бродского, их можно разделить на три основные группы: факторы развития, формирования и становления²⁴.

Факторы развития – генетические особенности, потенциальные возможности, определяющие биологические этапы изменений индивида.

Факторы формирования – это условия, при которых происходят изменения индивидуальности индивида.

Факторы становления – это влияния, которые применяет к себе сам индивид с целью идеализации своего существования.

Процесс формирования толерантности закономерно связан с социализацией личности, что обеспечивает адаптацию к изменению или активизацию деятельности человека, осознанию мотиваций, выработкой

²³ *Абдулкаримов Г. Г.* Толерантность в межнациональных отношениях в Уральском регионе: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2004. С. 13.

²⁴ См.: *Бродский Д.* Некоторые психологические основы конструктивной социальной толерантности. URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=envelope&url=http%3A%2F%2Fnagval.kz%2Fdocs%2Fеbook01_17.doc&lr=54&tld=ru&lang=ru&text=Д.%20Бродский%20о%20факторах%20толерантности&110n=ru&mime=doc&sign=342e90a94ebf939fc72241dcfaa2bea2&keyno=0 (дата обращения: 30.07.2014).

суждений, основанных на моральных ценностях. Формирование толерантности у индивидов может рассматриваться в качестве результата воспитательной деятельности в семье и педагогической деятельности в учебных заведениях.

Толерантность включает в себя различные компоненты, которые позволяют успешно развить толерантные взаимодействия личности.

Ведущим компонентом толерантности является самоопределение как процесс и результат выбора личностью позиции по отношению к «другим», основанной на самосознании социальной дистанции между ними и самооценке их значимости для себя.

Другим важным компонентом толерантности является идентификация. Это процесс отождествления индивида с тем или иным объектом, человеком или группой, происходящий на основе усвоения характерных им свойств, стандартов, ценностей, социальных установок и социальных ролей. Особое значение идентификации состоит в том, что в результате ее формируются представление о «своих» и «чужих» и выстраивается система социальных действий, основанная на толерантном / интолерантном отношении к «другим».

Итак, с социологической точки зрения под толерантностью мы будем понимать особый вид социального взаимодействия между социальными субъектами разного уровня (общество, социальная группа, личность), направленный на принятие «другого» на основе принципов уважения, признания равенства прав и основных свобод человека и формирующийся через самоопределение и идентификацию субъектов взаимодействия.

Толерантность, в зависимости от социального и территориального контекста, типа взаимодействий может иметь различные формы: социальную, политическую, религиозную, экономическую, гендерную и этническую.

Нас в данной работе интересует, прежде всего, сфера межэтнической толерантности, то есть толерантности разных этнических групп по отношению друг к другу, выражающейся через активное групповое взаимодействие,

принятие «другого», способы адаптации, самоидентификации и социализации индивидов.

Дискриминация, базирующаяся на этническом признаке, фактически закрепляет интолерантность. Однако в современном мире ассимиляционные стратегии в большей степени опираются на принципы толерантности, так как чаще всего предусматривают объединение разных этнических сообществ.

Это проявляется в идеологии и практике мультикультурализма. Основателем теории мультикультурализма считается Ч. Тейлор, который предложил идеальную модель решения политических проблем государства с большим количеством мигрантов. В этой модели он предложил уравновесить политику формирования культурной идентичности с идеей патриотизма в условиях демократического государства через установление множества консенсусов.

В рамках программы мультикультурализма общество предстает как множество отдельных сегментов, дифференцируемых в терминах культуры. Эти сегменты принадлежат к меньшинствам или к большинству²⁵. Государственная программа мультикультурализма должна в таком обществе выступить инструментом, обеспечивающим согласие и интеграцию данных сегментов. Концепцию Ч. Тейлора и его последователей за прошедшие после ее создания неоднократно подвергали критике за нечеткость концептуальных позиций (например, она не отвечает на вопрос: где границы между «мы» и «иные», «чужие»?); этноцентризм, когда преследование коллективных целей осуществляется за счет национальных и других меньшинств; за подмену понятия толерантности солидарностью, когда обеспечение самобытности этнических и других меньшинств осуществляется за счет автономии индивида.

Политическая практика таких развитых индустриальных государств, как Канада, Германия, Франция доказала, что мультикультурализм не может

²⁵ См.: Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М., 2007. С. 142–148.

существовать без поддержания толерантности. Таким образом, толерантность становится концептуальной основой интеграции этнических групп в пределах одного государства.

Разные подходы к изучению этнической толерантности раскрывает ее различные стороны. Так культурологический показывает ограниченность этнотолерантности от природы, рассматривая данное явление как способ жизни людей, имеющих многофакторную детерминацию²⁶.

В политологии акцент делается на государственных стратегиях формирования межэтнической толерантности.

В этнопсихологии предметом исследования становятся восприятие, эмоциональное переживание взаимодействий с «иными», «чужими».

В социологии исследуются механизмы взаимодействия этнических групп в условиях конкретной социальной среды, способы интеграции личности во внутриэтнические взаимосвязи, а также в иную этносреду.

Опираясь на изложенные выше теоретические положения, исследуем этническую толерантность. Для этого необходимо более подробно остановиться на понятии «этничность».

В определенных случаях термин «этничность» является синонимом «национальности». Так, например, Л. И. Науменко и Т. В. Водолажская понятия «этничность» и «национальность» отождествляют и используют в значении «этнической принадлежности», под которой понимают «факт осознания человеком своего этнического происхождения, этнической самокатегоризации, отнесения и определения себя как представителя определенной этнической общности»²⁷. Скорее всего такое отождествление связано с тем, что в социологической и политической практике понятие национальности имеет двоякое значение: с одной стороны, его рассматривают

²⁶ См.: Киекбаев М. Д., Абдрахманов Д. М., Султанмуратов И. З. Этническая толерантность как феномен современного общества. Уфа, 2008. С. 33.

²⁷ Цит. по: Шелест О. Национальность, этничность, гражданство: в поисках общих оснований // Палітычная сфера. 2007. № 9. С. 116.

как этническую принадлежность, а с другой – для обозначения гражданства или подданства²⁸.

Другие авторы этничность рассматривают как характеристику индивидуального или коллективного сознания или форму этнической идентичности, основанную на идентификации человека или группы с определенной этнической общностью (Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева). Этой категорией подчеркивается идентичность людей, основанная на общем происхождении и чувстве общинной солидарности. Она позволяет анализировать и сравнивать различные явления, отслеживать идентификационное и социальное многообразие, которое зачастую не укладывается в устоявшуюся классификационную систему национальностей. Понятие «этничность» помогает проследить и становление новых этносов, и ответить на вопрос о том, что именно связывает только часть (группу) людей одной национальности.

Проблема, связанная с истоками возникновения этнической толерантности, является наиболее значимой для современных исследований. Решение ее складывается с учетом трех основных позиций, которые сложились в научном мире не сегодняшний день, а именно подходов к этничности с позиции примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

Примордиализм как в отечественной, так и в зарубежной науке в течение длительного времени был господствующей концепцией в исследованиях этносов и этничности. В отечественной науке он был прежде всего представлен в работах Ю. В. Бромлея. Примордиализм характеризуется двумя направлениями: эволюционно-историческим и социобиологическим. Наибольшее распространение получило первое направление, в рамках которого этнос рассматривается как исторически сложившееся сообщество со своим самосознанием, чертами культуры, идентичностью и языком. Социобиологическое направление представлено прежде всего пассионарной

²⁸ См.: *Тышков В. А.* О феномене этничности // *Этнографическое обозрение.* 1997. № 3. С. 3–21.

теорией этногенеза Л. Н. Гумилева и его последователей, который считал, что этнические сообщества выступают одновременно биологически обусловленными сообществами людей, формой приспособления людей к ландшафту, комплементарными сообществами людей, осознающими свое единство и противопоставляющими себя другим этническим сообществам; группами людей со сходными стереотипами поведения; группами людей, которые имеют общее происхождение; устойчивыми эволюционирующими системами; иерархическими структурами²⁹. Исторический процесс в этом плане рассматривается им как взаимодействие этносов, функционирующих как единый коллективный организм. Поэтому ученый считал, что этносы выступают основой всех форм и элементов социальной структуры.

Но, как отмечает Л. М. Дробижева, современные реалии с их политическими конфликтами на национальной почве, расовыми и этническими движениями потребовали новых исследовательских подходов³⁰.

Конструктивистский подход основан на том, что этнические сообщества, народы представляют собой искусственно сформированные сообщества. Главное, что отличает конструктивистские концепции: этнические сообщества объединяются не на основе общей культуры, языка, не на основе общей истории, а преимущественно на основе представлений о них, что порождает мифы, реальные или воображаемые традиции. Сами эти мифы и представления об этнической общности конструируют этнические элиты, в состав которых входят писатели, художники, политики, средства массовой информации транслируют их массам³¹. Наиболее представительным конструктивистом в этом плане выступает Б. Андерсон, который считает, что нации сконструированы в новое время и не опираются на этническую реальность. Нации есть политический конструкт, который используется политическими элитами в своих целях.

²⁹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2004. С. 560.

³⁰ См.: Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2003. С. 32.

³¹ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С.288.

В настоящее время в условиях подъема национальных движений, национального самосознания методология их исследования имеет практическое значение, поскольку этничность изменчива, и ее можно конструировать посредством мифов, а значит, не только формировать, но и расформировывать, но вместе с тем конструктивистский подход не позволяет ответить на вопрос о причинах устойчивости этнической идентичности, передачи ее из поколения в поколение даже в условиях стабильности межнациональных отношений.

Идеи конструктивистов находят свое крайнее выражение в инструментализме. Его представители Д. Хорвиц, Дж. Родшилд и др. считают, что мифы в данном случае создаются и транслируются не только этническими элитами, но и другими представителями этнической общности для мобилизации общности и достижения благоприятных изменений в статусе, распределении ресурсов, доступе к власти и т. п.

Метод инструментализма является, на наш взгляд, представляется перспективным, поскольку, согласно Н. Глейзеру и Д. Мониэху, этничность является не просто набором сантиментов и аффективных чувств, но формой реализации социальной стратегии³².

К исследованию этнической толерантности и идентичности инструменталисты, такие как М. Хетчер, применяют «теории рационального выбора», согласно которой этничность является средством для достижения цели, и если она помогает ее достичь, то актуализируется, если нет – игнорируется. Поскольку поведение индивидуума диктуется стремлением достичь поставленных целей максимально кратким и простым путем, то это предопределяет и структуру его идентификаций: он (индивидуум) отождествляет себя с теми коллективными формами, с которыми выгодно.

Отдельно можно выделить «инструментальных перенниалистов», которые подчеркивали перманентность этнических феноменов. Д. Ноэл сводит фактор этнической толерантности / интолерантности к тем случаям,

³² См.: Ethnicity. Theory and Experience / eds. N. Glazer, D. P. Moynihan. Cambr., 1975. P. 1-14.

когда одна группа людей стремится навязать другой группе людей свою власть и для этого прибегает к инструментальному конструированию особой общности (этнической или религиозной). В таких ситуациях для закрепления социальной стратификации элитой изобретается этническая идентичность.

Однако если конструктивисты объективные основы формирования этносов и наций видят в потребности политических элит использовать их как инструмент в борьбе за власть и привилегии, то инструменталистов объективные основания возникновения и развития этнических сообществ мало интересуют. Их интересы в основном сосредоточены на выявлении тех функций, которые выполняют эти этносы и народы в обществе.

Мы согласны с Л. М. Дробижевой, что сегодня при объяснении сложной реальности ни один из представленных подходов не может в полном объеме разрешить методологические проблемы, связанные с исследованием формирования и взаимодействия различных этносов в полиэтнических обществах³³. Отсюда в зависимости от целей исследования и решаемых задач требуется обращения к разным традициям и методологии анализа. Для полноты анализа этнической толерантности следует использовать идеи примордиалистов о первичности этнических признаков и их объективном происхождении, но с учетом того, что степень актуализации и востребованности этого признака конструируется как внешними социальными обстоятельствами, так и личностными установками.

Наиболее широкое определение этнической толерантности заключается в понимании ее как терпимого отношения «к этнической общности или отдельному ее представителю, к любой инаковости: нормам, ценностям, образу жизни, традициям, мнениям, убеждениям»³⁴. Но такая трактовка не позволяет выявить этническую специфику толерантности, поскольку она отождествляется с любой инаковостью и фактически любыми иными нормами, традициями и т. д.

³³ См.: Социология межэтнической толерантности. С. 34.

³⁴ Киекбаев М. Д., Абдрахманов Д. М., Султанмуратов И. З. Этническая толерантность как феномен современного общества. С. 32.

Эти замечания можно отнести и к определению этнической толерантности, которое дает Л. М. Дробижева, рассматривающая этническую толерантность как частный случай толерантности и считающая ее способом мировоззрения³⁵.

Но, по нашему мнению, этническую толерантность не стоит ограничивать только мировоззренческим уровнем. Она включает в себя как обязательный элемент и активное действие по реализации определенных мировоззренческих принципов в отношениях с этнодругими.

В своей глубинной основе специфика данного действия связана с этническим менталитетом и этническим самосознанием.

В самом общем плане под менталитетом понимают глубинный уровень массового сознания любой общности, позволяющий ей по своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя³⁶. Для исследования нашей темы важно, что этнический менталитет определяет социально-духовную специфичность этнической общности, которая проявляется в позициях, ценностных ориентациях, поведенческих стереотипах и т. п., что связывает его с феноменом этнической толерантности.

Сторонники биосоциальной природы этноса связывают этнический менталитет с феноменом коллективного бессознательного, имеющего всеобщую природу, что делает его основой любого другого вида менталитета³⁷. Такой подход к пониманию этнического менталитета не позволяет, однако, выявить его социокультурные особенности, которые вырабатываются на уровне общественного, в том числе и этнического сознания, и изменяются исторически.

Отсюда далее мы будем придерживаться понимания этнического менталитета, данного О. А. Кокубой «Этнический менталитет – это исторически сложившаяся устойчивая органическая целостность социально-

³⁵ См.: Дробижева Л. М. Социальные проблемы национальных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 306.

³⁶ См.: Кокуба О. А. Природа и структура этнического менталитета // *Философия и общество*. 2004. Вып. № 4 (37). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/253192/> (дата обращения: 13.03.2015).

³⁷ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1980. С. 560 ; Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // *Архетипы и символ*. М., 1991. С. 304.

психологических качеств и черт, присущих именно этой этнической общности (народу, нации), составляющим ее группам и гражданам, существующая на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, которая обуславливает единообразный, специфический для каждой общности тип мировосприятия, аксиологической оценки, поведения и самоидентификации»³⁸.

Осознаваемый уровень этнического менталитета – это этническое самосознание. Этническое самосознание – часть этнического сознания, представляющую собой систему представлений личности и этнической группы о сущности и специфических особенностях своего этноса и его отношениях с другими этническими группами. Этническое самосознание складывается на ранних этапах развития общества и связано с формированием этнических ценностей (особенности семьи, способов ведения домашнего хозяйства, верования и т. п.), которые позднее трансформируются и закрепляются в традициях. Традиции уже выступают своеобразным механизмом закрепления этнических ценностей, норм взаимодействия с другими этносами.

Этнический менталитет и этническое самосознание в единстве бессознательного и сознательного способствуют на индивидуальном и групповом уровне формированию «образа мы», порождают потребность осознания этого образа и принятия активных действий по утверждению его в представлениях других этносов и народов, которые и становятся основой толерантных / интолерантных отношений.

Направленность этих отношений на толерантное / интолерантное взаимодействие на индивидуальном и групповом уровне будет обуславливаться особенностями этнической идентичности. Особое место и значение этнической идентичности связано с тем, что она, с одной стороны, формируется на основе этнического самосознания, а, следовательно, и осознания на групповом и индивидуальном уровне, самобытности и

³⁸ Кукоба О. А. Природа и структура этнического менталитета. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/253192/> (дата обращения: 13.03.2015).

особенностей своего этноса и его отличий от других. А с другой – именно на этом осознании выстраивается система представлений о своей принадлежности к конкретному этническому сообществу и готовность либо к толерантному межэтническому взаимодействию, либо, напротив, к дистанцированию и противопоставлению себя другим этносам и возвышению места и роли своей этнической группы.

Ее значение и место в системе этнической толерантности определяется именно тем, что она на основе этнического сознания для индивида и группы определяет масштаб социальной и культурной дистанции, которая и формирует потребность в этнической толерантности. (Понятие социальной дистанции введено Г. Зиммелем и означает положение социальных групп и индивидов в социальном пространстве, то есть уровень их близости или отчужденности, степень взаимосвязанности).

Как уже отмечалось выше толерантность в современном обществе выступает социальной нормой, включающей в свой состав, принципы и правила демократических отношений между народами, нациями и государствами, которые в самом общем плане определены в «Декларации принципов терпимости», принятой ЮНЕСКО в 1995 г. К ним относятся «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»; «активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека»; «обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка»; «уважение прав человека» когда «каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими»³⁹.

Эти принципы лежат в основе межэтнических взаимодействий взаимодействия на всех уровнях их функционирования и должны учитываться

³⁹ Декларация принципов терпимости. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 30.08.2014).

при исследовании особенностей межэтнической толерантности. Наиболее значимыми для формирования и реализации этнической толерантности представляются принципы уважения прав человека и принятия многообразия культур нашего мира и активного отношения к ним. Кроме того, в сфере межэтнических отношений представляется важным обратить внимание на принцип доверия, поскольку само формирование этносов первоначально связано с потребностью в безопасности и защищенности, реализация которой базировалась на доверии к готовности этносов обеспечить эту защищенность.

Таким образом, мы считаем, что характеризовать этническую толерантность следует с учетом следующих элементов: сферы действия – межэтнические отношения, ее содержания как вида социальных взаимодействий и принципов, на которых базируется данный вид взаимодействия.

Исходя из вышесказанного, далее под этнической толерантностью мы будем понимать специфический вид социальной толерантности, формирующийся на основе этнической идентичности субъектов межэтнического взаимодействия (общество, этническая группа, личность) и проявляющийся в принятии этнодругого как своего, его социокультурных отличий на основе принципов уважения к их многообразию, доверия и равенства прав.

Поскольку этническая идентичность лежит в основе этнической толерантности, то к ней следует обратиться особо. Общая методология исследования данного феномена в нашей работе также опирается на конструктивные положения уже охарактеризованных выше трех подходов в понимании этничности, из которых вытекает и понимание их представителями этнической идентичности.

В рамках примордиалистского подхода этническая идентичность рассматривается как изначальная характеристика реально существующей этнической группы, в основе которой лежит кровное родство, общее

происхождение и территория. Сложность исследования феномена этнической идентичности и ограниченность данного подхода состоит в том, что в конкретных ситуациях, например давление на процесс этнической идентификации этнического большинства, проживающего на конкретной территории, дискомфорт в межэтнических отношениях в рамках конкретной организации и т. п. фактор кровного родства может не сработать и появляется возможность появления декларируемой этнической идентичности, на что обращает внимание Т. Г. Стефаненко, которая пишет, что она проявляется «...в причислении себя к этнической общности, самоназвании, ... не совпадающей с субъективной этнической ситуацией»⁴⁰.

Конструктивисты понимают идентичность, в том числе и этническую, как социально конструируемый феномен, на которую прежде всего оказывают влияние групповое сознание, мифотворчество, чувство солидарности. При таком понимании этнической этничности она предстает явлением изменчивым, подверженным манипуляциям со стороны этнических элит. Такой тип идентичности не может стать гарантом стабильности полиэтнических обществ.

Инструменталистский подход к этнической идентичности отчасти сочетает в себе черты первых двух и ориентирован на исследование функционального и утилитаристского значения этнической идентичности. Этническая идентичность здесь выступает средством достижения групповых интересов, понимается как идеология, создаваемая элитой для мобилизации группы. Отличительной особенностью данного подхода является не чисто конструктивистское понимание данного феномена, когда этничность конструируется на основе интересов элитарных групп, а то что в современных условиях, этничность развивается как естественно-историческое качество определенного типа сообществ-этносов, так и под влиянием идеологических установок, формируемых прежде всего политической и этнической элитами

⁴⁰ Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Вестн. Москов. ун-та. 2009. Серия 14. Психология. № 2. URL: http://www.psy.msu.ru/science/vestnik/archive/vestnik_2009-2.pdf (дата обращения: 10.10.2014).

конкретного общества. Это делает этническую идентичность не устойчивой, а изменчивой и зачастую ситуативной характеристикой группы и индивида.

Если сам феномен этнической идентичности не рассматривается нами как в чистом виде конструируемое социальное явление, то структурные ее элементы конструируются специалистами с учетом особенностей понимания ее сущности и содержания, а также целей и задач научного исследования.

Л. М. Дробижева, структурируя этническую идентичность, исходит из того, что, хотя этническая идентичность и не относится к основным, базовым видам социальной идентичности, она является, тем не менее, одним из наиболее устойчивых видов идентичности. Автор выделяет следующие структурные компоненты этнической идентичности:

- самоотнесение себя к данному этносу;
- автостереотипы;
- характеристики, приписываемые своему народу;
- представления о культуре, языке, истории, возможно территории, государственности своего народа,
- этнический «образ мы»⁴¹.

Данная структура, по нашему мнению, в целом отражает содержание этнической идентичности. Она вполне функциональна для дальнейших эмпирических исследований и социологической операционализации понятий, если бы не такой структурный элемент, как этнический «образ мы», под которым автор понимает этническое самосознание.

К основной функции этнической идентичности она относит включение индивида в социальные взаимосвязи, внутригрупповую интеграцию. При этом, по мнению автора, этническое самосознание встроено в структуру этнической идентичности, подчеркивая при этом, что собственно «образ мы» или «этническое самосознание» все-таки шире понятия этнической идентичности. Мы считаем, что именно по этой причине данный элемент не следует рассматривать как органически присущий этнической идентичности.

⁴¹ См.: Социология межэтнической толерантности. С. 42–43.

Кроме того, по нашему мнению, на этническую идентичность оказывает влияние не просто сам процесс самоотнесения себя к данному этносу, а способ этнической идентификации и ее формы. Стереотипы же оказывают влияние на процесс идентификации личности и группы не только на уровне автостереотипов, которые, кстати, фактически совпадают с другим элементом – характеристики, приписываемые своему народу, но во взаимодействии с гетеростереотипами.

К числу элементов этнической идентичности представляется необходимым отнести также и представления о вероисповедании своего народа, и не только потому что религиозный фактор наряду с этническим сегодня активно используется в политической жизни государств и межгосударственных отношениях. В случае этнической идентичности представления о вероисповедании своего народа тесно взаимосвязаны с представлениями о его культуре и истории, поскольку в архаичном обществе, куда уходят корни формирования современных этносов, культурные традиции и ценности складывались и закреплялись через первобытные верования, культы и обряды. Позднее они, так или иначе, закрепились в современных мировых религиях. Кроме того, выбор тем или иным этносом конфессиональных предпочтений отражает и исторический путь его становления.

Мы с учетом изложенной вышесказанного предлагаем свой вариант структуры этнической идентичности, которая, по нашему мнению, включает в себя следующие элементы, содержание которых мы раскроем далее:

- способ этнической идентификации и ее формы;
- этностереотипы;
- представления о культуре своего этноса;
- язык своего народа и отношение к нему;
- представления о вероисповедании своего народа.

Способ этнической идентификации и ее формы: существуют несколько способов идентификации, характерных и для других ее видов:

самоопределение, самоидентификация и самореализация, которые, как правило, действуют во взаимосвязи. Самоопределение в самом общем плане это процесс и результат выбора личностью своей позиции, способ нахождения своего места в конкретной социальной группе.

Поскольку этносы относятся к наиболее ранним типам исторических социальных общностей и первоначально формировались на основе кровнородственных связей для обеспечения безопасного существования племени, рода, то уже на подсознательном уровне они связываются с той социальной группой, общностью, которая способна обеспечить эти гарантии защищенности и безопасности. Отсюда в рамках этнической идентификации самоопределение связано с поиском гарантий защищенности, реализацией потребности в безопасности.

Следовательно, суть этнического самоопределения связана с самопознанием и принятием себя как представителя конкретного этноса или народа. Осмысливая свой индивидуальный опыт и опыт других людей в полиэтническом пространстве, человек актуализирует для себя этническую идентичность. На характер этнического самоопределения оказывают влияние несколько факторов. В первую очередь это состояние межэтнических отношений в обществе. При их обострении потребность в этническом самоопределении обостряется. Далее, это направленность государственной национальной политики и формы ее реализации. При дискриминации тех или иных этносов данная потребность также усиливается. Кроме того, в современных условиях функция этноса, связанная с обеспечением безопасности и защищенности трансформировалась и зачастую связывается с местом этнических групп в политической жизни страны и формированием этнических элит. Отсюда и этническое самоопределение не всегда связывается с этническим происхождением индивида, данным ему от рождения.

На уровне семьи на этническое самоопределение оказывает влияние этнический состав семьи. Если в мононациональной семье факт этнического

происхождения принимается как данность, то в межнациональной – на определенном этапе социализации уже встает проблема выбора.

Из характера и направленности потребности в этническом самоопределении вытекает и выбор способа этнической самоидентификации: либо индивид признает свою этническую принадлежность по факту происхождения, либо выбирает себе альтернативные варианты (принадлежность к этнической элите, к титульному этносу и. т. п.).

Этническая самореализация – это уже результат процессов этнического самоопределения и самоидентификации, когда на их основе формируется система ценностей, определяются жизненные цели и определяется направленность социальных взаимодействий в условиях полиэтнического общества, вырабатываются индивидуальные стратегии этнического и межэтнического поведения, такие как ассимиляция, аккультурация и др.

Как правило, эти способы этнической идентификации действуют во взаимосвязи, но в отдельных конкретных ситуациях они могут действовать противоречиво, либо актуализируется один из способов, что порождает такие формы этнической идентификации, как устойчивая моноэтническая идентификация, двойственная этническая идентичность и этническая маргинальность.

Этностереотипы представляют собой частную форму социальных стереотипов, описывающих членов этнических групп путем приписывания им тех или иных социальных и этнических качеств и характеристик и позволяющих быстро категоризовать людей в ситуации межэтнического взаимодействия. Долгое время их отождествляли с этническими предрассудками и считали, что они негативно влияют на межэтническое общение.

Вместе с тем их роль в формировании межэтнической толерантности / интолерантности состоит не просто в том, что под их влиянием создается условный образ «плохих» и «хороших» народов, на котором и выстраивается практика толерантных / интолерантных отношений с

разными этносами и группами. Они выступают естественными и закономерными элементами этнического самосознания.

Этностереотипы выполняют несколько важных функций в межэтническом взаимодействии: познавательную (упрощая межэтническую дифференциацию, коммуникативную, закрепляя отношение к собственной этнической группе и этнодругим; укрепления и защиты этнической идентичности, формируя чувство предпочтения родовых этнокультурных ценностей)⁴². Иначе можно сказать, что функциональное назначение этностереотипов определяется их способностью формировать образ этнического «мы» на основе сравнения своей этнической группы с иными.

Как считает А. Г. Асмолов, этнические стереотипы выступают индивидуальные нерелексируемые способы быстрого решения проблем межэтнического общения на основе этнической стереотипизации, а также функционально-ролевые качества личности в этнической группе, ее социотипическая характеристика⁴³.

Этностереотипы представлены двумя основными группами: авто- и гетеростереотипами, которые содержат в себе представления о наиболее типичных чертах и качествах своего или иного этноса.

Гетеростереотипы представляют собой совокупность оценочных суждений о других народах и этносах. Авто- и гетеростереотипы формируются на основе непосредственного межличностного общения между народами и этническими группами, складываются исторически и передаются от поколения к поколению путем поговорок, слухов, анекдотов и. т. п.

Как показывает практика и свидетельствуют результаты социологических исследований, автостереотипы (представления о «своей» группе), как правило, имеют позитивный характер, что соответствует позитивной этнической идентичности. Негативное содержание автостереотипа

⁴² См.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 83–86.

⁴³ См.: Асмолов А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 2001. С. 302.

связывают, как правило, с внутриличностным культурным конфликтом или маргинальностью его носителя.

Гетеростереотипы имеют как позитивную, так и негативную направленность. Положительные гетеростереотипы (представления о «другой» группе) свидетельствует о сужении дистанции между этническими группами. Здесь стоит обратить внимание на концепцию социальных стереотипов А. В. Меренкова, который считает, что конструирование социальных стереотипов в обществе определяется потребностями функционирования и развития, которые «создают объемные, охватывающие целые виды человеческой деятельности, стереотипы сознания и поведения на длительный период»⁴⁴.

Этностереотипы в значительной степени формируют следующий элемент этнической идентичности – *характеристики, приписываемые своему этносу*, которые определяются чаще всего позитивными автостереотипами. Эти характеристики объединяются сегодня таким емким понятием, как «национальный характер», под которым понимают устойчивые особенности нации, народа или этнического сообщества, представляющие собой совокупность типичных идей, ценностей, норм и социально-психологических черт.

Следует иметь в виду, что в данном случае речь идет не о жесткой приписываемости каких-либо черт и характеристик одному или другому конкретному этносу, поскольку в той или иной мере они присутствуют в жизни любого народа, а о степени выраженности этих черт и специфике их проявления (например, специфика английского юмора). При этом следует учитывать также факт, что они в результате межэтнического взаимодействия изменяются.

В ситуациях этнической идентификации личности передача черт национального характера происходит в процессе социализации, прежде всего,

⁴⁴ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001. С. 64.

посредством языка (пословицы, поговорки, сказки, мифы, легенды о народных героях).

Представления о культуре своего этноса. Мировая культура есть тот «котел», который переваривает и отбирает образцы национальных и этнических культур. Для формирования этнической идентичности крайне важно, чтобы отдельные представители этноса и этнические группы максимально адекватно отражали содержание и специфические особенности своей культуры, ее состояния и особенностей формирования. Традиционно в структуре культуры выделяют такие базовые элементы, как ценности, нормы, обычаи и язык.

Эти элементы существуют в системном взаимодействии между собой. Овладение или акцентирование внимания только на отдельных элементах делает этническое самосознание личности или этнической группы усеченным, ущербным и ограничивает возможности этнической идентификации. Например, в национальных государствах, созданных на базе бывших республик советского государства, первоначально начали решать проблему национального языка как единственного государственного, что породило проблему этноцентризма среди коренного народа и конфликт между коренным этносом и другими этническими группами населения, прежде всего, русскими.

Абсолютизация этнической культуры ведет к этноцентризму, суть которого связана с признанием превосходства «своей» культуры над другими, а в результате признание и пропаганда и превосходства своей этнической общности. В своей крайней форме этноцентризм проявляется как национализм.

Противоположностью этноцентризму выступает культурный релятивизм, который основывается на утверждении, что члены разных этнических общностей не могут понять друг друга, если взаимодействия между ними строятся только с позиций собственной культуры. Это собственно означает, что релятивность, ценность любой отдельной культуры имеет

определенные границы. Следует, что формирование этнической идентичности связано с пониманием признанием места этнической культуры своего народа в многообразии других культур. Но при этом следует учитывать тот факт, что этническая и культурная идентичность личности могут и не совпадать – это сегодня чаще всего проявляется в крупных городах, а вот в сельской местности они, как правило, совпадают.

Язык «своего народа» является одним из элементов формирования этнической идентичности. Все исследователи межэтнической толерантности отмечают особое место именно языка в системе структурных элементов этнической идентичности, поскольку он 1) выступает элементом этнической культуры; 2) участвует в приобретении и упорядочивании опыта членов одной этнической группы; 3) обеспечивает сплоченность этнической общности; 4) позволяет определять «своих» в коммуникационном пространстве; 5) сохраняет связь между современным вероисповеданием и полузабытыми верованиями этноса.

Степень владения родным языком «своего» этноса свидетельствует об уровне этнического самосознания личности, хотя в ситуациях, когда этническое самосознание и идентичность формируются в условиях доминирования языкового общения на языке преобладающей по численности этнической группы, как в быту, так и на работе в настоящее время многие группы этнически разнородного населения не владеют языком своего этноса.

Ученые выявили интересную закономерность, которую назвали «этническим парадоксом современности»: мигранты или национальные меньшинства, не использующие язык своей этнической группы как внутри семьи, так и за ее пределами, продолжают считать его своим родным языком. Даже в ситуации, когда большая часть этнической группы не владеет родным языком, она продолжает использовать как символ групповой этнической

принадлежности отдельные слова, выражения, имена или другие реликты языка⁴⁵.

Представления о вероисповедании своего народа. В последние десятилетия на территории России, да и за ее пределами фактор вероисповедания, конфессиональной принадлежности стал играть все большую роль в формировании национального самосознания этносов и этнической идентичности, как личности, так и этнической группы. Как уже отмечалось выше, это связано с тем, что в современных традициях разных этносов сохраняются отчасти элементы верований как основы их культурной специфики, способствующих в свое время выделению конкретных этносов в особую общность.

В каком-то смысле можно сказать, что вероисповедание становится культурно-национальным символом. Зачастую люди, отвечающие на вопрос об их конфессиональной принадлежности (православные, католики, буддисты, мусульмане и пр.), лишь фиксируют свою принадлежность к определенной этнической среде и культуре, т. е. конфессиональная идентификация становится заместителем этнической.

Данное обстоятельство, по мнению Л. М. Дробижевой, имеет исторические корни «до начала XX в. православие в России было единственно допустимым на общегосударственном уровне вероисповеданием, которого должен был придерживаться каждый этнический славянин, на территориях, населенных другими этносами, признавались ислам как национальная религия татар, башкир и значительной части жителей Кавказа, буддизм как религия калмыков, бурят и тувинцев, иудаизм, католичество, лютеранство и некоторые другие течения протестантизма как национальная вера народов (евреев,

⁴⁵ См.: Арутюнов С. А. Этнические процессы и язык // Расы и народы : ежегодник. М., 1985. С. 40–41 ; Кутявина Е. Е., Малышева С. К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Социология и социальная работа / Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. Социальные науки. 2010. № 2. (18). С. 49.

литовцев, поляков, немцев и др.), компактно проживавших на российской территории»⁴⁶.

Эта историческая традиция сохраняется и в настоящее время, но она имеет специфику своего проявления. Дело в том, что значительная часть российского населения не является глубоко религиозными людьми, и зачастую свое вероисповедание они определяют по этнической принадлежности и соблюдении религиозных традиций и обычаев на уровне обыденного сознания и бытовом уровне. Более значимым фактором для формирования этнической идентичности религия, вера, конфессиональная принадлежность является для малых народов и сельских жителей, тех территорий, где наблюдается компактное проживание тех или иных этнических групп.

С учетом вышеизложенного далее мы будем понимать этническую идентичность как осознание личностью своей принадлежности к конкретной этнической общности и самоотнесение себя к ней посредством усвоения этностереотипов; характеристик, приписываемых своему народу, языка «своего» этноса, представлений о культуре и вероисповедании своей этнической группы и степени их освоения.

Этническая идентичность имеет уровневый характер и свои формы проявления от макро- до микроуровня. А. Н. Зятков предлагает рассматривать ее уровневые особенности с учетом понятий территориальная и политическая идентичность. Он считает, что понятия территориальная и политическая идентичность отражают процессы, нашедшие отражение в концепции «нация – государство», появившейся в европейской науке в XIX в. По его мнению, следует разделить понятия территориальная, политическая и этническая идентичность следующим образом:

– территориальная идентичность выступает атрибутом национального государства и проявляет себя как национальная, (уровень

⁴⁶Дробизжева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/11/1214896881/Drobizheva_5.pdf (дата обращения: 13.01.2015).

национального государства с его административно-территориальным делением), региональная (историко-культурный район) и локальная (место конкретного проживания, наций, народов, этносов);

– политическая идентичность включает в себя наднациональную (цивилизационную), государственную и локальную;

– этническая идентичность состоит из суперэтнической (нации, народы), собственно этнической и субэтнической⁴⁷.

Состояние этих уровней идентичностей и их взаимодействие отражает степень устойчивости государства. Так, в условиях экономической стабильности региональная идентичность не выходит на первый план в структуре территориальных идентичностей и не принимает формы политической (декларация превосходства этнических групп, требование политической субъектности вплоть до отделения от существующего государства). При устойчивости национальной (государственной) идентичности региональная проявляет себя как своеобразное отражение истории государства в местных мифах и легендах, нормах межэтнического общения.

Такой подход представляет для нас интерес прежде всего с позиций методологии анализа взаимодействия общенациональной, региональной и индивидуальной этнической идентичностей. В полинациональном государстве, где его население представлено не одной нацией или народом как группой близких по социокультурным характеристикам этносов, этническое самосознание в кризисных условиях может вступить в противоречие с национальной (гражданской) идентичностью и принять крайние формы интолерантности (этноцентризм, ксенофобия, национализм).

Вместе с тем нам представляется, что сам термин «территориальная идентичность» как нечто тождественное общегражданской, национальной идентичностям не в полной мере отражает сущность данного феномена. Нам

⁴⁷ См.: Зятьков А. Н. Феномен толерантности // Актуальные проблемы психологического знания : сб. науч. трудов. 2006. Вып. 1. С. 70–71.

ближе позиция Л. М. Дробижевой, которая для характеристики этнической идентичности на уровне многонационального, разноэтнического государства вводит понятие «национально-гражданская идентичность, которое включает не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм)»⁴⁸.

Поскольку люди одновременно ощущают себя гражданами определенного государства, региона и места проживания, а также представителями определенного этноса, то они при самоопределении своей идентичности либо выстраивают эти виды идентичностей в определенной иерархии (не обязательно от национально-гражданского уровне как самого высокого до индивидуально этнического), либо останавливаются на выборе преимущественной для себя в зависимости от конкретных условий идентичности (этнической, например). Поэтому задача научного исследования – выявить точки соприкосновения и взаимопроникновения данных идентичностей и поиск путей их совместимости, что уже требует специальных эмпирических исследований.

Для эмпирического исследования проблем этнической толерантности / интолерантности важно обратиться к тому, в каких видах и формах она проявляется в конкретных обществах и ситуациях межэтнического взаимодействия.

В свое время Г. Олпорт выделил три вида толерантности: толерантность как систему установок, связанных с этническими и расовыми различиями, комфортную толерантность и толерантность как черту характера⁴⁹. Учитывая, что Г. Олпорт представляет психологический подход к исследованию этнической толерантности, то такой вид, как комфортная толерантность, представляет собой скорее цель толерантных взаимодействий, и тогда

⁴⁸ Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. С. 218. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajjd.pdf> (дата обращения: 20.01.2015).

⁴⁹ См.: Олпорт Г. Становление личности : избр. труды. М., 2002. С. 462.

оставшихся два характеризуют личностный аспект толерантности с позиций перехода одного ее вида в другой, когда устойчивая установка на толерантное взаимодействие становится чертой характера человека.

Многие российские исследователи, например Н. М. Лебедева, С. В. Рыжова, предлагают типологизировать этническую толерантность с учетом специфики межкультурных коммуникаций и выделяют:

- ассимиляцию как вариант аккультурации, при котором человек полностью принимает ценности и нормы иной культуры, отказываясь при этом от норм и ценностей своей культуры;
- сепарацию как отрицание чужой культуры при сохранении принадлежности к своей культуре;
- маргинализацию как стратегию, при которой человек теряет идентичность с собственной культурой и одновременно не проявляет интереса к получению новой культурной принадлежности;
- интеграцию, которая представляет собой идентификацию как со старой, так и с новой культурой⁵⁰.

Ограниченность данной классификации с учетом целей и задач нашего диссертационного исследования связана с тем, что этническая толерантность как вид социального взаимодействия связана не только с межкультурными коммуникациями, но и системой социальных установок и целей личности, когда объект взаимодействий и их цель могут быть связаны с укреплением статусных позиций субъекта с учетом этнического фактора, укреплением стабильности межнациональной семьи и. т. п.

Мы предлагаем выделить следующие формы этнической толерантности с учетом ее объекта, субъекта и цели, что позволит нам в дальнейшем на эмпирическом уровне использовать их для выявления стратегий межэтнической толерантности в межнациональных семьях и российском обществе.

⁵⁰ См.: *Лебедева Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентификации и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // *Идентичность и толерантность*. М., 2002. С. 90–100. ; *Рыжова С. В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 282.

Первая форма – *консервация*, которая в наиболее полном выражении дает нам представление о полном сохранении своей этнической идентичности как в ситуации межгруппового, так и внутрисемейного межэтнического взаимодействия, когда по объективным причинам подобное взаимодействие может привести к ассимиляции. Объективные причины чаще всего связаны с тем, что индивид, являясь субъектом этнической толерантности, относится к этнической группе, с более слабыми позициями на данной территории или данной семье. Чаще всего консервация на внутрисемейном уровне связана со стремлением сохранить свой этнический статус с учетом происхождения человека (этнический статус родителей).

Аккультурация является другой формой межэтнических взаимодействий, сущность которой заключается в частичной передаче этнического кода одной этнической группой другой. В межнациональной семье она выражена в реверсивности объекта и субъекта толерантности, цель толерантности также является вариативной в зависимости от ситуаций и повседневных потребностей, поэтому полного слияния двух этнических групп в одной семье не происходит. Дети в такой семье выбирают этническую принадлежность более сильной этнической группы, также отмечается влияние других акторов на становление этнической идентичности членов семьи. На символическом уровне она выражена в сохранении среди предметов быта элементов культуры, религиозных образов двух этнических групп.

Ассимиляция – это форма межэтнической толерантности, когда в результате межэтнических взаимодействий происходит поглощение одного этноса другим. В таком случае чаще всего объект толерантности имеет более сильные позиции, чем субъект. В межнациональной семье родственник, который принадлежит к «пассивному», менее статусному этносу постепенно утрачивает идентичность с ним, происходит потеря значимости основных элементов за счет популяризации новых, в результате чего индивид приобретает новую этническую идентичность. Чаще всего ассимиляция – это однонаправленный процесс. Толерантная цель заключается в обеспечении

глубинного взаимодействия двух этнических групп с учетом их культурной близости.

Интеграция. Процесс во многом тождественный ассимиляции, однако спецификой является двунаправленность процесса, которая проявляется в принятии и позитивном отношении к своему (по происхождению) этносу и культурам другим этнических групп, с которыми субъект вступает в контакт, в целях взаимодополнения и взаимообогащения этносов, что в результате может привести к такому приобщению к другой этнической группе, что потребует добровольного отказа от своей, исходной этнической идентичности.

Парадокс. Такая форма межэтнической толерантности чаще встречается в межнациональных семьях и связана с добровольным отказом от двух этнических групп, к которым принадлежат родители, и выбором другой этнической группы, представляющей стратегически более выгодной. Парадоксальность ситуации в данном случае состоит в том, что, изменяя свою этническую идентичность, человек зачастую без всяких объективных оснований меняет и характер своего отношения к предыдущей этнической группе, переходя от толерантного к интолерантному восприятию ее представителей.

В этническом взаимодействии интолерантность основывается на убеждении, что твоя этническая группа, твоя система взглядов, образ жизни стоят выше всех других. Обычно выделяют такие виды интолерантности, как:

– этноцентризм в рамках которого все события и социальные явления воспринимаются и оцениваются через призму традиций, обычаев и стандартов своей этнической группы. У. Самнер выделил две составляющих этноцентризма: признания своей группы в качестве эталонной для оценки других этнических групп, что выражается во внутригрупповой сплоченности, солидарности, предпочтении и уважении внутригрупповых норм; и признания других групп худшими;

– проявления враждебности, недоверия, презрения к другим людям⁵¹;

– ксенофобия как явно выраженная неприязнь к другим группам и их представителям. Одна из ее форм – этнофобия, которая на официальном уровне (государственные органы, формальные организации) проявляется в дискриминации этнических групп или отдельных индивидов по национальному признаку (евреи в Советском Союзе);

– этнонационализм как вид национализма, связанный с убеждением в превосходстве своего этноса над другими и направленный на его мобилизацию во имя борьбы за приоритет своих интересов, а в крайних формах на сепаратизм;

– этническое насилие – это обобщенная характеристика межэтнических взаимодействий, связанных с этническими конфликтами, межнациональными столкновениями и т. п., в которых явно выражено агрессивное отношение к этнодругим, и действия между ними имеют насильственный характер;

– геноцид как крайняя форма этнической интолерантности, когда одна этническая группа или нация, обычно численно доминирующая или обладающая превосходящими технологическими ресурсами, уничтожает или пытается уничтожить всех членов другой группы, с которыми она вступает в контакт. Геноцид проявляется и как форма поведения, основанная на превращении уничтожения, убийства иного человека в социальную норму повседневной жизни.

Основными формами проявления интолерантности на уровне повседневности выступают оскорбления, насмешки, выражения пренебрежения; негативные стереотипы, предубеждения, предрассудки, основывающиеся на отрицательных чертах и качествах; дискриминация по

⁵¹ См.: Самнер У. Г. О происхождении и сущности этноцентризма. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=546 (дата обращения: 12.03.2015).

различным основаниям в виде лишения социальных благ, ограничения прав человека, искусственной изоляции в обществе и. т. п.

Таким образом, опираясь на методологический анализ проблемы этнической толерантности в обществе, можно сделать следующие выводы:

– этническая толерантность – это *специфический вид социальной толерантности, формирующийся на основе этнической идентичности субъектов межэтнического взаимодействия (общество, этническая группа, личность) и проявляющийся в принятии этнодругого как своего, его социокультурных отличий на основе принципов уважения к их многообразию, доверия и равенства прав;*

– с учетом объекта, субъекта и цели межэтнического взаимодействия можно выделить такие формы этнической толерантности, как консервация, аккультурация, ассимиляция, интеграция и парадокс;

– социологическое исследование проблемы толерантности необходимо осуществлять с учетом взаимосвязи социальных взаимодействий, системы личности и конкретной ситуации;

– ядром этнической толерантности выступает этническая идентичность как осознание личностью своей принадлежности к конкретной этнической общности и самоотнесение себя к ней посредством усвоения этностереотипов; характеристик, приписываемых своему народу, языка «своего» этноса; представлений о культуре и вероисповедании своей этнической группы и степени их освоения;

– на формирование и развитие толерантности на индивидуальном уровне влияют факторы развития, формирования и становления личности;

– на уровне этнических групп формирование этнической толерантности определяется условиями макро- (общество, национальное государство), мезо- (этническая общность) и микроуровня (малая группа, семья, личность);

– в процессе взаимодействия представителей разных этносов на макро- и микроуровнях формируются особенности межэтнического общения,

определяется их направленность на толерантное/интолерантное взаимодействие. Особо важными для объяснения этих процессов и характера межэтнических отношений представляются процессы, происходящие на микроуровне, которые чаще всего представлены институтом семьи, и особенности влияния прежде всего межнациональных семей на межэтническую толерантность в обществе.

1.2. **Межнациональная семья как фактор формирования межэтнической толерантности в обществе**

Поскольку этнический фактор набирает свое влияние на современный мир, то полиэтнические государственные образования все чаще сталкиваются с центробежными процессами в силу латентной этнической конфликтности, что требует от них особого внимания к процессам формирования межэтнической толерантности, но сами эти процессы имеют свою специфику в конкретной социальной и культурно-исторической ситуациях⁵².

В связи с этим возникает необходимость обратиться к факторам этнической толерантности, поскольку они в своем взаимодействии создают ту социальную и политическую среду, в которой межнациональные отношения получают толерантную либо интолерантную направленность. Анализ условий и факторов формирования и функционирования этнической толерантности в обществе следует осуществлять с учетом их уровневого характера: на макро- (общество, национальное государство), мезо- (этническая общность) и микроуровне (малая группа, семья, личность), где на макро- и мезоуровне эти факторы выступают средой формирования этнической толерантности и ее реализации прежде всего в межгрупповых взаимодействиях, а на микроуровне определяют готовность личности к этнической толерантности и те личностные черты, которые необходимы для ее проявления.

На **макроуровне** остро стоит проблема формирования межэтнической толерантности с учетом общих и специфических условий конкретного государства, в нашем случае – России. Здесь можно следующим образом сгруппировать те факторы, которые непосредственно связаны с формированием межэтнической толерантности и ее состоянием:

- исторические;

⁵² См.: Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012. С. 207.

- политические;
- социально-экономические;
- этнокультурные;
- конфессиональные.

Россия является полиэтническим государством, что имеет свои исторические корни, в отличие от той модели национального государства, которая наиболее распространена в современном мире. С точки зрения *истории проблемы*, как подчеркивают исследователи проблем социальной и межэтнической толерантности, при ее изучении в российском обществе следует обратить внимание на то, что Россия никогда не была моноэтническим государством⁵³. Как пишет З. Сикевич «Формирование русской нации (именно нации, а не этноса) происходило за счет длительного “смещения” чуждых по расово-этническому признаку, но соседствующих территориально этнических групп (восточных славян, финно-угров, тюрков, скандинавов и др.)»⁵⁴

Это нашло отражение в государственной политике царской России, когда доступ к привилегиям, с одной стороны, и дискриминации на групповом и индивидуальном уровне – с другой, определялась не этнической принадлежностью, а конфессиональной, а также в политике советского государства, когда институализация этничности в значительной степени определялась национально-территориальным его устройством и формированием этнонациональных элит.

В связи с историческими условиями формирования этничности в России С. Г. Ильинская выделяет три исторических модели толерантности в России: имперскую модель (этническая толерантность основана на безразличии метрополии к чужеродному образу жизни при гегемонии титульной нации), концепцию всеединства (модель межэтнических взаимодействий, ориентированная на философскую концепцию В. Соловьева, где нация есть

⁵³ См., напр.: *Ильинская С. Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М., 2007. С.288 ; *Сикевич З. В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012. С.207.

⁵⁴ *Сикевич З. В.* Этнические парадоксы... С. 10.

только этап перехода к общечеловеческому, универсальному (такая модель проявилась в политике советского государства в первые десятилетия советской власти); и советскую модель терпимости (дружба народов), что выразилось в создании федеративного государства с национальными по своему составу аппаратами управления, условий для подъема национальной культуры и т. д. При этом наряду с национальными идентичностями практиковались государственные программы по формированию общегражданской идентичности – советского человека.

В современной России этнический фактор приобретает особое значение. Не только на территории СССР, но и в республиках РФ растет солидарность представителей титульных национальностей, объединяющихся на основе требований возрождения культуры и языка титульного народа, его вероисповедания, национального достоинства. Все это выливалось в идеологию национальных суверенитетов. Но в этот же период наблюдается рост националистических настроений среди части русского населения и появление русских националистических организаций (ВОПД «Русское национальное единство», Народная национальная партия, и Российский общенародный союз, Конгресс русских общин и др.). Это приводило к конфликтам и конфликтным ситуациям на этнической основе.

И хотя с начала 2000-х гг. ситуация в этой области стала стабилизироваться благодаря укреплению позиций федерального центра, политической и экономической стабилизации, но в межнациональных отношениях возникают новые проблемы и противоречия. Это прежде всего противоречия между стремлением этносов и народов к самоорганизации и сохранению этнокультурной самобытности и разным уровнем их социально-экономического и политического развития, ограничивающими возможности реализации этих намерений; между необходимостью сохранить единство и целостность многонационального российского государства и отсутствием действенных правовых механизмов обеспечения этого процесса и др. В этих условиях актуализируется не просто проблема этнической толерантности, но

вопрос о ее мобилизующих возможностях для обеспечения национально-гражданской солидарности российских народов.

Политические факторы. Исторические модели толерантности свидетельствует об особой роли российского государства, которое на всех исторических этапах выступало основным субъектом регулирования межнациональных отношений. Несмотря на происходящие в российском обществе демократические перемены, роль государства в предупреждении и разрешении межэтнических конфликтов не уменьшается. Государство выступает основным политическим субъектом регулирования межнациональных отношений в России, разрабатывает и реализует национальную политику, что определяется исторически сложившейся многонациональностью страны и необходимостью учета этнического принципа в государственном устройстве.

Демократические принципы государственного устройства и национальной политики требуют расширения прав и самостоятельности национальных субъектов, но реализация этих принципов наталкивается зачастую на их неготовность к самостоятельному развитию с учетом интересов разных народов и этносов. Этим пользуются представители экономической и политической элиты на местах, применяющие эти полномочия в личных или групповых целях. Они опираются при этом на систему традиционных ценностей, связанных с ценностью рода (этнической группы), которая базируется на клановости, восприятия должности как источника повышения материального благосостояния, что приводит фактически к слиянию власти и собственности.

Расширение самостоятельности национальных субъектов государства сталкивается и с такой традицией, сохраняющейся на всей территории РФ, как превалирование неформальных этнических норм и традиций над формальными законами (этническое предпринимательство, например, когда не только фирмы создаются предпринимателями одной этнической группы, но и в основе договорных отношений между такими фирмами находятся

этнические нормы поддержки своего клана или рода, продвижение во власть на основе клановости, кумовства).

Результатом таких практик становится усиление межнациональной напряженности и конфликтности на местах. В таких условиях только легитимность российского государства способна обеспечить тот порядок, который необходим для обеспечения стабильности и устойчивости развития разных национальных и этнических общностей и постепенному переходу к действительно демократическим нормам и принципам национального устройства.

Следовательно, встает проблема укрепления позиций российского государства, федеральной власти в решении проблем предупреждения этнических конфликтов и формирования современного толерантного сознания россиян.

Социально-экономические факторы. Многочисленные исследования проблем толерантности в российском обществе и межэтнической толерантности свидетельствуют, чем стабильнее экономическая обстановка и удовлетворенность ею в обществе, тем ниже уровень этнических конфликтов, и, напротив, чем выше неудовлетворенность материальных потребностей и духовных запросов, что порождает чувства ущербности и униженности особенно у молодежи, тем чаще проявляется интолерантность по отношению к другим народам и этническим группам⁵⁵.

Кроме того, следует учитывать, что существует реальное социально-экономическое неравенство между различными народами и этническими группами, живущими на территории России (уровень жизни, развитость социальной инфраструктуры, уровень образования), что определяется неравномерным уровнем экономического развития различных регионов РФ. В этом плане необходима и проводится политика экономического протекционизма (малые народы Крайнего Севера, камчадалы, малые народы

⁵⁵ См.: Толерантность. М., 2004. / общ. ред. М. П. Мчедлова. С. 416 ; Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М. – Уфа, 2012. С. 124 ; Социология межэтнической толерантности. М., 2004. С. 222 ; и др.

Республики Тува и. т. п.). Вместе с тем такая политика не всегда однозначно поддерживается представителями других этнических групп, как проживающих на данной территории, так и за пределами ее.

Отсюда российское общество этносоциально стратифицировано и по экономическим признакам. Как отмечает З. Сикевич, «сложная система этнических статусов, обусловленная этнической принадлежностью (членством в титульной или не-титульной группе, принадлежностью к национальному большинству или меньшинству), а также местом проживания (в “своем” национальном субъекте или на “чужой” территории) стремительно расширяет дистанцию между представителями разных народов, провоцирует этническую конфликтность»⁵⁶.

В настоящее время усиление интолерантных этнических установок, прежде всего в крупных городах с развитым рынком труда, связано с неконтролируемой трудовой миграцией, когда вина за экономические трудности и материальную неудовлетворенность возлагается на приезжих и «инородцев».

Этнокультурные факторы. Этническая культурная отличительность проявляет себя в различных сферах жизни, а вот степень ее проявления зависит от различных факторов. К числу таких факторов относятся различия менталитетов и национальных характеров, уровень и характер знаний и представлений о своей и «иной» культуре, культурную дистанцию как степень близости или несовместимости разных культур (чем ближе культуры по своему содержанию, тем выше уровень толерантности в межкультурных коммуникациях), статусные позиции этнокультурных групп и их политические интересы и др. Но при всем многообразии этих факторов ученые пришли к выводу, что эти различия существенно выше в семейно-бытовой и досуговой сфере, поскольку связаны с практикой повседневного общения представителей разных этнических культур⁵⁷.

⁵⁶ Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты... С. 12.

⁵⁷ См.: Социология межэтнической толерантности. С. 183.

Л. М. Дробижева выделяет три типа потенциальной напряженности и интолерантности межкультурных этнических коммуникаций на этом уровне.

Первый тип напряженности связан с этническими предрассудками, которые влияют на характер повседневного понимания представителями разных этнических культур друг друга. Особенность этнических предрассудков состоит в том, что люди еще до опыта реального общения усваивают и культивируют представления о членах иной этнической группы, конструируя определенный образ с позитивными и негативными характеристиками. И эти доопытные представления и суждения формируют готовность воспринимать представителей «иных» этнических групп таким образом, что любая дополнительная информация, полученная в уже процессе общения, подсознательно фильтруется, дополняя уже сформированный ранее образ.

Второй тип и узел интолерантности обусловлен неправильным пониманием смысла знаковых систем межличностного взаимодействия, которые могут существенно отличаться у представителей разных этнических культур.

Третий тип ситуаций, вызывающих межкультурную интолерантность, определяется тем, что различные этнические культуры имеют разный потенциал адаптации к тем глобальным изменениям, которые происходят в мире, и кардинальным трансформациям в конкретном обществе⁵⁸.

Данный узел межкультурной напряженности ученые связывают с феноменом «культурного запаздывания». Это ситуация, при которой политические и экономические трансформации в обществе существенно опережают изменения в системе ценностных ориентаций и готовность людей принять эти трансформации. При этом, как считают специалисты, скорость этого запаздывания различна у разных народов и этносов⁵⁹. Темп адаптации к таким переменам явно выше у представителей титульной нации и тех народов

⁵⁸ См.: Социология межэтнической толерантности. С. 117–120.

⁵⁹ См.: Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты... С. 13.

и этнических групп, которые раньше включились в систему социальных и экономических взаимодействий индустриального общества (русские, евреи, немцы) и ниже у малых народов Севера, Камчатки (якуты, коряки, камчадалы, чукчи и др.)

Конфессиональные факторы на уровне общества тесно связаны с культурными. Россия – многоконфессиональное государство, поэтому противоречия формирования межэтнической толерантности здесь связаны с наличием этнических групп с отличающейся религией. Согласно известной теории С. Хантингтона, автора концепции этнокультурного разделения цивилизаций, в будущем нация-государство уступит свою роль «источника идентификации» религии, и основные очаги конфликтов-противостояний будут проходить по так называемым линиям «разлома цивилизаций», одной из которых он считал линию православно-христианского и мусульманского противостояния⁶⁰.

Отечественная наука предлагает другую модель возможного сосуществования народов с отличающейся религией – комплементарную, в которой более традиционалистски ориентированные культуры живут в некоем симбиозе с культурами более современными⁶¹.

На наш взгляд, наличие групп с отличающейся культурой и религией в поликультурных регионах играет стабилизирующую роль, поскольку именно они являются проводниками идеи равенства людей вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности.

На **мезоуровне** факторы формирования межэтнической толерантности, по нашему мнению, прежде всего, определяются особенностями этносоциальной структуры российского общества, которые обусловлены наличием этносов, имеющих политическую субъектность и этнических групп,

⁶⁰ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С.603.

⁶¹ См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 213 ; Фатеева С. В. Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия : автореф. дис. ... док. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. С.26.

лишенных таковой (греки, корейцы, немцы и др.), но включенных либо в состав РФ в целом либо ее субъектов.

Здесь мы сталкиваемся с проблемами, связанными с актуализацией этничности в границах титульной и нетитульных этнических групп; принадлежностью к этническому большинству или меньшинству и даже местом проживания субъекта идентификации: на «своей» этнической территории или на «чужой», когда актуализируется пространственный или территориальный фактор.

Кроме титульной нации, в национальных субъектах в их этносоциальной структуре присутствуют народы и этнические группы, численность которых различна (крупные, средние, малые). Это приводит к тому, что, чем меньше численность этноса, тем сложнее ему реализовать свои права в политическом и экономическом пространстве России.

Для этносов с политической субъектностью (башкиры, татары, удмурты и др.) существенным фактором межэтнической толерантности становится соотношение декларируемого и реального равенства прав титульных и нетитульных этносов (представленность во властных структурах республики, активность экономической деятельности, уровень жизни, право на культурную самобытность).

Кроме того, на территориальном уровне большинство регионов России отличается разноэтничным составом населения (Краснодарский край, Среднее Поволжье, Уральский регион и многие другие). В условиях политической и экономической стабильности общества эти территориальные образования характеризуются, как правило, высоким уровнем толерантности и межкультурной коммуникации, но как только появляются признаки нестабильности, и тем более кризиса, появляется и межэтнической напряженности. Особенно явно в перестроечный и постперестроечный период это наблюдалось в районе Северного Кавказа и близких к нему территорий.

Существенно для этого уровня формирования межэтнической толерантности, что именно здесь в РФ особую роль начинают играть

этнические элиты, которые часто используют идеологию этноцентризма для достижения собственных политических и экономических целей и интересов.

Микроуровень анализа проблемы определяется повседневными межэтническими взаимодействиями, основанными на этнической самоидентификации как условии этнической и межэтнической толерантности.

Роль межнациональной семьи на этом уровне определяется тем, что этническая толерантность как установка формируется в полиэтнической среде. Но потребность в ней возникает только тогда, когда усиливается межнациональная напряженность. При этом первоначально она проявляется на бытовом уровне и уровне малых социальных групп. Особо остро переживают такую напряженность межнациональные семьи, для которых межнациональные конфликты становятся угрозой для их стабильного существования. В межнациональной семье как малой социальной группе и ячейке общества находят отражение и проявление процессы, происходящие в многонациональном, полиэтническом обществе в целом.

Для исследования места и роли межнациональных семей в становлении и развитии этнической толерантности методологически значимой является концепция о двуедином статусе семьи, разработанная А. Г. Харчевым⁶². Согласно данной концепции семья понималась в двух аспектах: как социальный институт и как малая группа, что нашло отражение в определении ученым базового понятия семьи: «Семья – это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»⁶³.

⁶² См.: Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М., 1964. С.323 ; *Его же*. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968. С. 187 ; *Его же*. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 387 ; Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978. С.224.

⁶³ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 1979. С. 75.

Хотя концепцию А. Г. Харчева критиковали и критикуют за явно выраженный общественно-центрированный функционализм и слабую структурированность, но до сих пор она не потеряла своей актуальности.

Необходимость изучения семьи как социального института связана с тем, что он не только способствует удовлетворению общественной потребности воспроизводства рода, но и нормативному регулированию социальных взаимодействий и устойчивых общественных отношений, в том числе и между этносами⁶⁴.

Как отмечают большинство социологов, институт семьи является одним из пяти основных институтов в человеческом обществе, внутри которых находятся неглавные/частные институты, чаще называемые социальными практиками⁶⁵.

Так, внутри института семьи находятся институт отцовства и материнства, наследования социального статуса родителей, ухода и многие другие. Функционирование эти институтов уже имеет выраженную этническую окраску.

Этническая специфика института брака и семьи проявляется в традициях, обрядах, церемониях, которые переходят в форму ритуала; нормах, правилах поведения, установках, ролевых и символических чертах и т. п. Здесь уже социальная практика зависит и от определенного региона. Например, обычай похищения невесты, характерный для народов Севера (ненцев, хантов, селькупов) инициировал институт выкупа, и калымный брак является его разновидностью. В одних странах, таких как СССР, а после и в Российской Федерации, институт брака и семьи запрещает многоженство, для других, таких как Иран, Ирак, Пакистан, Афганистан, Саудовская Аравия и еще более 30 мусульманских стран, исповедующих религию ислама, полигамия допустима.

⁶⁴ См.: *Кораблева Г. Б.* Социальные институты и социальные организации: особенности взаимодействия. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18279/1/iuro-2009-70-14.pdf> (дата обращения: 04.01.2014).

⁶⁵ См.: *Фролов С. С.* Социология. М., 1994. С. 123.

Институт семьи отражает типичный облик конкретного общества, а это проявляется в том, что в институте брака и семьи выражается специфика народа, поскольку строится он на характерных для конкретного народа особенностях. Особенности эти, в свою очередь, складываются в зависимости от внутрисемейных отношений, обусловленных культурными и исторической спецификой конкретных этносов и менталитетом нации.

В науке существует ряд терминов, обозначающих данный тип семьи: разнонациональные, разноэтнические, национально-смешанные, семьи с этнодифференциальным составом, смешанные семьи⁶⁶. Чаще всего в работах по социологии семьи они рассматриваются и применяются как тождественные. Это связано прежде всего с пониманием сущности понятий этничность, национальность, этнос и нация, которые рядом авторов рассматриваются либо как равнозначимые, либо как тождественные, о чем речь шла в первом разделе данной работы.

С другой стороны, следует учитывать, что терминологическая путаница отчасти порождена и официальной идеологией Советского Союза и некоторыми другими историческими обстоятельствами. Ускоренный процесс выделения наций и построения на этой основе России как полинационального государства, в котором нации имеют свою политическую субъектность (хотя распространялось это далеко не на все этнические группы). В связи с этим для России понятие «национальность» не приобретает значения общегражданского статуса как во многих демократических государствах (США, Франция, Швейцария и др.), а означает принадлежность к определенной этнической группе или совокупности этнических групп, соответствующих признакам и требованиям к нации как особому типу этнического или полиэтнического сообщества.

Таким образом, между двумя социологическими концептами («этнос» как базовая форма общества и «нация» как производная от этноса,

⁶⁶ См.: Кутявина Е. Е., Мальшева С. К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2. С. 47–52.

искусственная, политическая конструкция) произошло терминологическое недоразумение, которое в какой-то степени оказало влияние и на путаницу в употреблении терминов межнациональная и межэтническая семья.

С учетом этих обстоятельств, по нашему мнению, используемые в современной российской социологической науке понятия «национально-смешанная семья», «разнонациональная семья», «разноэтническая» и «межэтническая семья» и др. имеют много общего с понятием межнациональной семьи. Такие семьи формируются на основе различных межгрупповых контактов в ситуации, которая заключается во включенности этнических групп в общенациональные процессы.

Но между понятиями «национально-смешанная семья», «разнонациональная семья», «разноэтническая», «межэтническая» и «межнациональная семья» существуют и некоторые различия, которые связаны с тем, что понятие «смешанной семьи» вводит более широкий спектр межгрупповых контактов, включая, например, межрасовые взаимодействия, на которых в исследованиях межнациональных семей акцент не ставится. А понятия «семья с этнодифференциальным составом», «разноэтническая» и «межэтническая семья» исключают межнациональное взаимодействие.

В нашем диссертационном исследовании мы будем опираться на понятие межнациональной семьи, которая в качестве ее субъектов включает как представителей разных этносов, так и различных наций и национальных государств.

Межнациональные семьи многообразны по своему этническому составу, количеству детей и поколений, проживающих вместе, но есть общие черты и характеристики, которые определяют их влияние на формирование этнической толерантности в современном обществе:

– все межнациональные семьи находятся на пересечении культур, что внутри семьи приводит к их тесному взаимодействию и даже изменению, что чаще всего проявляется на бытовом уровне языковых практик, норм

поведения и традиций. Отсюда межнациональные семьи чаще всего отличает бикультурный или даже поликультурный характер быта;

– им присуща менее сложная, чем для гомогенных семей, поколенческая структура. Такие семьи состоят, как правило, не более чем из двух-трех поколений, что объясняют ослаблением этнических связей брачующихся, нежеланием старших поколений жить с молодыми, что в настоящее время определяется не столько этническими факторами как факторами качества жизни (особенно в условиях города с его особенностями жилищного фонда, ориентированного на многоквартирное жилье), психологического комфорта, связанного с тем, что совместное проживание актуализирует проблему несовпадения представлений разных поколений и традиционных ценностях, образцах и нормах поведения. Но в любом случае при такой структуре семьи возрастает роль родителей в этносоциализации детей, в том числе и в формировании этнической толерантности как внутри семьи, так и за ее пределами;

– для взрослых и детей, как правило, характерно двуязычие, которое не обязательно связано с владением языком этносов родителей, поскольку одним из языков становится язык этнического большинства по месту проживания семьи. При этом исследователи обращают внимание еще на один парадокс современности: часто представители этносов длительное время (в течение жизни нескольких поколений), проживающие на территории иного этноса, не владеют языком своего народа, но считают его родным;

– совместное проживание представителей разных этносов в одной семье и на одной территории влияет на изменения этнического самосознания, что отражается прежде всего на социальном поведении молодого поколения: усваивая культуру разных этносов на уровне семьи и ее этнического окружения, они зачастую ориентируются и усваивают как культурные ценности этнического большинства, так и этносов своих родителей, становясь посредниками в передаче этих ценностей.

В широком понимании такая семья является особым социальным институтом, где при реализации базовых функций особое значение приобретает функции этносоциализации и этноидентификации личности внутри семьи, что становится основой формирования этнической толерантности. Как малая группа межнациональная семья выступает ячейкой общества, где потребность в толерантном межэтническом взаимодействии определяется уже ее происхождением (разноэтническая принадлежность супругов) и необходимостью этнического самоопределения детей, воспитывающихся в условиях взаимопроникновения и взаимодействия разных этнических культур.

Таким образом, под межнациональной семьей мы далее будем понимать тип семейной организации, состоящей из супругов и/или родителей-детей и образованной на основе союза представителей разных этносов, народов или наций, к специфическим функциям которой относятся этносоциализация ее членов, а также воспроизводство и трансляция норм и образцов этнической толерантности в отношениях с этнодругими, формирующихся под влиянием превалирования либо относительного равного проявления культуры тех этносов, к каким принадлежат члены семьи.

Межнациональная семья уже в силу своего разноэтнического состава играет особую роль в формировании этнической толерантности в обществе: во-первых, такие семьи, их количество и стабильность становятся специфическим индикатором ее состояния; во-вторых, здесь прежде всего формируются те новые социальные нормы и образцы поведения в системе межэтнических отношений, которые потом путем естественного исторического отбора наиболее значимых для конкретного этноса, общества или целенаправленной государственной политики становятся общепринятыми; в-третьих, уже на этапе первичной социализации личности она способствует усвоению и интериоризации таких ценностей, как социальная значимость разных культур и традиций, равенство прав различных

этносов, ценность человека независимо от его национальной принадлежности и. т. п.

Можно выделить два вектора, которые характеризуют направленность влияния межнациональной семьи на состояние и характер этнической толерантности в современной России. Первый, *внутрисемейный вектор*, определяется одной из специфических функций данного типа семей – этносоциализацией личности.

Этническая социализация имеет уровневый характер. Она включает в себя социализацию этносов, культуры которых и соционормативные образцы не просто взаимодействуют, а взаимопроникают и формируют новое нормативное поле, обеспечивающее бесконфликтное совместное сосуществование этнических сообществ (признание права на равенство различных конфессий и их существование на единой территории, например). Другой уровень этнической социализации – это социализация личности под влиянием этнокультурного фактора.

Целью этнической социализации как составной части, элемента общей социализации выступает развитие и саморазвитие личности в ходе усвоения этносоциальных ролей, культуры межэтнических отношений, принятых в обществе. А ее критериями будут выступать этническую идентичность личности, содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей и нормотипическое поведение как показатель ее адаптированности к среде⁶⁷.

Поскольку сам этнический фактор в разные периоды жизни конкретного общества или сообщества актуализируется с различной силой, то она может осуществляться как стихийно, так и целенаправленно. Во времена стабильного и устойчивого развития он, как правило, не выходит на уровень основных факторов, которые определяют особенности содержания социализации. Тогда возможен путь стихийной социализации. В ситуациях обострения

⁶⁷ См.: Деловая Л. А. Межэтническая семья в поликультурном социуме. Майкоп, 2009. С. 144 ; Ким К. В. Особенности этнической идентичности индивидов из межэтнических семей // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12 (Психология). Вып. 1 (март), 2008. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 259–264.

межнациональных отношений требуется обращение к целенаправленной этнической социализации.

Агентами этносоциализации выступают семья, школа, СМИ, этнические общественные организации, которые в настоящее время активно функционируют как на общероссийском, так и на региональном уровнях, например, Свердловская областная общественная организация «Азербайджан» Всероссийского азербайджанского конгресса; Региональное общественное объединение «Курултай башкир Свердловской области», Общественная организация немцев Ханты-Мансийского округа и т. д.

Особое значение этносоциализация имеет для межнациональных семей. С ней непосредственно связано формирование этнической толерантности как способа принятия этнодругого. Это не означает, что в мононациональных семьях, особенно если они находятся в полинациональных сообществах, этносоциализация не осуществляется, но в них она имеет ситуативный характер, и ее актуализация определяется конкретными событиями (межэтнические конфликты в стране, на территории проживания, резкий приток больших групп иноэтнических мигрантов и т. п.). Но для межнациональных семей этносоциализация – необходимая функция, обеспечивающая их стабильность и оптимизирующая межличностные и межгрупповые коммуникации с внешней средой. В связи с увеличением количества межнациональных семей в обществе и детей, воспитанных разноэтническими родителями, результаты внутрисемейной этносоциализации все больше влияют на состояние межэтнических отношений в стране.

Этносоциализация является неотъемлемой частью общего процесса социализации личности в межнациональной семье. А. В. Меренков связывает процессы социализации личности с воспроизводством нормативного поведения, которое регулируется такими механизмами, как умение индивида управлять собой, что требует навыков планирования своей деятельности, выбора оптимальных вариантов реализации целей, нахождения реальных возможностей их осуществления и самостоятельного контроля за своим

поведением через самоопределение и самоосознание своей этнической идентичности⁶⁸.

Самосознание как осознание себя не просто представителем этнической общности, но и ее субъектом; своего отличия от «иного» есть ни что иное как один из способов регуляции отношений индивида с внешним миром⁶⁹. Оно органично включено в систему представлений актора о самом себе и выступает когнитивным элементом Я-концепции, который в сочетании с действием аффективного элемента (самоотношения и самооценки) посредством механизма рефлексии обеспечивает конструирование персональной этнической идентичности.

Самосознание выступает уже предпосылкой и условием этнического самоопределения личности, а в самом общем плане социальное самоопределение – это ориентация личности в социальном пространстве, вхождение в него, т. е. некая активность личности, направленная на определение и конструирование своих социальных ориентаций.

«Самоопределение является процессом выработки способов оптимальной для личности системы самореализации и самоутверждения на основе существующих в обществе потребностей, норм, правил взаимодействия с природой, техникой, разными людьми. Самоопределение должно осуществляться во всех сферах деятельности человека в течение всей жизни»⁷⁰. По мнению А. В. Меренкова, основы самоопределения закладываются в процессе социализации индивида общими механизмами развития и саморазвития⁷¹, а содержание самоопределения, которое будет характеризовать поведение индивида в будущем, – через образец⁷².

Специалисты в области исследования межэтнической толерантности обращают внимание на то, что ее формирование в процессе этносоциализации

⁶⁸ См.: Меренков А. В. Методики формирования у школьников навыков самоопределения. Екатеринбург, 2006. С.184 ; *Его же*. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003. С.228.

⁶⁹ Подр. см.: Будич Н. Ю. Взаимосвязь самосознания и самоопределения личности // Сибир. психолог. журнал. 2007. № 25. С. 14–19.

⁷⁰ Меренков А. В. Методики формирования у школьников навыков самоопределения. С. 24.

⁷¹ Там же. С. 25.

⁷² Там же. С. 12.

на уровне личности связано со становлением субъективно значимой или иначе актуализированной этнической идентичности, которая возникает в том случае, если в процессах определения дистанции между своими и чужими этносами присутствуют элементы знания об этих этносах, которые представляют для человека личную ценность⁷³. Этническая идентичность, как мы уже отмечали раньше, формируется на основе самоосознания и самоопределения личностью своей этнической принадлежности.

Ученые, изучающие процессы формирования этнической идентичности в межнациональных семьях, отмечают, что к подростковому возрасту компоненты этнической идентичности формируются у человека практически полностью⁷⁴. Мы считаем, что это связано с содержанием и особенностями этносоциализации личности, когда на определенных этапах социализации включаются разные механизмы развития и саморазвития личности, основанные на единстве внешних и внутренних побудителей, среди которых А. В. Меренков выделяет такие социальные чувства, как гордость, стыд, совесть, долг и ответственность⁷⁵.

На первых этапах развития личности, когда наиболее велика роль семейного воспитания, поскольку именно семья выступает здесь основным агентом социализации, уже формируется нормативная гордость, основанная на принятии норм общественной жизни как личностных ориентиров; стыд, обеспечивающий стабильность установки на соблюдение общественных предписаний, и формирует потребность в соблюдении норм и правил поведения в конкретной ситуации. В межнациональной семье формирование этих социальных чувств связано с усвоением правил и норм межэтнического взаимодействия в семье первоначально на эмоциональном, позднее уже и на когнитивном уровнях, когда внешние предписания усваиваются через собственную оценку и самооценку ценностных и нормативных ориентиров,

⁷³ См.: Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 24.

⁷⁴ См.: Ким К. В. Этническая идентичность детей из русско-якутских семей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. URL: <http://www.ceninauku.ru/> (дата обращения: 31.07.2014).

⁷⁵ См.: Социология воспитания : учеб. пособие. Екатеринбург, 2013. С. 176.

что уже определяется появлением чувств долга и ответственности за себя, свою семью, близких.

Хотя процесс социализации продолжается в течение всей жизни человека, но ее базовые ориентиры определяются уже к подростковому возрасту, когда, кроме семьи, в качестве агентов социализации уже выступает школа, друзья, ближайшее окружение, СМИ. Это имеет непосредственное отношение и к этносоциализации, поскольку этническое самоопределение непосредственно связано с формированием чувства собственного достоинства и ответственности не только за себя и свои поступки, но и за свою семью, ее этнической принадлежности.

Но в ситуации межнациональных семей в этом возрасте начинают проявлять себя особенности и противоречия этноидентификации в межнациональных семьях: у потомков из таких семей чаще проявляется ее вариативность (существование нескольких типов этнической идентичности единовременно) и изменчивость (возможность манипулировать своей этнической идентичностью в зависимости от конкретной ситуации), т. е. она становится для них не просто динамичным, а конструируемым феноменом⁷⁶. Выходцы из межнациональных семей чаще сталкиваются с противоречием между номинальной (фиксируемой на уровне документов), внутренней этнической идентичностью (самоидентичностью) и тем, как в этническом плане их воспринимает ближайшее окружение.

Как нами отмечалось ранее, суть этнического самоопределения связана с самопознанием, исследованием и принятием себя как представителя конкретного этноса или народа, что определяется, прежде всего, признанием факта этнического происхождения. При этом если в мононациональной семье данный факт принимается как данность, то в межнациональной уже встает проблема выбора своей этнической принадлежности.

⁷⁶ См.: *Галкина Е. М.* Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей : по материалам этносоциологического исследования в г. Москве : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskaya-identichnost-podrostkov-iz-natsionalno-smeshannykh-semei-po-materialam-etnosots> (дата обращения: 31.07.2014).

При этом данный выбор осуществляется в семье в процессе этносоциализации под влиянием целого ряда механизмов воспитания. Причем, как отмечают специалисты, они идентичны механизмам общего процесса социализации⁷⁷. К их числу относят подражание, внушение, принуждение, развитие и саморазвитие⁷⁸.

Действие механизма подражания связано с внешним примером должного действия и его неоднократным повторением. В случае его направленности на этносоциализацию – это прежде всего пример уважительного отношения к своему этносу со стороны родителей и представителей рода, следование его традициям и социальным нормам. Если пример родителей не становится образцом поведения для ребенка, то в действие вступают внесемейные факторы (образцы поведения в сфере этновзаимодействий сверстников, значимых взрослых, примеры, транслируемые в СМИ и. т. п.).

Внушение – это механизм, действие которого ориентировано на бессознательный уровень социального действия, когда человек механически следует тем или иным образцам поведения. В плане этносоциализации это может быть связано с обрядовыми действиями.

Функционирование механизма принуждения определяется первичной потребностью личности в безопасности, когда страх ее потери приводит к отказу индивида от выполнения запретных действий (агрессивное отношение к этнодругим за пределами семьи, или, напротив, отказ от следования в обыденной практике культурным традициям этноса или этносов, представленных в межнациональной семье – обязательное ношение платка для мусульманок, например).

Механизм саморазвития и развития уже связан с самостоятельным и сознательным приобщением индивида к культуре этносов или этноса, к

⁷⁷ См.: *Быкова М. В.* О характере влияния различных социальных факторов на степень этнической толерантности в России. URL: http://pravmisl.ru/index.php?id=1529&option=com_content&task=view (дата обращения: 10.10.2014).

⁷⁸ См.: Социология воспитания. С. 44.

которым принадлежат его родители, или выбором своей этнической идентичности независимо от них.

Эти механизмы действуют во взаимосвязи и взаимодействии, но в условиях семьи в зависимости от ее типа начинает действовать принцип доминирования тех или иных механизмов этносоциализации и этновоспитания. В результате формируется то нормотипическое поведение, которое либо способствует этнической толерантности, либо формирует интолерантность.

Традиционно выделяют два типа семей: авторитарные и демократические семьи, которые опираются в воспитании детей и их этносоциализации на разные нормы и правила и используют приоритетно и целенаправленно разные механизмы воспитания.

Для авторитарного типа характерны угрозы, принуждение, подчинение, воспитание в духе конформизма. В демократическом типе для той же цели служит убеждение и пропаганда, свобода выбора собственных склонностей и идей.

Формы, способы воспитания напрямую зависят от ролевого распределения в семье, соответственно для авторитарного типа главой и властными полномочиями наделен отец / муж (мужчина), в демократический тип представлен равноправием в семейных ролях между мужчиной и женщиной.

В авторитарных семьях этническая идентичность навязывается ребенку родителями (чаще всего отцом), но тогда зачастую окончательный выбор национальности, этнической принадлежности решается человеком уже в зрелом возрасте, на основе тех элементов этнического самосознания, этнической культуры, которые он воспринимает как наиболее близкие для себя, и не обязательно они могут связываться с этнической принадлежностью родителей.

В эгалитарных или демократических семьях семейный уклад строится на основе выборочного усвоения традиций, норм, обычаев этносов обоих

супругов, что, как правило, складывается стихийно на основе опыта совместной жизни. И общение, как правило, идет на двух языках. В таких условиях, когда родители не оказывают авторитарного давления на ребенка, формирование толерантного отношения к другим этносам за пределами своей семьи происходит естественным путем и становится атрибутивной чертой личности.

Еще Г. Олпорт обратил внимание на то, что роль семьи состоит прежде всего в формировании предрасположенности к толерантному или интолерантному поведению. Семейная атмосфера, преобладающий в ней тип воспитания, взаимное доверие формируют такую предрасположенность. Он писал: «Нам представляется, что толерантные дети вырастают в семьях с принимающей атмосферой. Их любят и принимают вне зависимости от того, что и как они делают. Наказания в таких семьях не бывают слишком суровыми или непоследовательными, и ребенок не вынужден каждую минуту подавлять свои импульсы во избежание родительского гнева... В прошлом предубежденных детей, в отличие от толерантных, как правило, обнаруживается “угрожающая обстановка”»⁷⁹. Отсюда ученый приходит к выводу, что основным мотивом жизни толерантных детей становится безопасность, а не угроза.

Однако, помимо двух давно сложившихся моделей воспитания, в современном обществе достаточно широко представлены семьи переходного типа со смешанными нормами и механизмами воспитания, использование которых приводит к противоречивым результатам и усиливает влияние на социализацию личности внешних, внесемейных агентов (табл. 1).

⁷⁹ Олпорт Г. Личность в психологии. СПб., 1998. С. 108.

Характеристики различных типов воспитания

Индикаторы	Авторитарный тип воспитания	Демократический тип воспитания	Переходный тип воспитания
Гендерное распределение семейных ролей	Мужчина глава семьи, жена и дети подчиняются мужчине	Равные права между мужчиной и женщиной, дети имеют номинальное право собственного выбора, однако контроль осуществляется родителями, а сам выбор детерминирован достигаемыми статусами мужчины и женщины	Статус мужчины и женщины в семье зависит от ситуации, которая может противоречить их установкам на распределение семейных ролей, что приводит к несогласию при распределением статусных позиций, и к внутрисемейным противоречиям, особенно при смене ситуаций, требующих перераспределения семейных ролей
Методы воспитания	Угрозы, принуждение, подчинение, подавление	Убеждение, пропаганда, свобода выбора собственных склонностей и идей, подражание жизни родителей, перенос их способов взаимодействия внутри семьи и в обществе на собственную практику общения	Внушение взаимозависимости ситуации и этнической ориентации; иллюзия свободы выбора, диалога; включение внесемейных акторов в воспитательный процесс, конформизм
Характер идентификации	В системе идентификация выражается в принятии этничности мужчины	В системы идентификация выражается в устойчивом выборе одной либо совмещение двух этничностей	Маргинальная идентичность
Агент, влияющий на этническую самоидентификацию	Отец	Отец, мать, супруг	Внесемейные агенты
Механизм идентификации	Нормативный	Интерпретирующий	Ситуативно - конструируемый

В данном случае мы достаточно условно ограничиваем типы этнических идентичностей (моноэтническая, биэтническая и противоречивая или

неустойчивая этничность), формируемые в результате влияния разных систем и типов воспитания. На самом деле в реальной практике вариантов выбора существует больше.

Так, например, Т. Г. Стефаненко считает, что в процессе социализации и под влиянием различных факторов возможно формирование нескольких вариативных типов этнической идентичности, среди которых:

- моноэтническая (отнесение себя к одному этносу);
- биэтническая (отнесение себя к разным этносам, но с разной степенью интенсивности);
- маргинальная (балансирование между культурами двух или даже более этносов без интериоризации их ценностей на уровне личностного и этнического самосознания);
- космополитическая (отнесение себя к широким национальным общностям: европейцам, азиатам, гражданам мира);
- аэтническая (отрицание значимости определения этнической принадлежности или ее отсутствие)⁸⁰.

При всей динамичности и возможности вариативности этнической идентичности в современном обществе, что характерно и для представителей моноэтнических семей в определенных условиях (смена этноидентичности как способ адаптации при давлении этнического большинства, как условие успешности профессиональной карьеры при дискриминации отдельных этносов в организации и т. п.), осознание своей принадлежности к определенной этнической группе способствует выработке соответствующих личностным ориентациям, потребностям ближайшего окружения и требованиям общества способа этнической толерантности.

Второй вектор влияния межнациональных семей на этническую толерантность в обществе направлен на внешнюю социальную среду, для которой межнациональные семьи выступают микро моделью организации

⁸⁰ См.: Стефаненко Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности. URL: <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic> (дата обращения: 17.08.2014).

межэтнических взаимодействий. В данном типе семей накапливается опыт позитивных межэтнических коммуникаций, формируются и апробируются новые соционормативные образцы межэтнического общения на основе взаимодействия и взаимопроникновения разных культур, традиций и стандартов, отрабатываются методы этнической социализации.

Посредством коммуникаций с этнодругими членами межнациональных семей такие образцы, нормы и стандарты распространяются во внешнюю для семьи социальную среду. Таким образом, межнациональная семья, на практике демонстрируя межэтническую толерантность, сама становится образцом для подражания в выстраивании терпимых и уважительных отношений к этнодругим.

Эти процессы отражают особенности реализации межнациональной семьей *соционормативной функции*, когда на основе опыта семейной жизни вырабатываются либо воспроизводятся правила, нормы и образцы толерантного взаимодействия между представителями разных этносов. В ходе семейной жизни эти нормы и правила могут изменяться в отношении к своим и чужим этносам. Кроме того, на их изменение оказывают влияние политические факторы: государственная политика в сфере национальных отношений (политика современного правительства Украины, целенаправленно разжигающего национальную неприязнь по отношению к русским), степень напряженности межнациональных отношений.

Это определяется тем, что этнос не может оставаться абсолютно неизменным, так же как и его культура, которая способна к такому развитию только при взаимодействии с другими национальными культурами во всем их многообразии. Взаимодействие на основе толерантности ведет к «возникновению некоей совокупности общих норм и правил, которые разделяются представителями разных этносов. Это может быть результатом включения норм “чужой” культуры в “свою”, привычную, либо созданием

некоего третьего вида отношений путем преобразования как “своей”, так и “чужой” культуры»⁸¹.

И в этом плане «семья является одним из доминирующих социальных институтов, через который происходит усвоение многих важных элементов соционормативной культуры другого этноса»⁸². Толерантная модель семейных отношений способствует формированию у детей толерантного сознания в единстве ценностных ориентаций и установок по отношению не только к членам своих семей, но и к этнодругим в обществе.

Здесь следует акцентировать внимание еще на одном моменте, выявленном Г. Г. Абдулкаримов. Он считает, что в процессе онтогенеза у личности первоначально зарождаются установки на толерантное отношение к представителям своего этноса, а взаимодействие с представителями других этносов возникает на основе того, что объединяет человека с ними, вызывает доверие и тогда начинает действовать механизм переноса установок на толерантное взаимодействие не только с отдельными индивидами иного этноса, но и на всю этническую группу⁸³. Такими объединяющими элементами становятся общие ценности и образцы поведения, их отражающие.

Следовательно, межнациональная семья в результате тесного взаимодействия соционормативных образцов поведения представителей разных этносов, с одной стороны, порождает их многообразие, а с другой – способствует апробации и адаптации норм и традиций межэтнического взаимодействия уже сложившихся в условиях полинационального и поликультурного сообществ. Это актуализирует такую функцию межнациональной семьи, как *трансляция норм и образцов толерантного взаимодействия* на уровень ближайшего окружения и закрепления их в

⁸¹ Абдулкаримов Г. Г. Толерантность в межнациональных отношениях в Уральском регионе: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2004. С. 16–17.

⁸² Резвушкина Т. А. Смешанные браки как условие межэтнической толерантности // Вестн. КарГУ. 2009. № 1. URL: <http://articlekz.com/node/132?page=show> (дата обращения: 28.07.2014).

⁸³ Там же. URL: <http://articlekz.com/node/132?page=show> (дата обращения: 28.07.2014).

общественном мнении как объективно необходимых для стабилизации национальных отношений.

Механизмами передачи таких норм выступают совместная деятельность, практики межличностного общения в ситуациях повседневности (быт, работа, соседство и т. п.) и самосознание как превращение толерантных норм взаимодействия в установки в отношениях с этнодругими.

Но следует учитывать, что окружающее такие семьи сообщество будет отбирать для социальной практики взаимодействия лишь те образцы поведения, которые соответствуют современным тенденциям развития их собственного этноса. В таком случае межнациональные семьи выступают, скорее, в роли ускорителя уже идущих в пространстве межэтнического и межнационального взаимодействия процессов, чем их инициаторов.

С другой стороны, и межнациональная семья может ограничивать сферу своей этнической толерантности этносами, к которым принадлежат ее члены (супруги, родственники), поскольку этническая толерантность – это не только внутренняя проблема межнациональных семей. Она включает и другую сторону – это толерантное отношение самого общества к таким семьям, которое имеет свои исторические корни.

В практике Российского государства исторически межнациональные семьи возникают, прежде всего, в результате внутренней миграции, когда идет освоение территорий за Уралом, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии, Закавказье, Прибалтике. В связи с этим уже в XVII в. было принято несколько постановлений о церковных браках между русскими служивыми людьми и крещеными инородческими женщинами⁸⁴.

Но при этом в Своде законов Российской империи было строгое указание на запрещение браков между лицами разных вероисповеданий (православного и римско-католического и нехристианами)⁸⁵.

⁸⁴ См.: *Сизоненко З. Л.* Межнациональная семья в крупном городе // Соц. исследования. 2007. № 2. С. 140.

⁸⁵ См.: Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Кн. 1 // Консультант-плюс. URL: <http://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 01.12.2013).

Восточные народы дореволюционной России, которые являлись приверженцами исламских традиций, также отрицательно относились к смешанным брачным союзам мусульман с другими религиями. Итак, несмотря на то, что брак с представителем другого этноса и нации в царской России был явлением исключительным, но он считался допустимым в пределах одного социального круга и единой религии.

Здесь еще важно подчеркнуть роль родительской семьи в формировании брачных отношений, поскольку в Своде законов Российской империи говорится, что «запрещается вступать в брак без дозволения родителей, опекунов или попечителей»⁸⁶.

Количественных данных, которые отличались бы подлинностью информации, о подобных браках нет. Однако после Октябрьской революции стали отмечаться тенденции по увеличению межнациональных браков. Отмена частной собственности, являвшейся прежде экономическим и моральным фактором зависимости детей от родителей в выборе брачного партнера, привела к расширению возможностей брачного выбора между разными этносами.

Роль церкви также стала минимальной. Снижение влияния института религии сказалось на регулировании межличностных отношения людей разной этнической принадлежности. Отмена религиозных запретов провоцировала свободу выбора брачного партнера другой национальности и соответственно увеличивала численность межнациональных браков и семей.

Для населения страны установилось новое и общее для всех название – гражданин. Формируется понятие «гражданский брак», семейно-брачные отношения регистрируются в специальных государственных органах. Эта форма регистрации остается и в настоящее время.

Изменение отношения к межнациональным бракам произошло со стороны государства. В СССР подобные браки воспринимались как способ укрепления стабильности общества, взаимопонимания и

⁸⁶ Сизоненко З. Л. Межнациональная семья в крупном городе. С. 141.

взаимопроникновения народов. Статистика подтверждает это тем, что в 1950-е гг. в СССР каждый десятый брак был межнациональным, в 80-е – уже каждый седьмой, а в некоторых республиках – каждый пятый⁸⁷. Межнациональные браки в многонациональном Уральском регионе во второй половине XX в. имели существенный удельный вес в общей доле всех заключенных браков⁸⁸.

На постсоветском пространстве России в последние десятилетия XX в. и в первые десятилетия XXI в. не наблюдалось значительного увеличения доли межнациональных браков⁸⁹. Ф. Б. Бурханова, проведя сравнительный анализ данных переписей 2002 и 2010 гг., пришла к выводу, что брак с партнером своей национальности продолжает оставаться наиболее распространенным. На долю домохозяйств из лиц разных национальностей в 2002 г. приходилось 29 % (в городах 30,7 %), а в 2010 г. уже наблюдалось некоторое снижение их – 27,4 %⁹⁰. Данные социологических исследований, проведенные в Башкортостане свидетельствуют, что для трети населения республики при вступлении в брак национальность будущего супруга имеет значение⁹¹.

Каково это соотношение межнациональных и мононациональных браков в настоящее время достаточно сложно сказать, поскольку на данный момент в России не существует официальных статистических количественных данных о них. Но при анализе многонациональных семей, по нашему мнению, можно опираться на данные о заключенных межнациональных браках, что позволяет и получить общие представления о ситуации в данной области, но поскольку в загсах отменено требование обязательного указания национальности брачующихся, то и эти сведения имеют ограниченный характер⁹².

⁸⁷ См.: Сизоненко З. Л. Межнациональная семья в крупном городе. С. 141.

⁸⁸ См.: Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009. С. 113.

⁸⁹ Там же. С. 114.

⁹⁰ См.: Бурханова Ф. Б. Создание семьи: современные тенденции в Башкортостане // Вестн. Ин-та социологии. 2014. № 1 (8). С. 101.

⁹¹ См.: Социологический ответ на «национальный вопрос»... С. 46.

⁹² Ж. Н. Дюльдина и А. В. Кобзев, опираясь на метод анализа документов загсов, выявили, что в Ульяновской области в 2000 г. из 4 391 пар, оформивших гражданский брак, не указали свою этническую принадлежность 523 пары, что составляет 11,9 %. В 2004 г. из 5 525 пар таковых уже стало 3 073, или 55,6 %. См.: Дюльдина Ж. Н., Кобзев А. В. Динамика межнациональных браков в Ульяновской области на рубеже XX–XXI вв. // Власть. 2012. № 12. С. 59.

Статистика подобных браков по Москве свидетельствует, что в постсоветский период изменился национальный состав межнациональных браков. Если во времена СССР 34,0 % межнациональных семей приходилось на браки между русскими и украинцами, семьи, состоящие из русских и евреев, составляли 11,0 %, русских и татар – 10,0 %, русских и белорусов – 9,0 %, русских и армян, русских и мордвы – по 4,0 %, то в настоящее время ситуация существенно изменилась. Вдвое уменьшилась количество русско-украинских браков, которое практически сравнялось по численности с русско-армянскими (русские супруги преимущественно представлены женщинами). Значительно уменьшилось количество русско-еврейских семей, но от 4 до 7 раз выросло число браков с грузинами и армянами, а с другими народами Кавказа – даже в 10 раз⁹³.

В настоящее время в Москве на долю внутриэтнических браков (между этносами, исторически постоянно проживающими в пределах ее территории) приходится всего около 40 % от всех межнациональных. Остальные – это браки с этническими мигрантами.

Одной из причин подобной ситуации, которая явно проецируется, хотя и не в таких масштабах, на другие крупные мегаполисы России, становится усиление миграционных процессов между бывшими союзными республиками и Россией, а другой – все еще наблюдающее преобладание женского населения брачного возраста над мужским. Неслучайно межнациональные браки женщины заключают вдвое чаще, чем мужчины⁹⁴.

Возрастающая в связи с миграцией конкуренция на рынке труда, активное давление мигрантов на уже сложившиеся стандарты и стереотипы поведения и межличностного взаимодействия, незащищенность коренного населения от негативных последствий миграционных процессов (как крайняя форма их проявления – этнические преступные группировки) меняет отношение населения к межнациональным бракам, усиливает

⁹³ См.: Меняется картина межэтнического брака в России. URL: <http://www.gumilev-center.ru/> (дата обращения: 12.03.2015).

⁹⁴ Там же. URL: <http://www.gumilev-center.ru/> (дата обращения: 12.03.2015).

настороженность в отношении к межнациональным семьям. Следствием этого становится стремление к обособлению подобных семей, их ориентация на идентификацию себя с более сильным этносом и снижение потенциала влияния на этническую толерантность в обществе.

Отсюда расширение возможностей межнациональной семьи в передаче позитивных норм и образцов межэтнического взаимодействия, ее влияние на этническую толерантность в обществе будут определяться политикой государства в сфере регулирования межнациональных отношений.

Итак, в результате исследования содержания и структурных компонентов этнической толерантности, факторов ее формирования в обществе и особенностей ее воспитания в межнациональной семье можно сделать следующие выводы:

- для выявления причин и условий формирования этнической толерантности необходимо обращаться к анализу факторов, определяющих состояние социальной и политической среды в области межнациональных отношений, среди которых выделяются три группы: макрофакторы, действующие на уровне общества в целом, национального государства (исторические, политические, социально-экономические, этнокультурные и конфессиональные), мезофакторы (территориальные этнические общности и условия их взаимодействия) и микрофакторы (особенности и результаты этносоциализации в семьях, методы воспитания, влияющие на результаты этнической идентификации и др.);

- влияние межнациональной семьи на этническую толерантность в обществе определяется двумя векторами: внутрисемейным, связанным с реализацией функции этносоциализации в семье как условия формирования толерантной личности, и внешним, ориентированным на трансляцию семейного опыта этнотолерантного поведения, норм и стандартов межэтнического взаимодействия, способствующих формированию этнической толерантности в обществе;

– вместе с тем процесс влияния межнациональных семей на этническую толерантность в обществе имеет не только свои возможности, но и ограничения, которые связаны как с государственной политикой в области решения новых проблем в области межнациональных отношений, так и противоречивым отношением общества к межнациональным бракам и проблемами формирования этнотолерантной личности внутри семьи.

Поскольку сами процессы формирования межэтнической толерантности очень динамичны и противоречивы, то это требует для их уточнения и выявления путей и способов ее укрепления, эмпирической проверки теоретических гипотез, а также специального исследования и анализа ее состояния на конкретных территориях, что и будет сделано нами далее в следующей главе.

Глава 2. Роль межнациональных семей в формировании этнической толерантности в современном российском обществе

2.1. Состояние этнической толерантности: региональный и российский уровни

Социологический анализ этнической толерантности, как отмечалось в первой главе, связан с основными положениями теории социального действия, позволяющими выявить взаимосвязь данного феномена с объективной (условия ситуации действия) и субъективной реальностью (субъективными факторами действия). Отсюда исследование формирования и реализации этнической толерантности связано с анализом таких атрибутивных и взаимосвязанных компонентов системы социального действия, как: особенности социального взаимодействия между разноэтничными индивидами и группами; установки и ценностные ориентации на этническую толерантность как элементы личностных структур и конкретных ситуаций (актов) межэтнического взаимодействия.

Для социологического анализа состояния этнической толерантности в обществе и регионе необходимым условием становится обращение к анализу этнического состава населения конкретных регионов, который определяет среду ее функционирования, тесноту межэтнического взаимодействия и особенности его проявления в конкретных ситуациях.

На региональном уровне плотность этнической среды, степень ее полиэтничности, специфика миграционных процессов в значительной степени определяет особенности формирования и формы проявления межэтнической толерантности / интолерантности, а также возможности их сравнения с другими регионами России и российским обществом в целом.

Изучение этнической структуры Уральского федерального округа, на базе которого проводилось эмпирическое исследование влияния

межэтнических семей на этническую толерантность, представляется также необходимым для обоснования репрезентативности полученных данных и возможности экстраполяции выводов и рекомендаций на другие территориальные и административные субъекты России.

По итогам переписи 2010 г. на территории Уральского федерального округа проживает 14 135 673 человек, что составляет около 8,4 % населения Российской Федерации. В основном на территории присутствует городское население (80 %), плотность составляет 6,7 человек на квадратный километр.

В УрФО насчитывается 120 этнических групп, зарегистрировано более 40 религиозных конфессий и 1300 религиозных объединений.

Наиболее распространенные этнические группы на территории УрФО: русские – 77,7%, татары – 5,1 %, украинцы – 2,8 %, башкиры – 2,1 %, азербайджанцы – 0,7 %, казахи – 0,5 %, белорусы – 0,5 %, немцы – 0,46 %. Не указали национальную принадлежность – 1,7 %⁹⁵ (*Приложение*, табл. 1).

Численное распределение этнических групп на территории РФ в целом представлена теми же этносами и народами. Наибольшая часть населения России представлена русскими, доля которых составляет 77,61 % (*Приложение*, табл. 2). На втором месте по численности – татары (3,7 %). Они относятся к тюркским этносам, которые по значимости и в Российской империи и в СССР также стояли на втором месте. Соседство славянских и тюркских этносов, общая государственность привели к массовому их смешению. А согласно Л. Н. Гумилеву, если у двух этносов существует «этническая комплементарность»⁹⁶, то согласно ей между этими группами возникает совместимость, которая позволяет, в том числе, создавать межнациональные семьи.

Помимо великороссов, к этносу славян относятся украинцы, (западные и юго-западные этнические группы восточнославянских этносов). На сегодняшний день в этнической структуре РФ они занимают по численности

⁹⁵ Официальный сайт всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 12.01.2015).

⁹⁶ См.: Гумилев Л. Н. От Руси до России // Очерки этнической истории. СПб., 1992.

третье место (1,34 %).

После украинцев следующей по численности этнической группой являются башкиры 1 576 747 (1,1 %). Далее следуют чувашаи и представители нахско-дагестанской группы (выходцы из Северного и Южного Кавказа) и финно-угорские этносы, к которой принадлежат мордва, удмурты, ханты, манси и ненцы.

При таком этническом составе народов России и УрФО по всем административным субъектам округа наиболее многочисленная этническая группа представлена русскими. Но необходимо отметить, что численность остальных наиболее распространенных этнических группы отличается в зависимости от административного субъекта округа. Так, для Свердловской и Тюменской области следующие после русских места по численности этнической группы распределены между татарами, украинцами, башкирами, марийцами. В Курганской области по численности после русских преобладают в порядке убывания татары, башкиры, казахи, украинцы. В Челябинской области – татары, башкиры, украинцы, казахи. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах наиболее многочисленные после русских национальности представлены следующими группами: татары, украинцы, башкиры, азербайджанцы и соответственно украинцы, ненцы, татары, ханты (*Приложение*, табл. 1).

На территории Уральского федерального округа, по данным переписи 2010 г., можно выделить пять основных этнических групп: славянская, тюрская, финно-угорская, тунгусо-манчжурская, нахско-дагестанская, вайнахская.

Итак, анализ этнической структуры УрФО свидетельствует, что в целом она отражает общероссийскую структуру. В этом плане анализ состояния и механизмов формирования этнической толерантности в Уральском федеральном округе становится эмпирическим полем для разработки федеральных и территориальных программ оптимизации межэтнических взаимодействий и предупреждения межнациональных конфликтов.

Для исследования состояния этнической толерантности мы опирались на результаты авторского эмпирического исследования, проведенного в 2012–2013 гг. Объектом эмпирического исследования стали представители родительских и супружеских межнациональных семей. Участники опроса по административным субъектам Уральского федерального округа распределились следующим образом: Свердловская область – 35,3 %, Челябинская область – 28,5 %, Ханты-Мансийский автономный округ – 13,1 %, Тюменская область – 11,5 %, Курганская область – 7,2 %, Ямало-Ненецкий автономный округ – 4,4 % опрошенных.

В исследовании приняли участие респонденты следующих наиболее многочисленных этнических групп: русские (47,9 %), татары (11,5 %), украинцы (6,9 %), евреи (3,3 %). Представители коренных народов, проживавших на территории округа еще до освоения ее русскими (башкиры, ханты, манси) представлены 4,1 % респондентов. Остальные респонденты принадлежат к этническим группам и народам, мигрировавшим на территорию округа либо в процессе ее длительного исторического освоения, либо в последние десятилетия в связи с распадом бывшего СССР и усилением трудовой миграции из его бывших союзных республик (белорусы, молдаване, таджики, узбеки, армяне и т. д.). Часть респондентов (9,9 %) при выборе этничности указали несколько национальностей.

Для удобства анализа и в соответствие с целями нашего исследования мы сгруппировали респондентов по степени сближения этнических связей в родительской и/или супружеской семье, способствующих формированию межнациональных браков. В данном случае мы учитывали, что на территории УрФО проживают коренные и некоренные народы. Некоренными народами являются преимущественно представители Средней Азии, Казахстана, Кавказа. Также Уральский Федеральный округ населяют малые народы, которые, являясь коренными для Урала, в основном не ориентированы на межнациональные браки для сохранения своей этнической идентичности и уникальности.

С учетом вышесказанного нами были выделены три группы респондентов по степени этнической близости родительских и супружеских семей:

1. Одна этническая группа:

– представители коренного населения, численного большинства региона (русские);

– представители коренного населения (кроме русских);

– представители некоренных народов УрФО.

2. Близкие этнические группы:

– представители коренного населения, численного большинства региона (только русские) и другие представители коренного населения УрФО;

– представители коренного населения, относящиеся к разным этническим группам (кроме русских).

3. Далекие этнические группы: коренные (включая русских) и некоренные народы УрФО представители биэтнических групп.

Такая группировка позволяет выявить особенности межэтнического взаимодействия между группами народов и этносов, которые имеют длительный опыт и практику совместного проживания на территории Урала, между близкими и далекими по этническим характеристикам группами, коренными и некоренными народами УрФО.

В соответствие с ней наши респонденты распределились следующим образом (табл. 2).

Выделение этих групп населения УрФО позволяет характеризовать межнациональные семьи Урала с позиций исторически сложившихся практик межнационального взаимодействия внутри коренного населения, а также между этническими группами, принадлежащими к некоренному населению, но длительно проживающими на уральской территории этносами.

Типология семей в соответствии с указанной респондентом национальностью
родителей/брачного партнера

Статус респондента	Родительская семья респондента, процент опрошенных	Семья, созданная респондентом, процент опрошенных
Представители коренного населения, численного большинства региона (только русские) и другие представители коренного населения УрФО	35,0	30,1
Представители коренных (включая русских) и некоренных народов УрФО	17,2	14,3
Представители коренного населения, численного большинства региона (русские)	16,4	7,9
Представители коренного населения (кроме русских)	10,5	1,4
Представители коренного населения УрФО (включая русских) и представители биэтнических групп (Поскольку статус респондентов определялся на основе их этнической самоидентификации (открытый вопрос в анкете), то часть респондентов указала двойственный этнический статус, например: русская/татарка, русский/украинец и т. д. Именно они вошли в состав биэтнической группы.)	6,6	6,1
Представители некоренных народов УрФО	4,2	1,2
Представители коренного населения, относящиеся к разным этническим группам	6,2	1,9
Некоренные народы Урала и представители биэтнических групп	3,8	0,7
Холост, не замужем	0	36,4
Итого	100,0	100,0

На этническую толерантность населения, как отмечалось ранее, оказывает влияние состояние межнациональных отношений в стране и регионе, поскольку они определяют ту социальную и политическую среду, в которой она формируется. Эта среда также оказывает влияние и на межнациональные семьи, определяя содержание опыта межэтнических взаимодействий и готовность членов данных семей к толерантным коммуникациям за ее пределами, а в результате характер и степень их воздействия на этническую толерантность в обществе.

Как же оценивают респонденты состояние межнациональных отношений? Опрос показал, что их оценка определялась типом территории, которая охватывает либо всю Российскую Федерацию, либо регион, либо город проживания респондента.

Результаты показали, что участников опроса гораздо более беспокоит состояние межнациональных отношений на территории России, которые 47,8 % опрошенных оценили как стабильные и спокойные, 41,8 % назвали напряженными, а 6,9 % даже критическими, чем на Урале или в городе постоянного проживания участников опроса: здесь уже практически две трети участников опроса оценивают их как спокойные и стабильные (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами состояния межэтнических отношений
(процент к числу ответов по группам территорий)

Характеристика межнациональных отношений	Территория		
	РФ	Урал	В городе проживания респондента
Стабильные	12,5	16,8	17,0
Спокойные	35,3	55,7	53,2
Напряженные	41,8	21,4	22,3
Критические	6,9	2,4	5,0
Затрудняюсь ответить	3,5	3,7	2,5

Та же тенденция была выявлена в результате социологического исследования «Социальные и социально-культурные факторы развития этнических групп в Республике Башкортостан» (2011 г.). Его авторы отмечают, что чем ниже уровень местонахождения социального образования в иерархическом их расположении (республика, город, трудовой коллектив), тем больше в них положительно оценивающих межнациональные отношения⁹⁷.

⁹⁷ См.: Социологический ответ на «национальный вопрос»... С. 114.

Вместе с тем каждым пятым опрошенным межнациональные отношения на территории Урала и в своем городе все-таки рассматриваются как напряженные и отчасти даже критические. За такими оценками скрывается опасность формирования ориентаций на этническую замкнутость и закрытость для усиления чувства защищенности внутри своей этнической группы. При этом внутри межнациональных семей это могут быть те этнические группы, которые представлены супругами или родителями.

При анализе причин, определяющих различия результатов опроса на общегосударственном, территориальном и местном уровне, по нашему мнению, следует обратиться к идее П. Снайдермана, который выделил два уровня толерантности: абстрактный и реальный. Первый уровень он назвал «прототипом толерантности», основная задача которого – задавать нормы, с ориентацией на ценности характерные для конкретного общества или правящей элиты с учетом определенных интересов⁹⁸. Это, как правило, общегосударственный уровень, который связан с содержанием национальной политики государства, ее принципами и идеологией. Эта политика и идеология отражается в официальных документах, транслируется СМИ, как в общем плане, так и через характеристику конкретных этнических ситуаций.

Что касается деятельности СМИ, то в представлении «этнических» ситуаций они могут играть либо позитивную, либо негативную роль. Позитивная роль заключается в информировании общественности, в мобилизации общественного мнения против нарушений прав разноэтнического населения России, поддержке посредничества и миротворческих усилий в межэтнических конфликтах. Но многие исследователи обращают на их негативное влияние на этническую толерантность в обществе. Тому может быть несколько причин. Одна из них – избирательность общественного сознания: материалы, посвященные

⁹⁸ См.: Гордеева М. А. Прикладные механизмы социальной толерантности в динамики развития // Классические и инновационные практики социальной толерантности : коллект. монография / под науч. ред. А. П. Логунова. М., 2013. С. 214 ; Tetlock P. E., Arkes H. R. The Implicit Prejudice Exchange: Islands of Consensus in a Sea of Controversy. URL: <http://faculty.washington.edu/agg/IATmaterials/PDFs/AT.reply.2004.pdf> (дата обращения: 03.01.2015).

этническому криминалу, запоминаются лучше, чем статьи, связанные с описанием культуры, религии, традиций различных этносов. Отсюда участники опросов приходят к выводу, что пресса чаще пишет именно о преступлениях и асоциальном поведении представителей разных этнических групп⁹⁹.

Другой причиной, по мнению Л. М. Дробижевой, выступает «определенная “неграмотность” журналистского сообщества в отношении механизмов межкультурного восприятия и безответственное, бездумное использование определенного вида “языка”, применяющегося для описания культурных различий»¹⁰⁰. Например, использование стереотипных выражений или характеристик при описании этнических ситуаций с использованием обыденной типизации и категоризации этнических групп: «кавказцы», которые описываются как «торговцы», «торгующие арбузами», «таджики» как «исламский элемент» и т. п.¹⁰¹ Это формирует в общественном сознании определенный имидж этнической группы и межнациональных отношений в стране, который далеко не всегда позитивен.

Поэтому стоит выделить второй уровень толерантности – реальный, который возникает в повседневной жизни, и может быть теоретическим или практическим, сформированный общим пониманием норм толерантного поведения и осознанием индивидом групп, которые являются наименее принимаемыми обществом или конкретными практиками между индивидами, индивидом и группой.

Опыт непосредственного взаимодействия относится именно к этому уровню и определяется регионом и местом проживания. Для коренных народов региона – это опыт исторического совместного проживания разных этносов и этнических групп на конкретной территории (для Урала это отношения татарского, башкирского и русского, а также северных малых

⁹⁹ См.: *Быкова М. В.* О характере влияния различных социальных факторов на степень этнической толерантности в России. URL: http://pravmisl.ru/index.php?id=1529&option=com_content&task=view (дата обращения: 10.10.2014).

¹⁰⁰ Социология межэтнической толерантности. С. 104.

¹⁰¹ Там же. С. 115.

народов). Но данный опыт опосредуется ситуациями повседневности, связанными с непосредственным взаимодействием разных этносов как членов семьи (межнациональные семьи), соседей, коллег по работе и т. п. Именно в условиях наличия и повторяемости межэтнического взаимодействия формируется потребность индивида, группы, семьи в толерантном отношении к этнодругому.

Наш опрос показал, что чаще относят межнациональные отношения в России к критическим биэтнических групп, с нестабильной этнической идентичностью (*Приложение*, табл. 3).

Причины, по нашему мнению, здесь кроются в том, люди, не определившиеся со своей этнической идентичностью, проявляющие готовность сменить при изменении политических и экономических условий существования разных этносов, находятся в зависимости от ситуативных факторов и чувствуют себя более неуверенными и защищенными.

Нами респондентам был предложен перечень факторов, влияющих на состояние межнациональных отношений, имеющих различную направленность (от стабилизирующих до дестабилизирующих). Что касается Урала и города проживания респондента, где межнациональные отношения в целом оцениваются участниками опроса как более спокойные, чем в РФ в целом, то здесь в первую очередь в качестве факторов, влияющих на состояние отношений между представителями разных этносов, называются те, которые позитивно влияют на межнациональные отношения – это рост стабильности и спокойствия в обществе (18,0 % и 20,4 %), а также терпимости и взаимопонимания между людьми (18,4 % и 16,9 %).

Вместе с тем настораживает тот факт, что почти 17 % респондентов все-таки отмечают, что в их городах наблюдается рост межнациональной неприязни и национализма, которые выступают формами этнической интолерантности. При этом на уровне обыденного сознания они проявляют себя, как отмечалось в первой главе, с одной стороны, как на эмоциональном уровне (чувство неприязни, выражение пренебрежения, оскорбления,

насмешки, так на уровне осознанных интолерантных действий этническая дискриминация, искусственная изоляция, избегание межэтнических контактов и даже этническое насилие).

Хотя уральцы в целом демонстрируют достаточно высокий уровень этнической толерантности (78,8 % не испытывают неприязни к представителям другой национальности), необходимо особо отметить, что каждый пятый участник опроса (20,7 %) занял противоположную позицию. Причины этого кроются отчасти в негативных гетеростереотипах, утвердившихся в общественном сознании по отношению к отдельным этническим группам. С другой стороны, с усилением миграционных процессов и притоком некоренного населения на территорию Урала, когда между вновь прибывающими представителями различных этносов и местным, коренным населением возникает ситуация конкуренции как в трудовой сфере, так и в межкультурных коммуникациях.

К представителям каких национальностей чаще всего испытывают неприязнь опрошенные? Чаще всего среди этносов, вызывающих неприязнь, называли народы Северного Кавказа и Дагестана (6,1 % ответов). На втором месте (5,7 % ответов) по степени неприязни находятся выходцы из нынешних государств Средней Азии (узбеки, таджики, казахи, киргизы или в иных формулировках: азиаты, жители Средней Азии). Среди них чаще всего респондентами назывались таджики. (Данные получены на основе обобщения ответов на открытый вопрос анкеты. Ответы формулировались как на основе общепринятого названия нации или этноса (азербайджанцы, дагестанцы, грузины, чеченцы, армяне), так и в общем плане: все кавказцы, все нации Северного Кавказа, кавказские народы, лица кавказских национальностей и. т. п.).

Такое отношение к этим народам объясняется как особенностями поведения, проявляющимися в «грубости, пошлости, наглости, неуважении наших законов и правил, неуважении к нашим традициям, народу, агрессии, своеволии», так и восприятием их внешнего вида: «нечистоплотные,

неопрятные, грязные». (Выборочные ответы на открытый вопрос: «Назовите качества, которые Вам не нравятся у представителей национальности, к которым Вы испытываете неприязнь».)

Как мы отмечали выше, данные две группы народов не относятся к коренным народам Уральского федерального округа, и у них отсутствуют исторически сложившиеся на конкретной территории формы и способы неконфликтного этнического взаимодействия, не наблюдается тесного взаимопроникновения культур и культурных традиций на уровне повседневности. Следовательно, этническая интолерантность в данном случае зачастую порождается существующими негативными автостереотипами.

Далее у 1,5 % ответивших неприязнь вызывают евреи за хитрость, наглость, скрытность, расчетливость и жадность. При этом одна из участниц опроса так сформулировала причину негативного отношения к евреям: «На личном примере убедилась в их жадности и некультурности, но в каждой нации есть свои нелюди» (женщина, 45 лет, образование высшее).

Негативные оценки в пределах 1 % ответов получили и представители коренных народов Урала: среди славянских народов – русские за пьянство и неуважение к своим родственникам, украинцы – из-за того, что они духовно слабые люди и Майдана; татары (напористые, агрессивные, дерзкие, наглые, недоброжелательные, хитрые, вредные), башкиры (не нравится их быт, лень, внешний вид).

Вместе с тем многие участники опроса понимают, что неприязнь к отдельным этносам у них вызвана неудачным личным опытом общения с их представителями. Информантка выразила это следующим образом: *«Я думаю, что толерантность – это отношения между людьми. У меня к разным людям разное изначально отношение, поэтому и насколько я буду толерантна от этого зависит. Еще дополняют это обстоятельство, конкретные ситуации. Ведь почему я должна поступать толерантно или даже адекватно, если не вижу к себе такого же отношения? Но это если про окружение, то есть случайные ситуации, в магазине, на парковке, в*

общественном транспорте или с соседями» (женщина, 26 лет, русская, замужем, муж по национальности татарин).

Каковы же причины, влияющие на дестабилизацию межнациональных отношений в настоящее время, по мнению участников опроса (табл. 4)?

Таблица 4

Причины ухудшения межнациональных отношений
(процент от ответов по группам территорий)

Причины	Территория		
	Россия	Урал	В городе проживания респондента
Неконтролируемый рост численности иноязычных иммигрантов, которые создают проблемы для коренного населения	52,3	39,5	39,6
Активизация русских националистов, рост нетерпимости с их стороны к представителям других национальностей	19,2	20,5	17,7
Позиция властей, которые ничего не предпринимают, чтобы решить проблемы миграции, межнациональных отношений	16,6	22,6	23,1
Проблема надумана, никакого ухудшения межнациональных отношений не происходит	6,1	7,8	10,9
Затрудняюсь ответить	5,6	9,8	8,6
Итого	100	100	100

Как следует из данных табл. 4, участники опроса в предложенных вариантах ответа сконцентрировали свое внимание в большей степени на том, что как Россия в целом, так и отдельные ее территории и административные субъекты сегодня сталкиваются с неконтролируемым ростом численности иноязычных мигрантов, что провоцирует ухудшение межнациональных отношений. Для участников опроса для России в целом на эту причину обращают внимание 52,3 %, для Урала и города проживания респондента почти – 40 %.

Уже при анализе ответов на открытый вопрос о национальных группах, к которым анкетированные испытывают неприязнь, мы столкнулись с ситуацией, когда вместо конкретной национальности прямо указывались мигранты, которые назывались так: «приезжие национальности,

гастарбайтеры, мигранты». Что же в них вызывает неприятие постоянных жителей региона? По мнению ответивших, они «агрессивные», «все грязные и отбирают работу», «неуважительны к местным жителям», «нечистоплотные», «громкие». Среди мигрантов отдельно выделилась этническая группа китайцев, которые порождают неприязнь местного населения, по мнению респондентов, потому что «совершают преступления на территории РФ», «болтливы», «бесцеремонны и беспардонны», «шумные», «наглые», «непредсказуемые» и. т. п.

Результаты межрегионального исследования «Будущее России: социальная сфера» выявило практически те же проблемы с иностранными мигрантами (они, кстати, характерны и для стран Европы): конкуренция за рабочие места (свыше 80 % опрошенных по регионам), жилье (50–60 % и выше), отношение прибывающих к местным традициям и их адаптация (50–70 %) ¹⁰². Исследование проводилось в Калининградской, Новгородской, Воронежской, Саратовской, Свердловской, Томской областях, Приморском крае, Бурятии, но для нас примечательно то, что наибольшую тревогу в плане отношений с мигрантами проявляют жители Воронежской и Свердловской областей.

И это неслучайно, поскольку по данным Федеральной службы государственной статистики ¹⁰³, по числу зарегистрированных иностранных трудовых мигрантов УрФО находится на 4-м из 8-м месте после Центрального, Сибирского и Северо-западного округов (*Приложение*, табл. 4). В третьем квартале 2014 г. численность иностранных мигрантов составила 80,7 тыс. человек. При этом наибольший их приток наблюдается в Тюменской (42,3 тыс.) и Свердловской (34,5 тыс.) областях. В Тюменской области без автономных округов этот приток составил всего 2,4 тыс. человек.

¹⁰² См.: Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. С. 226. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения: 20.01.2015).

¹⁰³ См.: Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в III квартале 2014 года) // Федерал. служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения: 15.01.2015).

Здесь основная миграционная нагрузка приходится на Ханты-Мансийский округ (39,8 тыс.).

Следующей по значимости причиной нарушения межнационального спокойствия идет активизация русских националистов, рост нетерпимости с их стороны к представителям других национальностей (19,2 % на территории России, 20,5 % – на Урале и 17,7 % в городах проживания респондентов).

Национализм выступает одной из форм этнической интолерантности. В плане этнического феномена национализм является реакцией на этническую дискриминацию и ассимиляцию малых народов и этнических групп в полиэтнических государствах, что связано с давлением со стороны политических элит, представляющих доминирующую нацию.

Но русский народ в российском государстве всегда являлся доминирующей нацией. В чем же причины активизации русского национализма? Многие исследователи приходят к выводу, что, кроме политических амбиций лидеров националистических движений, в основе которых лежит борьба за власть, существуют и другие причины активизации русского национализма и поддержки его идей среди части прежде всего русского населения.

Ранее мы уже отмечали, что существующие виды идентичностей, национально-гражданская и этническая, выступающие основой солидарности национальных и этнических групп, опираются в разных социально-политических условиях на разные механизмы и могут иметь различную направленность в своем взаимодействии от полного совпадения до противостояния. Достаточно длительный исторический период русские как большинство населения как в Российской империи, так и в Советском Союзе, выступали носителями вненациональной державной идеологии, чья этническая идентичность не требовала актуализации. Но с «парадом суверенитетов» в 90-х гг. XX в. сначала встал вопрос об этнической идентичности русских в бывших союзных республиках, где они перестали быть базовыми представителями советского народа как новой национальной

общности, а превратились в представителей нетитульных наций, что привело к их дискриминации по сравнению с титульными как в политической сфере, так и в экономической, культурной и социально-бытовой. Это выдвинуло на повестку дня вопрос о формировании нового для многих русских этнического сознания, где приоритетом идентичности стала принадлежность прежде всего к русскому народу.

Для Российской Федерации также актуальным стал вопрос о титульной нации и ее месте в иерархии национальных и этнических общностей. В общественном сознании русских начинает укрепляться потребность в этническом самоопределении и построении отношений с другими этносами на основе этого осознания. На этой потребности стали спекулировать националисты разных мастей, в том числе и русские националисты.

Степень развития националистических настроений и ориентации респондентов на интересы только определенной этнической группы или на межэтническую толерантность отражают результаты ответов на вопрос: чьи интересы в государстве (РФ) должны быть выражены в первую очередь?

В целом по массиву опрошенных суждения, что «Россия должно быть государством, которое выражало бы, в первую очередь, интересы русских» придерживаются в целом 20,8 % респондентов. Суждение «Все народы, проживающие на территории государства, должны иметь равные права и возможности» поддерживает 67,2 % участников опроса. Затруднились ответить 12,5 % опрошенных. Это прежде всего свидетельствует о том, что большая часть имеет толерантные установки относительно прав различных этнических групп в Российском государстве.

Если сравнить наши данные с результатами общероссийского исследования «20 лет реформ», проведенного Институтом социологии РАН в 2011 г., то оно показало, что в целом по России такие установки распространены гораздо шире: здесь доля респондентов, согласных с тезисами, что Россия должна быть государством русских людей или что у

русских должно быть больше прав, чем у других народов составила 45 %¹⁰⁴. С одной стороны, это связано с тем, что наши респонденты являются членами межнациональных семей, где даже выбор участниками опроса своей этнической идентичности с русскими, требует от них толерантного отношения к другим этносам.

С другой стороны, в традиционно многонациональных субъектах Федерации, таких как, например, Башкортостан и Уральский федеральный округ, националистические прорусские настроения вообще проявляются реже. Так, по результатам опросов среди жителей Башкортостана, проведенных в 2011–2012 гг., только 14 % опрошенных придерживаются позиции о преимущественных правах русских в РФ¹⁰⁵.

Если дифференцировать установки респондентов на превалирование в РФ интересов русских или равные права всех наций и этносов, то мы получим следующие результаты (табл. 5).

Таблица 5

Мнение респондентов о том, чьи интересы в государстве (РФ) должны быть выражены в первую очередь, в зависимости от этнической самоидентификации респондентов (процент к численности группы)

Этническая самоидентификация	С каким утверждением Вы согласны в большей степени?			Итого, в процентах
	Интересы русских	Все народы, проживающие на территории государства, должны иметь равные права и возможности	Затрудняюсь ответить	
Русские	28,2	59,2	12,6	100,0
Татары	10,3	81,4	8,2	100,0
Украинцы	24,6	66,7	8,8	100,0
Башкиры	5,3	42,1	52,6	100,0
Бизэтнические	17,0	68,2	14,8	100,0
Другие национальности	13,1	78,4	8,5	100,0
В целом по массиву	20,8	67,2	12,0	100,0

Как видно из данных таблицы, наиболее явно выражены установки на превалирование интересов русских в России у респондентов

¹⁰⁴ См.: Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном). М., 2012. URL: http://www.youngscience.ru/files/doklad_ran-310512.pdf (дата обращения: 06.01.2015).

¹⁰⁵ См.: Социологический ответ на «национальный вопрос»... С. 45.

идентифицирующих себя с русскими (28,2 %) и украинцами (24,6 %). Далее идут биэтнические респонденты (17,0 %). Самая низкая представленность среди респондентов, поддерживающих идею превалирования интересов русских у башкир (5,3 %), но среди них же больше всех затруднившихся в ответе. Наиболее активно в поддержке равенства прав всех этносов проявили себя татары (81,4 %) и представители других национальностей – малые народы Севера, мигранты и. т. п. (78,4 %).

Эти данные, скорее всего, свидетельствуют о том, что даже при условии мирного сосуществования народов в течение многих веков в таких вопросах, как равенство их прав, существует проблема не просто декларации, но реальной реализации равенства прав разных народов и этносов, которая может привести к росту напряженности в области межэтнической толерантности.

Это подтверждается и другими данными опроса, например анализом связи между интолерантными (выражающими в неприязни к представителям какой-либо национальности в целом) и националистическими (превалирование в государстве интересов какой-либо национальной или этнической группы) установками участников опроса (табл. 6). Среди тех, кто придерживается мнения, что российское государство должно в первую очередь выражать интересы русских 44,3 % опрошенных испытывает неприязнь к представителям какой-либо национальности в целом, тогда как среди респондентов, выступающих за равные права и возможности всех народов, такой установки придерживаются 15,2 %.

Еще одну проблему в области дестабилизации межнациональных отношений респонденты видят в позиции властей, которые ничего не предпринимают, чтобы ее решить. Так считает каждый пятый опрошенный. При этом следует обратить внимание на тот факт, что если по территории России в целом таких решений ожидают 16,6 % опрошенных, то на уровне своих городов уже 23,1 % (табл. 4).

Таблица 6

**Связь между интолерантными и националистическими установками
в межнациональных семьях (процент к числу опрошенных)**

Суждения	Вы испытываете неприязнь к представителям какой-либо национальности в целом			Итого
	Да	Нет	Нет ответа	
В России должно быть государство, которое выражало бы, в первую очередь, интересы русских	44,3	55,7	0	100,0
В РФ должно быть государство, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности	15,2	84,3	0,5	100,0
Затрудняюсь ответить	11,0	89,0	0	100,0
Итого	20,7	78,9	0,	100,0

Коэффициент Гамма [-1..+1]: 0,546; вероятность ошибки: 0,001 (0,1 %). Коэффициент Крамера [0..1]: 0,214. *Примечание:* коэффициент корреляции Гамма составил 0,546. Поскольку вероятность ошибки составила 0,001, (0,1 %), меньше 5%, что свидетельствует о наличии статистически значимой взаимосвязи между переменными, следовательно, необходимо оценить значимость коэффициента. Положительное значение коэффициента характеризует прямо пропорциональную связь между переменными. Поскольку значение коэффициента по модулю составляет 0,546 (0,5), то силу связи между переменными можно оценить как среднюю. Имеет смысл сравнить коэффициент Гамма с коэффициентом Крамера. Коэффициент Крамера в данном случае составил 0,214, то есть по модулю меньше Гамма. Таким образом, у нас есть основания предполагать, что связь имеет вид прямой линии.

Хотя население российского государства, Уральский регион, будучи исторически многонациональными, за многие годы совместного проживания выработали механизмы совместного спокойного и бесконфликтного существования, чему способствовали межнациональные браки, интеграция национальных культур и др., в постперестроечный период это спокойствие и равновесие явно нарушилось, о чем свидетельствует тот факт, что надуманной

для России данную проблему считают только 6,1 % участников опроса, для Урала – 9,8 %, а для городов проживания респондентов – 8,6 %.

Какие же факторы, по мнению участников опроса, негативно влияют на межнациональные отношения (табл. 7)?

Таблица 7

Факторы негативного влияния на межнациональные отношения
(процент от числа ответов по группам территорий)

Факторы влияния	Территория		
	Россия	Урал	Город проживания респондента
Отставание от передовых стран в экономическом развитии	26,1	15,9	17,5
Влияние стран Запада	32,5	20,1	16,5
Отсутствие национального единства	32,5	36,4	33,5
Межнациональные конфликты внутри страны	43,5	29,9	27,3
Неустойчивость политического положения в России	19,3	14,5	11,4
Человеческие качества (доброжелательность, уважение, доверие, готовность к сотрудничеству и т. п.)	31,9	35,8	34,5
Крах института семьи	13,2	12,6	15,7
Отставание от передовых стран в уровне демократии	16,2	11,7	11,4
Слишком большая территория России, многонациональный состав	14,0	11,3	9,0
Ничего не влияет	3,2	9,2	12,1

Ряд исследователей межнациональных отношений считают, что одним из главных факторов, оказывающих влияние на состояние межнациональных отношений, выступает экономический¹⁰⁶, но, как видно из данных таблицы, наши респонденты на всех территориальных уровнях акцентируют внимание на межнациональных конфликтах внутри страны и отсутствии национального единства. Особое значение они придают также личностному фактору, связанному с проявлением таких человеческих качеств, как доброжелательность, доверие, готовность к сотрудничеству и т. п. При этом если на уровне России в целом превалирует фактор межнациональных

¹⁰⁶ См.: Идентичность и конфликт в постсоветских государствах : сб. ст. М., 1997. С.488 ; В. Зорин Экономические факторы гармонизации национальных и межэтнических отношений в современной России // Россия в XXI: глобальные вызовы и перспективы развития : пленарные доклады Третьего Международ. форума (21–22 октября 2014 г.). URL: <http://fond-sblizhenie.ru/> (дата обращения: 22.03.2015).

конфликтов внутри страны как дестабилизирующий межнациональные отношения, то на территории Урала и города проживания участников опроса это отсутствие национального единства и личностный фактор.

Проблема национального единства выступает общей для любых полинациональных государств и территорий. В современной России ее связывают с формированием национально-гражданской идентичности как основы межэтнической толерантности и сплочения разных этносов и народов вокруг идеи принадлежности к единому государству и ответственности за его целостность и перспективы¹⁰⁷. В советский период развития российского общества национально-гражданская идентичность населения страны подпитывалась идеей о едином советском народе, что давало возможность людям ощущать себя гражданами единого государства независимо от социального статуса и этнической принадлежности. Но в 90-е гг. XX в. в условиях трансформационных изменений ведущей макроидентичностью стала этническая, с которой видели основы интеграции с группой «своих», способной обеспечить защиту и безопасность в кризисной ситуации. Это привело к краху Советского Союза и формированию в России сепаратистских настроений, которые выливались в межнациональные конфликты (Чеченские войны), и даже в идеи самоопределения отдельных территорий (проект Уральской республики, например).

В настоящее время для сохранения экономической и политической стабильности, укрепления демократических основ российского государства необходима очень сильная коллективная идентичность, поскольку, как доказал в свое время Ч. Тейлор, участие народа в политическом управлении требует сильной национально-гражданской интеграции и солидарности¹⁰⁸. Такой идентичностью является российская идентичность, под которой мы

¹⁰⁷ Под национально-гражданской идентичностью мы вслед за Л. М. Дробижевой понимаем «не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства». См.: *Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность*. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения: 30.01.2015).

¹⁰⁸ См.: *Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?)* // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. М., 2002. С. 18.

вслед за Л. М. Дробижевой, Э. Паиным, С. В. Рыжовой и В. А. Тишковым понимаем общую лояльность «населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином и эмоциональную привязанность к стране, которая включает в себя отождествление (идентификацию) с гражданами страны, подкрепленную политической и общественной самоорганизацией»¹⁰⁹.

Вместе с тем национально-гражданская идентичность может вступать на уровне непосредственного межличностного общения не должна вступать в противоречие с этнической в любой из ее форм от неприязни до явно выраженных агрессивных действий по отношению к представителям других этносов и этнических групп, а это определяется степенью сформированности таких личностных качеств как уважение к этнодругому, терпимости к его отличительным чертам, стереотипам поведения и образа жизни, доверие к нему как основы межличностного поведения и т. п. Эти личностные качества, как мы уже отмечали выше, вырабатываются в процессе этносоциализации. В этом плане межнациональная семья становится благоприятной средой для формирования подобных личностных черт, как у ее членов, так и ближайшего их окружения, для проверки эффективности межэтнического взаимодействия на их основе.

Таким образом, можно констатировать, что представители межнациональных семей неоднозначно оценивают состояние межнациональных отношений: мнения об уровне их стабильности/нестабильности разделились практически пополам, что отражает не только наличие проблем в данной области, но и зависимость благополучия таких семей от государственной национальной политики, поскольку межнациональные конфликты, неконтролируемый рост мигрантов, активизация русского национализма, называемые в качестве причин

¹⁰⁹ Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Российская идентичность и межэтническая толерантность. С. 123. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf (дата обращения: 12.03.2015).

ухудшения межнациональных отношений, относятся, прежде всего, к сфере деятельности государственных органов.

Чаще относят межнациональные отношения в России к напряженным представители биэтнических групп, которые не определились окончательно со своей этнической принадлежностью и чувствуют себя более зависимыми от их изменений и конкретных ситуаций межэтнического взаимодействия.

Несмотря на то, что в УрФО по численности преобладающими являются русские, а в межнациональных браках их доля достигает 50 %, в межнациональных семьях, проживающих на Урале, существенно меньше, чем по России в целом распространены идеи исключительности и особой роли русского народа, а активизацию русских националистов они считают одной из причин дестабилизации национальных отношений.

Среди факторов, которые негативно влияют на состояние этнической толерантности на уровне России и региона, чаще всего называются межнациональные конфликты внутри страны, отсутствие национального единства, а также личностный фактор, что актуализирует проблему формирования российской идентичности как основы не только межэтнической толерантности, но и укрепления демократии, политической и экономической стабильности российского государства.

2.2. Направления и механизмы воздействия межнациональных семей на этническую толерантность в обществе

Межнациональная семья как социальный институт и малая социальная группа, с одной стороны, отражает те проблемы и противоречия, которые наиболее актуальны в сфере межнациональных отношений для данного периода жизни конкретного общества, а с другой – выступает специфическим стимулятором социальных изменений в этой области в силу своего межэтнического состава и потребности в актуализации этнической толерантности, без которой под угрозу ставится само ее существование.

Семья, как родительская, так и супружеская, вообще имеет первостепенное значение в жизни человека, влияет на выбор ориентиров социального поведения. Наш опрос подтверждает данный тезис, когда в качестве основных социальных групп, в наибольшей степени влияющих на их действия опрошенные назвали семью, родственников (56,2 %); людей, с которыми у респондентов общие взгляды, мировоззрение (46,2 %); успешных, материально независимых людей – 28,3 % (*Приложение*, табл. 5).

Как мы выявили в первой главе, существует два основных направления влияния межнациональной семьи на этническую толерантность в обществе: первое связано с формированием толерантной личности в процессе ее социализации в семье (дети, супруги), а второе – с передачей опыта толерантного межэтнического взаимодействия во внешнюю среду. Разделение их достаточно условно, поскольку они постоянно пересекаются и дополняют друг друга. Этносоциализация внутри семьи способствует увеличению числа этнотолерантных членов общества, а в процессе ее формируются тот опыт, те практики этнотолерантных коммуникаций, которые и транслируются далее во внешнюю среду, распространяются на этнодругих за пределами семьи. С другой стороны сама потребность в этносоциализации даже в межнациональной семье появляется только в результате внешних и прежде всего межличностных коммуникаций.

Как мы уже отмечали ранее, в качестве критериев этнической социализированности личности обычно выделяют этническую идентичность

личности, содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей и нормотипическое поведение как показатель ее адаптированности к среде. В отношении межнациональных семей нормотипическое этническое поведение будет проявляться в совокупности поступков и действий по отношению к этнодругим, основанных на принципах уважения, равенства и доверия, в основе которого лежит этническая идентичность. А установки, стереотипы и ценности направляются на толерантность не только внутри семье к разноэтничным родителям или родственникам, но и к другим этническим группам за ее пределами.

Этническая идентификация – это один из механизмов этносоциализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности тех этнических групп или индивидов, с которыми личность себя идентифицирует. Распространяясь в результате совместной деятельности, межличностного общения на другие этнические общности, будучи принятыми им, данные нормы становятся типическими. Этническая идентичность как результат процесса этнической идентификации, как ранее обосновывалось нами в первой главе, выступает основой этнической толерантности.

В повседневной жизни сама потребность в этнической толерантности реализуется в зависимости от возникающих в условиях *конкретной ситуации* межличностных взаимодействий с представителями разных этносов, которые актуализируют потребность в этнической идентичности личности.

У наших респондентов из межнациональных семей мы выясняли, какие ситуации чаще всего заставляют их задуматься о своей национальной принадлежности, т. е. актуализировали проблему этнической идентичности (в данном случае мы понятие национальная принадлежность рассматриваем как тождественное этнической, поскольку в обыденном сознании они выступают идентичными). Вопрос формулировался в открытой форме и вызвал интерес у 91,3 % опрошенных, которые ответили на него. Но, как выяснилось, 40,1 % не задумывались или не смогли вспомнить такие ситуации, поскольку причиной чего, с одной стороны, скорее всего, является достаточно спокойная

обстановка в сфере межнациональных отношений в УрФО. А с другой – наши респонденты являются членами межнациональных семей, где разнообразность выступает ее естественной особенностью, а внутрисемейные отношения строятся не на основе признака этнической принадлежности, а на любви, семейной близости, ответственности и. т. д.

Часть респондентов (менее 1 %) вообще заявили, что они «не различают людей по национальностям» или, что «у меня нет национальности». Из тех, кто содержательно ответил на вопрос, перечислив случаи возникновения интереса к своей национальной принадлежности, каждый четвертый указал несколько событий. Мы сгруппировали ситуации по причинам возникновения, и таким образом, получили следующие результаты (табл. 8).

Таблица 8

Ситуации, в которых респонденты задумывались о своей национальной принадлежности (процент к ответившим)

№ п/п	Ситуации	Процент
1	Межэтнические конфликты (на микро-/макроуровне)	24,3
2	Праздничные мероприятия, эмоциональное состояние, вызванное патриотическими чувствами	17,8
3	Взаимодействие с этнодругими	10,5
4	Туризм (поездка, временное событие)	10,0
5	Посещение общественных мест	7,8
6	Рефлексия (под влиянием вопросов о национальности со стороны других, потребность в самопознании)	7,3
7	Во время посещения учреждений по учету населения	6,8
8	Родственники (повседневное взаимодействие, семейные мероприятия)	6,3
9	Стереотипы и предубеждения (шутки, слухи, разговоры)	4,4
10	Средства массовой информации (просмотр телевизионных передач, Интернет)	4,1
11	Взаимодействие с этносвоими	3,9
12	Религиозные мероприятия	3,6
13	Трудовая деятельность (трудоустройство, взаимоотношения в коллективе)	3,4
14	Отличия во внешности	2,9
15	Взаимодействие с силовыми структурами	1,9
16	Жертва насилия (психологического, физического)	1,2

Чаще всего, по мнению опрошенных, ситуации, способствующие актуализации их этнической идентичности, порождаются межэтническими

конфликтами микро- и макроуровней (24,3 %). Для этого не обязательно быть непосредственно включенным в такие конфликты. Получая информацию из средств массовой информации, общаясь с участниками межэтнических конфликтов, человек ставит себя на место «другого», проектируя свои поступки и действия в тождественной ситуации. В настоящее время, например, такие проекции связаны с событиями на Украине, где именно этнический фактор активно используется политическими элитами для достижения собственных целей и амбиций.

На втором месте среди событий, порождающих потребность в осознании своей этнической принадлежности, находятся те, которые связаны с актуализацией патриотических чувств в особых эмоциональных состояниях, а также в связи с праздничными мероприятиями (17,8 %). На таких мероприятиях эмоциональная составляющая этнической идентичности активизируется на основе чувства гордости за свой народ, национального достоинства, усиливая ощущения собственной принадлежности к тем праздничным или иным, возможно даже трагическим событиям, имеющим отношение к своему этносу или народу. Такие эмоциональные состояния, связанные с осознанием важности и значимости интеграции себя со своим этносом, на эмоциональном уровне переходят на уровень когнитивный, требующий уже систематизации представлений о своем месте в конкретном этническом сообществе и его взаимодействии с другими этносами.

На третьем месте находятся ситуации непосредственного межличностного взаимодействия с этнодругими в своей стране и во время туристических поездок (10,5 % и 10,0 % соответственно). Именно ситуации повседневности формируют собственный опыт в сфере межэтнических отношений, актуализируют те черты личности, ее установки и ценностные ориентации, которые и определяют направленность взаимодействий с этнодругими на толерантное / интолерантное поведение.

Реже всего потребность в осознании своей этнической принадлежности возникает у наших респондентов при взаимодействии с силовыми

структурами (1,9 %), а также в ситуациях, связанных с насилием (психологическим или физическим) в отношении к ним (1,2 %). Здесь следует учитывать тот факт, что ранее мы выяснили, что большинство участников опроса оценивают обстановку в области межнациональных отношений в регионе как спокойную и представляют собой, хотя и многонациональное, но коренное население УрФО.

Так или иначе, все эти ситуации порождают определенные установки на характер и направленность взаимодействия с этнодругими, становятся условиями формирования толерантного / интолерантного отношения к ним. Но сохранение стабильности межнациональных отношений, предупреждение или своевременное разрешение межнациональных конфликтов требует целенаправленной и постоянной работы как над оптимизацией объективных условий среды существования разноэтнического населения, так и формированием системы ценностей толерантного поведения.

Вместе с тем практика и результаты нашего опроса показывают, что формирование этнической идентичности в межнациональных семьях процесс противоречивый, что влияет не только на ее результаты на уровне самой семьи, но и на подобные процессы в обществе.

Первая проблема и противоречие, с которыми сталкиваются не только представители таких семей, но и другие члены общества, – это то, что этническая идентичность выступает одним из видов социальной идентичности, которая включает в свой состав национально-гражданскую, территориальную, религиозную и этническую идентичности. Данные идентичности так или иначе взаимодействуют между собой, а в разных конкретных ситуациях, когда одна из них становится превалирующей, это может привести не только к позитивным (интеграция социальных или этнических групп на основе одной из идентичностей), но и к негативным (этноцентризм, национализм, религиозная нетерпимость и. т. п.) социальным последствиям.

Какие виды идентичностей наиболее значимы для наших респондентов, видно из данных табл. 9.

Таблица 9

Связь между группами опрошенных и видами идентичностей в межнациональных семьях (процент к группе опрошенных)

Виды идентичностей	Группы опрошенных				Процент от опрошенных по массиву в целом
	Коренные народы УрФО (только русские)	Коренные народы УрФО (кроме русских)	Некоренные народы УрФО	Биэтнические	
Россиянин	65,1	51,6	46,8	47,8	57,0
Уралец	27,5	16,3	19,0	20,0	22,5
Русский	61,9	20,5	7,1	33,3	39,9
Татарин	1,0	19,1	0,8	6,7	6,2
Башкир	0	6,5	0	3,3	2,0
Украинец	1,0	15,8	0	6,7	5,3
Еврей	1,5	0,5	18,3	12,2	4,9
Православный	19,8	9,8	19,0	15,6	16,6
Мусульманин	1,0	10,7	23,8	11,1	8,0
Азиат	0,5	2,8	5,6	3,3	2,2
Европеец	5,7	5,6	15,1	8,8	7,4

Примечание: общая сумма превышает 100 %, поскольку респонденты имели право выбрать несколько вариантов ответа.

Как свидетельствуют данные таблицы, для представителей межнациональных семей УрФО в целом по массиву на первое место среди других видов идентичностей выходит национально-гражданская. Каждый второй опрошенный (57,0 %) идентифицирует себя в первую очередь с россиянами, следовательно, акцентируют внимание на национально-гражданской идентичности.

При этом у различных групп населения, проживающих на территории УрФО, представления о значении того или иного вида идентичности для них отличаются. Наиболее значима национально-гражданская идентичность для коренных народов Урала: среди русских ее выбрали 65,1 %, среди других коренных этносов – 51,6 %. Другие участники опроса (некоренные народы и представители биэтнической группы) также в большей степени ощущают себя россиянами, чем членами своей этнической группы.

Это свидетельствует о достаточно высокой необходимости для респондентов отождествления себя прежде всего с гражданами страны, солидаризации с ними и разделении ответственности за ее судьбу.

Территориальная идентичность значима для каждого шестого опрошенного, и прежде всего для русских, среди которых уже несколько поколений проживает на Урале постоянно.

Полученные нами данные коррелируют с результатами других исследований, проведенных на территории РФ. Так, результаты социологических исследований, осуществленных с 1992 по 2007 г. под руководством Л. М. Дробижевой, свидетельствует, что за этот период в стране наблюдается укрепление национально-гражданской идентичности наряду с этнической, когда респонденты одновременно ощущают себя и россиянами и представителями своей этнической группы¹¹⁰.

С одной стороны, это связано с общими трансформационными процессами постсоветского периода и укреплением российской государственности. С другой – поскольку современное общество, это пространство постоянно меняющихся идентичностей, с конкретными обстоятельствами и ситуациями (территория и место проживания, интенсивность миграционных потоков и т. п.). Исследование, проведенное в Башкортостане под руководством Р. М. Валиахметова «Современный Башкортостан: особенности государственно-правового, социально-экономического и демографического развития» в 2012 г., подтверждает этот вывод. По его результатам большинство опрошенных ощущают себя и россиянами, и башкортостанцами, и представителями своей этнической группы¹¹¹.

Что касается этнической идентичности, которая в целом по массиву значима для большей части наших респондентов, то здесь мы сталкиваемся с противоречием, которое характерно прежде всего для межнациональных

¹¹⁰ См. *Дробижева Л. М.* Национально-гражданская и этническая идентичность... URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения 30.01.2015).

¹¹¹ См.: Социологический ответ на «национальный вопрос»... С. 44–45.

семей: часть из них, обозначив свою этническую принадлежность в анкете путем самоотнесения к одной из этнических групп (русский, татарин, башкир и т. д.) или даже одновременно к двум группам (русская / татарка, башкирка / русская и т. п.), что стало основой для выделения нами коренных, некоренных или биэтнических групп, в ситуации предложенного выбора из набора социальных идентичностей поменяли ее. Отсюда среди коренных русских оказался 1,0 % татар, 1,0 % украинцев и 1,5 % евреев. Но куда выше доля респондентов идентифицирующих себя с русскими среди других коренных (кроме русских) народов УрФО. Она составила 20 % от числа опрошенных. А среди представителей биэтнической группы, когда выбор имел однозначный характер, русскими себя назвали уже 33,3 %.

С подобным эффектом столкнулась О. И. Вендина при опросе москвичей из межнациональных семей. Согласно ее данным, среди респондентов, которые идентифицировали себя как русские, доля указавших, что их оба родителя являются русскими, составила 75 %, один из родителей – 6,4 %, оба родителя нерусские – 5,1 %¹¹².

Одной из причин подобного явления выступает подвижность этнической идентичности, которая различно проявляет себя при внутригрупповой и межгрупповой (т. е. межэтнической) коммуникации. В первом случае действует установка «я среди своих, таких же, как я» и этническая самоидентификация как бы приглушается, во втором – «я среди чужих, других чем я» и значимость этнического «я» естественным образом возрастает. Поэтому в иноэтнической среде поведение человека, с одной стороны, может приобрести демонстрационный характер («желание показать себя»), с другой же – может строиться сообразно ожиданиям членов иных этнических групп (эффект поведенческой «мимикрии»).

Таким образом, речь идет об идентичности «для себя» и идентичности «для других», которые могут существенным образом различаться. И тогда мы

¹¹² См.: Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Изв. РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27-36.

сталкиваемся с феноменом декларируемой идентичности, связанной с ожиданием толерантного отношения к себе членов иноэтнических групп как к «своему».

Другая причина лежит в области проблемы выбора своей этнической идентичности выходцами из межнациональных семей, когда родители и другие родственники выступают членами разных этнических групп. Особенностью этнической социализации и становления этнической идентичности детей в межнациональных семьях является то, что именно в них почти всегда для личности присутствует необходимость выбора языка, культуры, этнической идентичности.

При этом, как показывают исследования Е. М. Галкиной и К. В. Ким, завершается этот выбор на этапе первичной социализации, в подростковом возрасте, к 11–13 годам, когда именно семья и ближайшее окружение являются для личности определяющими агентами его социализации¹¹³.

Но в ситуации межнациональных семей в этом возрасте начинают проявлять себя особенности и противоречия этноидентификации в межнациональных семьях: у потомков из таких семей чаще проявляется ее вариативность (существование нескольких типов этнической идентичности одновременно) и изменчивость (возможность манипулировать своей этнической идентичностью в зависимости от конкретной ситуации), т. е. она становится для них не просто динамичным, а конструируемым феноменом¹¹⁴. Выходцы из межнациональных семей чаще сталкиваются с противоречием между номинальной (фиксируемой на уровне документов), внутренней этнической идентичностью (самоидентичностью) и тем, как в этническом плане их воспринимает ближайшее окружение.

¹¹³ См.: *Галкина Е. М.* Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей : по материалам этносоциологического исследования в г. Москве : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskaya-identichnost-podrostkov-iz-natsionalno-smeshannykh-semei-po-materialam-etnosots> (дата обращения: 31.07.2014) ; *Ким К. В.* Этническая идентичность детей из русско-якутских семей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. URL: <http://www.ceninauku.ru/> (дата обращения: 31.07.2014).

¹¹⁴ См.: *Галкина Е. М.* Этническая идентичность подростков... URL: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskaya-identichnost-podrostkov-iz-natsionalno-smeshannykh-semei-po-materialam-etnosots> (дата обращения: 31.07.2014).

Проведенный нами опрос позволил выявить ту долю респондентов, которая скорее склонна к маргинальному этническому выбору. Поскольку в выборке представлены члены межнациональных семей в возрасте от 15 лет и старше, то мы при дальнейшем анализе исходим из того, что их этнические предпочтения уже сложились. Для выявления степени устойчивости этнической идентичности опрошенных мы использовали методику незаконченных предложений, предложив им продолжить фразу: «Если бы я мог поменять национальность, то я бы...»

В результате группировки полученных ответов нами было выявлено три типа этнической идентичности по основанию ее устойчивости: этнически устойчивый, колеблющийся и космополитический тип (рис. 1). Основанием для выделения типа этнической идентификации является рефлексия индивидов о ситуации изменения этнической группы и значимости своей принадлежности к ней.

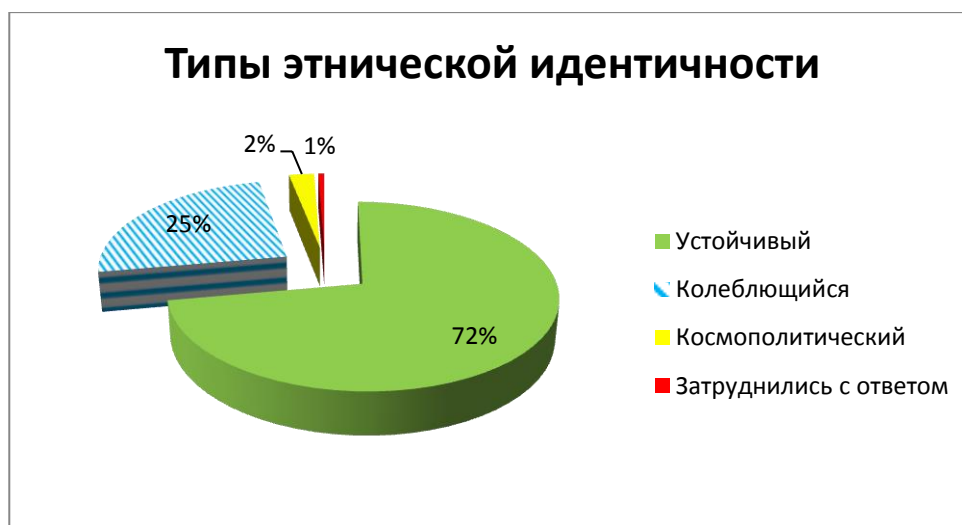

Рисунок 1 – Устойчивость выбора респондентами своей этнической идентичности

В результате мы выявили, что для большинства участников опроса, а именно 72,2 %, нормой является устойчивость этнической идентичности. Респонденты отмечают, что «ни при каких обстоятельствах», «никогда», «ни в коем случае», «такого не может случиться» не изменят свою этническую принадлежность на иную (схожие формулировки звучат в ответах следующим образом: «все равно не поменял», «выбрал свою», «не смог бы», «лучше бы

умер», «совершила грех», «только русский», «не желаю выбирать», «не смог совершить такое»).

Но практически каждый четвертый респондент (24,7 %) готов сменить свою этническую принадлежность. Мы отнесли их к колеблющемуся типу. Это означает то, что этническая идентификация не является для них основной, их поведение детерминируют другие факторы, которые являются более значимыми. А этническая принадлежность выступает параметром, который индивид может корректировать с целью получения выгоды (принадлежность к доминирующей на территории или месте проживания этнической группы, должностной рост, предупреждение таким образом возможных конфликтных ситуаций с соседями).

При этом среди представителей данного типа предпочли бы все-таки оставаться в своей этнической группе и допускают такую смену только в самом крайнем случае («в зависимости от цели», «даже и не знаю, возможно», «если бы понадобилось и было бы желание», «скорее всего нет, в зависимости от обстоятельств»). Каждый третий в этой группе (30,4 %) отмечает, что в ситуации выбора предпочтет этническую группу, к которой принадлежит один из его родителей («стала башкиркой, как моя мама»), либо супруг, а для каждого четвертого (19,3 %) не важно, будет ли новая этничность как-то связана с этническими характеристиками его близких родственников («поменяла бы цвет кожи», «выбрал европейскую национальность»).

Доля респондентов космополитического типа крайне незначительна. Они составляют всего 2,5 % от числа ответивших. Эти респонденты либо полностью отрицают потребность в этнической группе, либо им безразлично, к какому этносу относиться («стал человеком», «был человеком мира», «я бы уехал отсюда», «это личное дело – для меня не имеет значения национальность»).

На первичном этапе социализации выбор этнической идентичности определяется родителями, их этническими ориентациями и методами воспитания, которых придерживается семья. Это, как правило, связано с

типами семейного воспитания, среди которых мы ранее выделили авторитарный, демократический и переходный, каждый из которых имеет свои формы и способы влияния на этническую социализацию личности.

По результатам опроса членов межнациональных семей можно констатировать, что большая часть респондентов склонна считать преобладающим в их родительской и супружеской семье демократический тип воспитания (67,7 %), когда выбор этнической идентичности детьми базируется на методах убеждения, подражания образцам поведения родителей, основанному на доверии к ним (табл. 10). Для 15,1 % семей характерен авторитарный тип воспитания детей, ориентированный на подавление, принуждение при определяющем влиянии отца на выбор этнической идентичности. Но примерно столько же респондентов (17,3 %) отнесли тип воспитания своих детей к переходному, где присутствует как в выборе средств воспитания, так и при определении этнической идентичности ситуативный подход. Именно такой тип воспитания в большей степени способствует формированию маргинальной или декларируемой идентичности.

Таблица 10

Соотношение этнической группы респондента и типа семейного воспитания
(процент по группе)

Этническая группа	Тип семейного воспитания			Итого
	Авторитарный	Демократический	Переходный	
Русские	14,1	73,1	12,9	100,0
Коренные народы УрФО (кроме русских)	14,4	65,5	20,1	100,0
Некоренные народы УрФО	21,1	59,6	19,3	100,0
Бизэтнические группы	11,9	59,7	28,4	100,0
Процент от числа ответивших	15,1	67,7	17,3	100,0

Примечание: типология строилась на основании вопроса «Какие средства и методы следует использовать, формируя у детей представления о нормах и правилах жизни в обществе?»

Но когда мы обращаемся к отдельным группам респондентов по степени их «укорененности» на территории УрФО, то здесь уже наблюдаются довольно существенные различия. Две трети респондентов,

идентифицирующих себя с русским, предпочитают применять в семейном воспитании демократический тип, а переходный уже только – 12,9 %.

Среди коренных народов Урала, за исключением русских (татары, башкиры, малые северные народы), хотя и преобладает в семьях демократический тип воспитания (65,5 %), возрастает доля тех, кто использует приемы и методы воспитательного воздействия, присущие переходному типу, что повышает долю маргиналов при выборе детьми этнической идентичности. Это может быть объяснено тем, что при преобладании русского населения в регионе, его культурных традиций и образцов поведения в определенных ситуациях в целях укрепления личных позиций в группе, достижения карьерных целей дети из таких семей чаще проявляют склонность к декларированию этнической принадлежности с учетом этнодругих. В крайних случаях для отдельных людей это перерастает в практику манипулирования этнической идентичностью в целях личной выгоды, что, скорее, способствует в лучшем случае развитию межэтнической индифферентности, а в худшем – интолерантности в межэтнических отношениях.

У некоренных народов УрФО возрастает число респондентов, где в семейном воспитании акцент делается на авторитарных методах. Поскольку к некоренным народам в рамках нашего исследования относятся армяне, азербайджанцы, казахи, таджики, узбеки и т. п., то основная причина преобладания таких методов воспитания кроется, скорее всего, в особой культуре Востока, где этнический фактор играет немаловажную роль.

Для авторитарного типа воспитания характерна абсолютизация авторитета отца, который чаще всего и определяет этническую принадлежность детей и формирует ее далее на основе методов давления и принуждения. Это не означает, что выйдя за пределы родительской семьи и создав собственную супружескую семью, дети не могут поменять свою этническую идентичность, но происходит это реже, чем в семьях с иными типами воспитания. Модели авторитарного воспитания могут в перспективе с учетом образцов поведения в межличностном общении, заложенных

родителями, провоцировать использование методов принуждения и давления и в межэтнических взаимодействиях.

Вместе с тем в семьях некоренных уральцев и переходный тип воспитания распространен больше, чем, например, у русских, что также определяется потребностью в безопасности детей, защиты их от возможной агрессии со стороны социального окружения этнодругих.

Но чаще всего переходный тип воспитания встречается у представителей биэтнических групп, которые исходно идентифицируют свою этническую принадлежность с двумя этническими группами (28,4 % против 12,9 % у русских). Для респондентов этой группы ситуативная ориентация на декларацию своей этнической принадлежности является естественной и зависит от того, какую дистанцию они видят в своих отношениях с представителями других этнических групп. В данном случае не стоит относить ситуативное выражение этнической идентичности представителями биэтнической группы манипулированием ею, поскольку чаще это используется не в целях личной выгоды, а для подчеркивания своей близости к представлениям, традициям и нормам тех народов, к которым относятся их родители. И она становится основой толерантности в межэтнических взаимодействиях.

Таким образом, процесс этносоциализации в родительской межнациональной семье уже на этапе выбора этнической идентичности формирует те черты и особенности поведения личности, которые определяют в перспективе его склонность к толерантному либо интолерантному поведению по отношению к этнодругим. А с учетом роста числа межнациональных семей в условиях активной территориальной и межгосударственной миграции это уже начинает отражаться на состоянии этнической толерантности в обществе в целом.

Результаты этносоциализации внутри межнациональных семей выражаются в их готовности взаимодействовать с этнодругими за пределами семьи на основе принципов толерантности. Ее состояние мы выявляли

посредством коммуникативных предпочтений в общении в рамках территории города, соседства и работы. Более трети респондентов однозначно и с некоторой долей сомнения (скорее да, чем нет) предпочли бы проживание в своем городе с людьми своей национальности. Примерно такая же часть анкетируемых (35,8 %) предпочла бы жить в доме только с людьми их национальности, а 32,9 % хотели бы работать только с представителями своей национальности.

Парадоксальность ситуации здесь заключается в том, что участниками опроса уже являются членами семей, в составе которых уже представлены разные национальности. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда супруги, родители и дети в межнациональной семье исходно воспринимаются как свои без этнических различий, а этнодругие – это те, кто находится за ее пределами. Причем как этнодругие воспринимаются чаще всего те группы этносов, которые не относятся к коренному населению. Существенная дистанция между этносвоими и этночужими сегодня в значительной мере наблюдается прежде всего к некоренным этносам или трудовыми мигрантами из других государств, когда последние становятся конкурирующими этносами, воспринимаются как угроза уже сложившимся стабильным межэтническим взаимодействиям.

Наши данные о готовности / неготовности представителей межнациональных семей сотрудничать и взаимодействовать с представителями иной национальности (за пределами этнических групп, включенных в состав семьи) на разных уровнях и в различных формах коррелируют с результатами исследования, проведенного в 2006 г. Институтом социологии РАН совместно с Межрегиональными исследовательскими научными центрами (МИОНами). (Межрегиональное исследования «Будущее России: социальная сфера» проводилось под руководством Л. М. Дробижевой в Калининградской, Новгородской, Воронежской, Саратовской, Свердловской, Томской областях, Приморском крае, Бурятии, где доминирует русское население ($N = 4380$). По данным этого

исследования, работать с коллегами иной национальности готовы от 73 % в Томской области до 53 %–65 % в других областях. И лишь в Приморье их доля составляет 44 %, хотя в каких-то случаях готовы контактировать с этнодругими здесь и в других районах еще 37,5 %. Примерно такие же настроения выявлены в отношении соседства: здесь еще больше готовность иметь близкого друга иной национальности. И даже в отношении супружеских союзов, близких родственников готовность к межнациональному общению остается на уровне 74 % (согласны всегда – 56 %, в каких-то случаях – 18 %) ¹¹⁵.

При характеристике полученных нами и другими учеными результатов, характеризующих готовность/неготовность населения к межэтническим контактам, что характеризует и состояние этнической толерантности, нужно учитывать, что, как показывают исследования, этнические различия имеют тенденцию к снижению в условиях интенсивного межэтнического контакта, построенного без учета «этнического фактора» (т. е. без опоры на этническую идентификацию), например в сферах производственной деятельности, а вот в сферах досуга, семейно-ролевых и бытовых при интенсификации межэтнических взаимодействий эта отличительность растет ¹¹⁶.

Уже на уровне семьи формируются те механизмы, которые, с одной стороны, способствуют формированию этнической идентичности ребенка и консолидации его с конкретной этнической группой, а с другой – адаптации к внешней полинациональной среде на принципах либо толерантности, либо интолерантности.

Мы выясняли у участников опроса, что, по их мнению, прежде всего способствует этнической солидаризации. Наши респонденты таким образом проранжировали значение разных элементов для консолидации этнических групп (табл. 11).

¹¹⁵ См.: *Дробижеева Л. М.* Национально-гражданская и этническая идентичность... URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения: 20.01.2015).

¹¹⁶ См.: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 259 ; *Рыжова С. В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 282.

Мнение респондентов об элементах этнической солидарности
(процент к числу опрошенных)

Элементы этнической солидарности	Группы респондентов				Процент по массиву в целом
	Коренные народы УрФО (только русские)	Коренные народы УрФО (кроме русских)	Некоренные народы УрФО	Биэтнические	
Общий язык	61,4	47,0	30,2	43,3	51,0
Общее происхождение	32,7	39,5	31,7	28,9	33,9
Традиции, обычаи, праздники	36,6	35,8	27,0	22,2	33,4
Территория	30,7	18,6	9,5	13,3	22,5
Особенности характера, поведения	19,6	15,3	11,9	12,2	16,5
Религия	19,6	24,2	33,3	20,0	22,9
Общее историческое прошлое	28,0	19,0	25,4	21,1	25,3
Внешний облик	12,4	15,8	11,1	12,2	13,1
Общая государственность	12,6	13,5	15,9	4,4	12,5
Менталитет	26,0	18,8	23,0	13,3	22,3

В межнациональной семье процессы солидаризации и консолидации с этносами осложняются тем, что, как мы уже отмечали, у детей возникает проблема выбора своей этнической идентичности и включения в разные этнические группы. И здесь уже особое значение начинают играть механизмы преодоления противоречивости процесса этнической идентификации личности в таких семьях. В этом плане язык межнационального общения становится как механизмом этнической идентификации, так и межэтнического взаимодействия, способствующим толерантному отношению к этнодругому. Именно его каждый второй респондент рассматривает как основной этноконсолидирующий фактор.

На втором месте оказываются общее происхождение (33,9 %) и традиции, обычаи, праздники (33,4 %). Каждый четвертый опрошенный обращает внимание на роль общего исторического прошлого. Далее в равной степени участниками опросами отмечается религия, менталитет и территория

(22,9 %, 22,3 % и 22,5 %). А вот личностные особенности, внешний вид и даже общая государственность отошли на последний план.

При дифференциации участников опроса по уровню «укорененности» на территории Уральского округа мы вместе с тем выявляем некоторые различия мнений. Если для коренных народов Урала и биэтнических групп общий язык выступает основным элементом этнической солидарности, то для некоренных народов на первое место выходит или, учитывая ошибку выборки, становится в один ряд с языком и общим происхождением – религия. Это значимо для каждого третьего представителя некоренных народов, тогда как среди русских и других коренных народов такого мнения придерживаются 19,6 % и 24,2 %.

Особая роль общего языка как этноконсолидирующего фактора подчеркивается абсолютным большинством исследователей, поскольку национальное самосознание формируется в условиях непосредственного межэтнического контакта, где особая роль принадлежит тому языку, который человек считает родным. Но в полиэтнических государствах и территориях возрастает роль того языка, который становится языком межнационального общения. Именно он способствует консолидации разных этносов и групп. Для России таким языком выступает русским.

Для нашего исследования важно не только то, что русским языком владеет абсолютное большинство респондентов (81,2 %), но и то, что в семье они общаются прежде всего на этом языке (табл. 12). Два языка используют для внутрисемейного общения только 16,4 % участников опроса. При этом в семьях, проживающих на территории Урала в течение нескольких поколений, самое молодое поколение уже реже знает язык своих предков и использует его во внутрисемейном общении. Так, наша информантка из чечено-татарской семьи отмечает: *«Дома мы говорим на русском языке. Иногда мама и бабушка говорят со мной на татарском, но родители знают языки своей национальности»* (чеченка, 18 лет).

Язык внутрисемейного общения респондентов

Язык общения	Процент к опрошенным
Русский	81,2
Татарский	0,5
Башкирский	0,4
Украинский	0,2
Азербайджанский	0,5
Используем два языка	16,4
Другой язык	0,7
Итого	100,0

Такая ситуация характерна не только для Урала, но и для тех субъектов Федерации, которые имеют свою государственность. Башкирские социологи также пришли к выводу, что основным языком общения для их респондентов является русский язык¹¹⁷. Но при этом на территориях имеющих статус национальных республик в приватной сфере, в семейном общении титульные нации чаще, чем в других административных субъектах РФ, используют язык своего народа. Так, например, дома разговаривают только на языке своей национальности 36 % башкир и 21,5 % татар. Около 30 % башкир и татар пользуются двуязычием, когда одним из языков выступает русский, а другим – язык своей национальности¹¹⁸.

Интерес представляет тот факт, что даже если в межнациональной семье общаются на двух языках, то первым всегда является русский, и уже потом это могут быть башкирский, белорусский, казахский, киргизский, татарский и др.

Отсюда возникает одна из проблем, значимая для поликультурных обществ, – это сохранение языка малых или некоренных этносов на уровне семьи. Такое отношение к языку формирует, прежде всего, толерантное этническое самосознание личности и членов ее семьи, когда уважение к этнодругому и его культуре проявляется на уровне уважения к языку его этнического происхождения. Выходцы из межнациональных семей в этом плане представляют своеобразное посредническое звено для трансляции

¹¹⁷ Об этом см.: Социологический ответ на «национальный вопрос»... (Проект Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан «Социальные и социально-культурные факторы развития этнических групп в Республике Башкортостан», 2011 г., руководитель Р. М. Валиахметов).

¹¹⁸ См.: Социологический ответ на «национальный вопрос»... С. 65.

культурных и этических ценностей разных народов и через их языковые особенности.

Е. Е. Кутявина и С. К. Малышева, изучающие межэтнические семьи и особенности формирования в них этнической идентичности детей, ссылаясь на исследования Дж. Фишмена и собственные, считают, что возможности небольших языковых сообществ сохранить или возродить свой язык в условиях взаимодействия с иноязычным большинством крайне ограничены. Но при этом ученые сталкиваются с так называемым этническим парадоксом современности, когда на протяжении нескольких поколений в иноязычной среде сохраняются если не этническая культура и язык, то этническая идентичность¹¹⁹. Представители различных этнических групп, которые могут не говорить на языке этноса своего происхождения, не использовать его в семье, в общении применяют отдельные слова, приветствия, имена и другие реликты языка, называемого ими родным.

Важным для этнической идентификации и солидаризации является то, насколько респондент владеет информацией о своих этнических корнях. Как правило, обращение к истории своего рода, к своим генетическим корням способствует укреплению этнической толерантности, поскольку не только для России, но и для многих других государств генеалогическое древо указывает на множественность и неоднозначность межэтнического происхождения людей.

По данным опроса, 13,9 % указали родственников «другой» национальности из третьего поколения, 33,9 % указали, что в семье «много разных национальностей во всех поколениях», «много родственников разных национальностей», что говорит об актуальности этнического фактора для этой группы респондентов и ее ценностном значении. При этом больше всего интерес к генеалогическому древу проявлен среди респондентов, которые самоопределяют себя с двумя этническими группами. Однако 38,4 % не знает

¹¹⁹ См.: Кутявина Е. Е., Малышева С. К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности. С. 49.

(не указали родственников): среди русских – 46,5 %, коренных народов – 26,1 %, некоренных – 17,3 %, биэтнических – 10,1 %.

Это свидетельствует о том, что этническое происхождение у каждого второго русского, седьмого коренного и шестого некоренного жителя не может быть точно определено. Причин этому несколько. Одна из них – это послереволюционные процессы на территории бывшей Российской империи, когда о родственниках, происхождение которых было «не угодно» власти, старались забыть. Другая связана с урбанистическими тенденциями. Большие города разрывают родственные связи, увеличивая дистанция между поколениями, проживающими на разных территориях и сокращают родственные коммуникации.

Дифференцированность этнического происхождения также зависима от территории проживания респондента и их миграционного опыта, а именно: смена места проживания, осуществление переезда в течение его жизни. У 85,7 % наших респондентов место рождения и проживания отличается. Такие переезды оказывают влияние на двойственность представлений о собственной этничности, которая формируется без учета этничности родителей или супруга в 73,3 % случаев (*Приложение*, табл. 6).

Отрываясь от территории рождения, респонденты из межнациональных семей ослабляют социальные и родственные связи, что сказывается на недостаточном знании у потомков собственных корней. Поволжье и Урал отличаются многонациональным населением, у которых частота смешанных браков выше, чем в других районах страны, но для них присущи и процессы, характеризующие этническую неопределенность.

Еще в конце 90-х гг. XX в. исследования, проведенные под руководством Л. Л. Рыбаковского, показали, что «у русских респондентов неопределенность этнического происхождения очень высока на Дальнем Востоке, в Поволжье, на Урале, Восточной Сибири и на Северо-Западе, в Волго-Вятском районе России. Это территории, где доля русских

респондентов с неясным этническим происхождением выше, чем в среднем у всей совокупности опрошенных русских»¹²⁰.

Каждая этническая культура имеет множество традиций и обычаев, которые в процессе социализации на вербальном и невербальном, зачастую символическом уровне влияют на процесс этнической идентификации и этнической толерантности. Сюда относятся традиционные для этноса праздники, предметы и элементы быта, особенности внутрисемейного и внесемейного общения.

Этническая идентичность в процессе исторического генезиса толковались с учетом особенностей времени и с современным пониманием имеют мало общего, однако сохранились смыслы, дополняющие понимание ее современного феномена. Смыслы передавались от поколения к поколению посредством семейной этносоциализации и были тесно связаны с соблюдением традиций и обычаев, к числу которых относятся праздники.

Праздники и совместное участие в них важно не только для членов межнациональных семей, поскольку включенность в мероприятия, связанные с праздниками, имеющими этническую смысловую нагрузку, – это один из способов воспитания этнической толерантности среди ее членов, но и для укрепления толерантного отношения между разноэтническими родственниками, соседями и другими внешними по отношению к семье группами.

Это находит проявление в мотивации отмечания самых различных праздников жителями УрФО (табл. 13).

¹²⁰ Кожевникова Н. И., Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П. Русские: этническая гомогенность? (опыт социологического исследования). М., 1998. С. 15.

Мотивы отмечания праздников в межнациональной семье
(процент к числу опрошенных)

Мотивы	В большей степени	В средней степени	В малой степени	Не имеет никакого значения
Празднуем Пасху и Рождество, потому что это придает смысл нашей жизни	20,0	25,9	21,6	32,3
Отмечаем праздники, потому что это принято в нашей семье	35,4	31,7	13,0	19,8
Для нас праздники – народные обычаи, которые мы уважаем	31,2	30,2	17,0	21,4
Для нас любой праздник – просто праздник, отмечаем и религиозные и советские праздники	22,6	27,8	23,4	25,9
Мы отмечаем праздники, потому что я считаю это необходимым	14,1	25,4	24,6	35,6
Мы отмечаем праздники, потому что супруг(а) считает это необходимым	10,5	16,7	22,8	49,7

В большей степени участники опроса связывают празднования с семейной традицией (35,4 %), а также с тем, что праздники – это народные обычаи, которые они уважают (31,2 %). Часть респондентов, в большей степени, не задумывается о непосредственном смысле праздника, но отмечают его, поскольку либо он лично, либо супруг (а) считают это необходимым. В таких случаях мы скорее сталкиваемся с символическим значением праздников, которое передается из поколения в поколение, но далеко не всегда осознается человеком и связывается с потребностью в национально-гражданской или этнической идентичности.

В процессе передачи и интерпретации смыслов, значения которых скрыто на символическом уровне, современный термин «этническая идентичность», постигается индивидами также посредством распознавания символов (флаги, иконы, фотографии, предметы, рисунки, узоры), которые разделяются индивидами, принадлежащими к определенной этнической

группе, желающими не только подчеркнуть свою принадлежность к ней, но и существовать в перманентном осознании присутствия этнической группы.

В межнациональной семье такие символы, как атрибуты повседневной жизни, по которым индивиды передают информацию, являются частью конкретных ситуаций, в которых они определяют границы этнической толерантности индивидов по отношению друг к другу. Для воспитания этнической идентичности и как результата ее этнической толерантности наличие таких символов способствует распознаванию разных этнических культур и в перспективе культурной адаптации к полиэтнической среде. А для разноэтнического окружения это пример межкультурной и межэтнической толерантности.

Однако символический образ этничности может быть воплощен не только в виде абстракций, но и в реальных образах – предметах интерьера межнациональной семьи. Вещи характеризуют практики жизни обычных людей и говорят как об их возможностях, так и предпочтениях.

Об этом свидетельствует анализ ответов респондентов на открытый вопрос: «В интерьере квартиры/дома присутствуют детали, которые напоминают о Вашей национальности?» Хотя на данный вопрос ответили 98,6 % участников опроса, среди них у каждой второй семьи (49,6 %) нет предметов в интерьере, которые напоминали бы об этнической принадлежности. Среди положительно ответивших на вопрос 15 % указали, что такие предметы есть, но не конкретизировали свой ответ.

Остальные предметы можно объединить в четыре группы по областям, символами которых они являются (*Приложение*, табл. 8). Это религиозные символы: христианские, мусульманские, православные; этнические символы, а именно: предметы быта, культуры, вера в общее происхождение (образы родственников – фотографии); символы гражданской принадлежности и, наконец, сочетание символов разных этнических групп.

Как следует из анализа представленных ответов, у 38,6 % респондентов в деталях интерьера преобладают предметы, связанные с их религиозными

предпочтениями. Это, например, библия, картины с мечетью, крестики, молитослов, Коран. Некоторые формулировки свидетельствуют о преемственности и связи поколений (мамины иконы, икона католической церкви в родительском шкафу), а другие о множественности этнической идентичности в семье, хотя и представленных в религиозных символах (иконы православные и Коран, православные иконы и мусульманские молитвы, православные иконы и предметы исламской культуры).

У 36,9 % в интерьере присутствуют этнические символы, выраженные в предметах быта и культуры (валенки, портрет Пушкина, матрешки, разные предметы с национальной росписью, узорами, рог для вина и. т. п.).

В каждый двадцатой семье встречаются символы гражданской принадлежности (герб, карта региона, карта России, российский флаг, флаг Германии, флаг латышский, литовский флаг, флаг Республики Башкирии).

Примерно в стольких же случаях наблюдается сочетание символов разных этнических групп (атрибуты азиатской культуры и православные вещи, сувениры в виде оберегов, домовенков, матрешки).

Показательно, что по ответам наших респондентов лишь 22 % не использовали свадебные национальные обычаи, что также свидетельствует о потребности в символической форме выражать свою этническую принадлежность. Такие свадьбы для присутствующих на них представителей разных этнических групп становятся возможностью познакомиться не просто со свадебными традициями и обычаями конкретных этносов, но и с особенностями их культуры, что важно для формирования толерантного отношения к этнодругим во внешней по отношению к межнациональной семье среде.

При этом традиции и обычаи, их символическое выражение в повседневной практике респондентов тесно связано традиционными для того или иного этноса религиями.

Роль представлений респондентов о религии своего этноса связана не только с тем, что все мировые религии в их классической, традиционной

форме выступают носителями идеологии толерантности (появление самого понятия «толерантность» связывают исторически с религиозной веротерпимостью), но и с тем, что содержательное знание основных религиозных догматов, истории становления и распространения религий своего этноса пополняет систему знаний и представлений человека об истории и культуре своего народа, его традиционных этических ценностях, хотя и облаченных в форму религиозных, что значимо как для верующей (74,3 %), так и неверующей части респондентов (22,6 %). Причем доля воцерковленных среди верующих (соблюдают все религиозные обычаи) невелика – 8,3 %. Хотя каждый пятый участник опроса относит себя к неверующим, не идентифицируют себя с существующими религиями только 1,4 %.

Обращение к проблемам связи этнической и религиозной идентификации и этнической толерантности актуализируется сегодня не только в России, но и во всем мире, поскольку именно ими чаще всего манипулируют политики и этнические группы, для которых этническое и религиозное размежевание народов является одним из самых простых способов решения политических проблем и удовлетворения своих властных и политических амбиций, о чем свидетельствуют, например, Чеченские войны и последние события на Украине.

Несмотря на то, что догматически разбирается в вопросах христианства меньшая часть всех респондентов, в процессе самоидентификации каждый второй участник опроса из межнациональных семей (52,6 %) отнес себя к православным. Помимо православия 1,4 % анкетированных отнесли себя к католикам, а 0,4 % – к протестантам.

Ислам исповедуют 17 % респондентов, но так же как христиане, полностью соблюдает исламские предписания лишь незначительная часть (регулярные молитвы, изучение Корана). Тревогу вызывает факт, что встречаются участники опроса, которые относят себя к представителям радикального исламского фундаментализм (0,6 %), а именно: ваххабизм – 0,2 % и салафизм – 0,4 %. Хотя 0,6 % представляют собой статистически не

значительную долю, но в практике повседневной жизни даже несколько человек, идентифицирующих себя с исламскими фундаменталистами, наносят серьезный идеологический, моральный вред и могут способствовать этнической интолерантности, провокации межнациональных конфликтов в самых крайних и тяжелых формах.

Эти общие цифры следует конкретизировать с учетом того, какими группами населения УрФО те или иные религиозные конфессии поддерживаются (табл. 14).

Таблица 14

Группы респондентов, идентифицирующих себя с одной из мировых религий

Группы опрошенных	Христианство (православие)	Ислам	Иудаизм
Коренные народы УрФО (только русские)	96,0	2,3	0
Коренные народы УрФО (кроме русских)	50,6	48,1	0
Некоренные народы УрФО	33,3	46,1	13,7
Бизтнические группы	66,7	17,4	0

Таким образом, как следует из данных таблицы, преобладающей конфессией для коренных народов УрФО, как русских, так и других этнических групп, является православие. Среди коренных народов округа, кроме русских, а также среди некоренного населения уже почти каждый второй (48,1 % и 46,1 %) исповедует ислам. Иудаизм присущ 13,7 % некоренных народов.

Респонденты, у которых присутствует религиозная самоидентификация, детерминирует свое поведение посредством общей стереотипизации, с учетом ситуаций, в которых индивиды рефлексировать над смыслом жизни и ее правилами, интерпретируют их в ключе конкретных событий, совершают действия и аргументируют их на основе религиозных предпочтений, что делает их выбор рациональным. Поэтому в дальнейшем он находит отражение в их установках и общении, в том числе и в межэтнических коммуникациях.

Религиозные праздники и обряды для значительного числа опрошенных не обязательно связываются с проповедуемой ими религией (так по массиву в

целом к православным себя отнесли 52,0 % от общего числа опрошенных, а православные праздники пасхи и рождества отмечают 77,0 % (*Приложение*, табл. 9). Включенность в такие праздничные мероприятия представителей разных религиозных конфессий и неверующих скорее свидетельствует о том, что они постепенно превращаются в механизмы межкультурной коммуникации и способствуют этим укреплению этнической толерантности среди населения.

Толерантность религиозного поведения как части этнического проявляется и в том, как родители из межнациональных семей относятся к проблеме выбора религии их детьми. Хотя, по данным опроса, респонденты в целом достаточно демократичны в выборе религии для своих детей и считают, что дети должны решить этот вопрос сами (*Приложение*, табл. 10, 11, 12), существуют различия по данному вопросу среди коренных и некоренных жителей УрФО. Так, если среди коренных народов самостоятельный выбор религии готовы предоставить своим детям более 60 %, то среди некоренных этносов только около 40 %. В этой группе респондентов выше также доля тех, кто считает, что вопрос о выборе религии для детей должен решать отец (38,1 % против 13,9 % среди коренных народов).

В межнациональных семьях подход к решению этого вопроса может оказывать влияние на стабильность брака. *«Жена со своей мамой решили покрестить ребенка, пока я уезжал к родителям. Они сходили в церковь и покрестились, и поставили меня перед фактом. Я не настаивал на том, что она будет мусульманка, хотя мои родители, естественно, тоже хотели, чтобы она была мусульманка»* (таджик, 26 лет, находится в ситуации оформления развода).

В условиях города особое значение для этносоциализации детей в межнациональных семьях приобретает общение с родственниками, степень включения их в свое ближайшее окружение, поскольку через такое взаимодействие усиливается взаимопроникновение позитивных этностереотипов, усваиваются разноэтнические традиции и обычаи, и

укрепляется толерантное отношение к разным этническим группам. Дело в том, что в городах в целом наблюдается ослабление межпоколенческих связей из-за стремления, прежде всего, молодых семей к самостоятельности и отдельному проживанию.

Любая молодая семья переживает сложный период адаптации, но в межнациональных семьях противоречия зачастую принимают этническую окраску (крестить или нет ребенка, как назвать ребенка, отношение к родственникам и т. д.). По причине же слабой связи с родственниками экономические проблемы семьи могут становиться более острыми, чем в семьях мононациональных.

Данные нашего исследования также показывают, что 72,2 % опрошенных представляют собой нуклеарную семью, проживают отдельно от родителей и не считают хорошие отношения с окружением партнера (родителями и друзьями) необходимым условием для создания семьи (*Приложение*, табл. 13).

Вместе с тем наши респонденты, как правило, достаточно активно поддерживают связи с родственниками. Очень часто и часто общаются с ними две трети опрошенных (77,6 %). Вместе с тем каждая третья семья не стремится к укреплению родственных связей через регулярное общение.

Общение с родственниками обоих супругов, как правило, способствует взаимопониманию и толерантному отношению к представителям разных национальностей. Но здесь возникают свои проблемы, о чем свидетельствуют материалы интервью. Их участники считают, что толерантные отношения внутри супружеской семьи на основе доверия, супружеской привязанности наладить проще, чем с родительскими семьями и другими родственниками, поскольку большинство браков строится на основе любви (83,1 %); согласованности семейных и личных планов (количество детей, их воспитание, распределение семейных обязанностей – 45,3 %); уровне доходов, позволяющих жить независимо от родителей; близких совместных планов (41,4 %); наличии жилья для отдельного проживания от родителей (31,5 %).

Наша информантка аргументировала это так: «... с супругом, несмотря на то, что национальность у нас разная: я русская, а он татарин, я стараюсь прислушиваться к мужу в вопросах покупки дорогих вещей, воспитания детей, совместного отдыха, идти на компромисс, как и он. С родственниками обстоят дела сложнее, потому что люди старшего возраста не способны к гибкости – как они привыкли, так и должно быть, привыкли, что решает все отец. Но наша семья – это наша семья. Ссоры возникают, конечно, причем не открыто, а просто мать мужа начинает его настраивать определенным образом в решении каких-то вопросов. Я пытаюсь ему сказать, что его родители значимы для нашей семьи, но решения принимают не они. Думаю, что это проблема» (женщина, 26 лет, русская, замужем, муж на национальности татарин).

Подобные проблемы возникают в любой семье, но специфика межнациональных семей с их межкультурным и религиозным взаимодействием, различием традиций и обычаев обостряет отношения с родственниками. Дело еще в том, что за последние десятилетия изменился этнический состав таких семей. Такой статистики по России нет, но отдельные исследования показывают, что, например, по Москве во времена Советского Союза 34 % межнациональных браков представляли русские и украинцы, на долю русско-еврейских семей приходилось 11 %, русско-татарских – 10 %, русских и белорусов – 9 %, русских и армян – около 4 %. Сейчас же число русско-украинских браков сократилось вдвое. Численно с ними сравнялись браки русских и армян. Выросло число браков с грузинами и азербайджанцами (соответственно в 4 и 7 раз), а также с другими народами Кавказа и среднеазиатских государств (рост более чем в 10 раз)¹²¹.

Наш опрос показывает, что чаще возникают проблемы в отношениях с родственниками в браках между представителями коренного и некоренного населения. Например, информант так описывает подобную ситуацию: «Жена у

¹²¹ См.: Меняется картина межэтнического брака в России. URL: <http://www.gumilev-center.ru/> (дата обращения: 12.03.2015).

меня русская, есть у нас дочка, это моя радость. Отношения сразу были сложные. Из-за моих и ее родителей. Мои родители считают, что моя жена должна быть таджичкой тоже, и они мне ее должны найти. А я влюбился и, не спрашивая, женился. Они со мной год не разговаривали. Потом вроде как наладились отношения, особенно после рождения дочки» (мужчина, 26 лет, таджик, жена русская).

И само отношение к таким бракам среди населения достаточно противоречиво. Наши респонденты, уже имеющие опыт жизни в межнациональных семьях, тоже далеко неоднозначно относятся к таким бракам. Так свое полное согласие с суждением «Лучше вступать в брак с представителем другой национальности» поддержали только 40 % опрошенных и примерно столько же не согласились с ним. Остальные (20,9 %) считают, что в этом суждении отчасти есть рациональный смысл. В интервью информанты также выражали различные, зачастую крайние установки на межнациональные браки:

«При выборе брачного партнера я не ориентируюсь на национальность» (русско-украинская семья, считает себя русским, не женат, 19 лет);

«Да. Возможность (выйти замуж за представителя другой национальности. – В. А.) была, но я не стала вступать в отношения с человеком другой национальности (татарин). Нет, точно нет» (русско-еврейская родительская семья, считает себя русской, разведена, 55 лет);

«Я не ориентируюсь на национальность при выборе брачного партнера, в отличие от моего отца. Для него важно, чтоб я вышла замуж только за мусульманина (скорее даже за чеченца!). Это единственный вопрос, в котором я послушалась своих родителей. Знаю, что дальше все будет довольно сложно, но ничего менять не собираюсь. Да, я готова. У меня есть отношения. Он русский. Мама совсем не

против. Все идет со стороны отца» (чечено-татарская семья, считает себя чеченкой, не замужем, 18 лет).

Еще один значимый для расширения масштабов этнической толерантности в обществе механизм – это формирование позитивных этнических стереотипов, которые, как мы отмечали в первой главе, выполняют познавательную, коммуникативную функции и функцию защиты этнической идентичности.

Этностереотипы – это устойчивые типизированные представления о характеристиках и чертах своего и иного этносов, но степень их устойчивости не стоит преувеличивать. При изменении отношений между этническими группами или поступлении новой информации их содержание и даже направленность могут изменяться. И в этом плане именно межнациональные семьи могут оказывать влияние на благоприятные изменения в этностереотипах, транслируя во внешнюю среду через совместную деятельность, межличностные коммуникации, образцы поведения позитивную информацию, способствующую их толерантной направленности.

Сложность решения данной проблемы связана с тем, что, как отмечают большинство исследователей этнических стереотипов, позитивная их направленность в большей степени присуща автостереотипам, как представлениям о себе и своей этнической группе, тогда как гетеростереотипы чаще содержат негативные представления об этнодругих¹²².

Данные нашего исследования подтверждают это мнение только отчасти (табл. 15). В межнациональных семьях мы наблюдаем лишь незначительное в пределах 5 % преобладание как позитивных, так и негативных автостереотипов над гетеростереотипами. Кроме того, гетеростереотипы в своем преимуществе имеют позитивную направленность (77,5 против 22,5 %).

¹²² См.: Хотинец В. Ю. Этнические стереотипы: гендерный аспект (на примере доминантных народов Удмуртской Республики) // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия 3 «Философия. Психология. Педагогика». 2008. № 3–2. С. 3–16 ; Шестопал Е. Б., Брицкий Г. О., Денисенко М. В. Этнические стереотипы русских // Соц. исследования. 1999. № 4. С. 62–70.

Виды этнических стереотипов в зависимости от их направленности
на этнодругих или этносвоих (процент к числу ответов)

Направленность этнического стереотипа	Гетеростереотипы	Автостереотипы
Позитивный	77,5	82,6
Негативный	22,5	17,4
Всего	100	100,0

В результате контент-анализа на основе генерализации, схематизации и эмоциональной окрашенности ответов на открытый вопрос о качествах характера или поведения, присущих разным этносам, мы обобщили оценочные суждения, используемые с целью конструирования образа «своего» народа и «другого», выделив наиболее значимые группы стереотипов и обозначив их полярность (табл. 16).

Направленность гетеро - и автостереотипов респондентов с учетом видов
ориентаций (процент к числу ответов)

Направленность Этностереотипов	Виды ориентаций	Гетеростереотипы	Автостереотипы
Индивидуальная	Личностно ориентированная	55,1	60,1
	Визуальная	1,0	1,1
	Рефлексивная	1,2	1,1
Групповая	Общественно ориентированная	34,3	30,1
	Национально ориентированная	3,4	3,0
	Религиозно ориентированная	0,2	0,5
	Образная или метафорическая ориентация	4,9	4,1
	Итого	100	100

Примечание: Методология, методика анализа и расшифровка показателей представлены в *Приложении*, табл. 14.

Из данных табл. 16 следует, что как гетеро-, так и автостереотипы респондентов имеют преимущественно индивидуальную направленность (55,1 % и 60,1 %), ориентированную прежде всего на эмоциональные оценки личностных особенностей. Групповые стереотипы ориентированы главным образом на характеристику нормативного поведения людей как

представителей этнических групп в межличностном взаимодействии (34,3 % и 30,1 %). Это также выступает свидетельством того, что этнические стереотипы распространяются чаще в результате межличностных взаимодействий, а не через идеологические и политические сферы отношений между государствами и нациями.

Вместе с тем следует учитывать специфику нашего исследования, которая состоит в том, что его респонденты – это люди, либо родившиеся в межнациональной семье, либо создавшие ее сами, и образ этнодругого у них трансформирован прежде всего во внешнюю среду и на взаимодействия с этнодругими в ней.

Например, довольно распространенный гетеростереотип о русских, связан с их ленью, отсутствием трудолюбия. Он проявляется в таком высказывании нашего информанта, который еще подтверждает его своими личными наблюдениями и сравнением с этносвоими: *«Русские ленивые. Я домой заезжаю и часто наблюдаю, что после работы сосед идет и пиво пьет, вместо того чтобы пойти где-то еще подзаработать. Я не такой: работаю сколько есть сил. Меня так отец учил, что мужчина должен работать»* (татарин, 32 года, жена русская).

Значение этнических стереотипов состоит в том, что они не непосредственно влияют на характер и направленность межэтнических взаимодействий, а определяют фоновые ожидания людей при выборе стратегий.

Влияние межнациональных семей на этническую толерантность их готовность и возможность трансляции позитивного опыта, норм и стандартов этнической толерантности в обществе зависит от выбора семьей той или иной стратегии межэтнического взаимодействия. Содержание таких стратегий, как показало исследование, зависит от этнической самоидентификации респондентов, принадлежности к определенной этнической группе, и сформированы под влияние фигуры «другого». Мы понимаем их как ориентации и установки на те или иные формы этнической толерантности,

выявленные нами ранее с учетом этнической дистанции как степени близости или отчуждения по отношению к этнодругим (консервация, ассимиляция, аккультурация, интеграция и парадокс). (Вывод об особенностях этнической дистанции был сделан согласно полученным данным по сопряженным вопросам: «Другие национальности для меня»; «Вы предпочли бы, чтобы только люди вашей национальности жили в Вашем городе/в Вашем доме/работали в Вами/общались с Вами»; «Согласились, с тем, чтобы Ваш близкий родственник вступил в брак с представителем другой национальности», «Испытываете ли Вы неприязнь к представителям какой-либо национальности в целом». Для выявления установок и ориентаций на межэтническое взаимодействие использовалась методика незаконченных предложений, с помощью чего респонденты могли сконструировать отношение к другим национальностям. В результате своими словами закончили предложение «Другие национальности для меня ...» 83,7 % опрошенных.)

Наиболее распространенной стратегией межэтнического взаимодействия для членов межнациональных семей УрФО является стратегия *ассимиляции*. На нее ориентированы 36,1 % опрошенных. Такая стратегия проявляется в полном принятии этнодругого, ориентации на признание ценности прав человека, что выражается в абсолютном этническом равноправии (наиболее распространенные варианты ответов: все равноправны; все равны; все равны – все хороши; имеют такие же права и. т. п.). Принятие этнодругого связано с готовностью к долгосрочному взаимодействию и даже к тождественности с ним. На уровне семьи выбор такой стратегии есть результат собственного выбора актора, но под воздействием «авторитетной» личности (*Приложение*, табл. 15). Чаше такие стратегии присущи семьям с демократическим типом воспитания. Но следует учитывать и роль факторов макроуровня на такой выбор (исторические традиции, государственная национальная политика).

Следующий вид стратегии, которой придерживаются 18,7 % респондентов, – *консервация*. С учетом этнической дистанции консервация проявляется как непринятие этнического разнообразия, поскольку актер видит в этнодругом угрозу для своей стабильности. Однако сила, на которую способен этнодругой, оценивается по-разному, как и степень ответной реакции. Подобная вариативность выражается в значимости проявления своей этничности (враги, есть и враги, иногда раздражают; недостойные, не приемлемы, неприятны, низкие, никакие; никто; пустое место; пустое место – я верна своей национальности и т. п.). Консервация может быть связана и с номинальным принятием этнодругого при готовности к кратковременному взаимодействию, когда актер оценивает угрозу как не столь важную, поэтому демонстрируется ориентация на одну этническую группу. Значимость этнодругих не существенная (другие нации; другие национальности; другой менталитет; иной образ; мало важны; мало интересны; мало что значат и т. д.). В большей степени она присуща респондентам с устойчивой этнической идентичностью.

Установку на *аккультурацию* выражают 16,0 % опрошенных. Аккультурация заключается в частичной передаче этнического кода одной этнической группой другой. Она проявляется в принятии этнодругого с готовностью к долгосрочному взаимодействию. Связана с выбором этническую принадлежности более сильной этнической группы при ориентации на значимость традиций, культуры различных этнических групп. Этническая идентичность имеет неустойчивый или маргинальный характер и формируется не при ведущем влиянии не только членов семьи, но и других акторов (друзья, школа, СМИ).

Интеграция относится к стратегиям рационального вида, когда выбор этнической идентичности человек делает с учетом личных интересов и целей при взаимодействии с этнодругими (сохранение стабильности брака, должностная карьера и т. п.). Ее скорее можно назвать стратегией безразличия. На такую стратегию ориентированы 4,8 % участников опроса

(без разницы, безразличны, в большей степени безразличны, есть, имеют место быть, имеют право на существование и. т. п.). В основе ее лежит либо космополитический, либо колеблющийся тип этнической идентичности.

Парадокс – наименее выраженная среди респондентов стратегия межэтнического взаимодействия. Главное ее отличие – она этническая дистанция имеет здесь ситуативный характер. Ее придерживаются 4,6 % опрошенных (*братья и сестры при условии чистосердечной доброжелательности с их стороны; братья, но в каждой национальности; если они мирные и добрые, то я за любую национальность; на равных за исключением некоторых и. т. п.*). Она вырабатывается, если человек сталкивается с постоянным влиянием разных «других». Образ «свой» не складывается, либо применяется стратегически наиболее выгодный для дальнейшей жизни. При этом он отождествляет себя с двумя и более этническими группами, которые не соответствуют национальностям обоих родителей или супруга. Отсюда формируется двойственная стратегия, основанная на этнической идентичности «для себя» и этнической идентичности «для других». Толерантность, как и этническая идентичность, может иметь декларативный и манипулятивный характер.

Содержание выбора стратегия этнической толерантности в значительной степени определяется типом межнациональной семьи с позиций авторитарности или эгалитарности семейных отношений. В эгалитарных или демократических семьях семейный уклад строится на основе выборочного усвоения традиций, норм, обычаев этносов обоих супругов и высокой степень самостоятельности в выборе ребенком своей этнической идентичности. Это в дальнейшем способствует и самостоятельному выбору стратегии межэтнической толерантности.

Этническая толерантность выступает необходимым условием межкультурного взаимодействия наций и народностей в современном мире, само мирное и бесконфликтное существование которого в условиях активной миграции этносов зависит от степени межэтнической интеграции.

Межэтническая интеграция процесс неоднозначный и противоречивый, поскольку в своих крайних формах она может привести, с одной стороны, к полной ассимиляции и потере этнической идентичности, особенно малых народов, а с другой – способствовать расцвету национальной культуры этноса за счет освоения и принятия культурных образцов жизни этнодругих и укреплению межэтнической толерантности.

Межнациональная семья с ее опытом межэтнического общения внутри семьи и с родственным межэтническим окружением, практикой семейной этнической социализации больше других ориентирована на интеграцию и консолидацию с социальной средой окружения и общества в целом. Наши респонденты при этом считают, что для укрепления этнической толерантности необходима работа с населением, прежде всего на местах, на уровне реального межэтнического общения людей, что требует принятия мер, связанных с повышением культуры межнационального общения (52,5 % участников опроса), формированием более терпимого и толерантного отношения к другим людям (26,3 %), усилением работы по воспитанию межнациональной терпимости в школах, СМИ (19,2 %), воспитанию межнациональной терпимости в семье (16,8 %) (*Приложение*, табл. 16).

Такое ранжирование направлений работы совсем не означает преуменьшения роли семьи в области этносоциализации детей и ее членов. Для межнациональных семей межэтническая толерантность – это естественный и необходимый процесс постоянного взаимодействия представителей разных этносов, который подкрепляется чувствами любви, родственной близости и потребности в ее сохранении. А вот для общества необходима трансляция их опыта, что, с одной стороны, должно способствовать повышению общего уровня этнической толерантности, а с другой – росту стабильности межэтнических браков, усилению безопасности самой межнациональной семьи.

В этом плане, возможно, выделить следующие направления работы с межнациональными семьями и пропаганды их позитивного опыта в сфере

сохранения культурных традиций и образцов разных этносов, этносоциализации детей в разноэтнической среде, форм и методов толерантного межэтнического взаимодействия.

В настоящее время на территории только Свердловской области зарегистрировано 67 этнических общественных объединений, деятельность которых направлена на сохранение и пропаганду культуры как коренных, так и некоренных народов Урала (Екатеринбургское общество русской культуры «Отечество», Региональное общественное объединение «Свердловский областной башкирский центр», общество по выживанию и социально-экономическому развитию манси, Общественное объединение «Центр марийской культуры „Памаш“», Региональная общественная организация «Армянская община „Ани-Армения“», Свердловская областная общественная организация «Общественно-культурный центр „Дагестан“», общественное объединение казахской молодежи и др.). Вместе с тем деятельность данных общественных организаций и центров мало координируется между собой. Отсюда представляется необходимым налаживание контактов между этими организациями, проведение ими совместных мероприятий, способствующих формированию этнической толерантности, чему могут оказать активное содействие межнациональные семьи.

Со стороны территориальных органов УрФО и правительства Свердловской области целесообразно оказывать содействие уже существующим неправительственным организациям и объединениям, которые занимаются межнациональным и межкультурным диалогом, реализуют проекты, в которые вовлечены представители различных этнических групп, и создавать новые.

В области территориального расселения необходимо пресекать действия, направленные на искусственное разделение представителей разных этнических групп, в частности создания этнически однородных городских районов, замкнутых этнокультурных анклавов мигрантов, что препятствует как принятию этнодругих местным населением на уровне повседневного

общения, так и освоению культурных традиций коренного населения этномигрантами, и формированию позитивных норм межэтнического взаимодействия между ними.

Социальным службам и органам соцзащиты в рамках программ в области семьи особое внимание нужно обратить на межнациональные семьи и разработку мероприятий, способствующих их укреплению.

Поскольку верующие вне зависимости от вероисповедания в среднем бывают столь же этнически нетерпимыми как и неверующие, то необходимо активнее задействовать потенциал основных религиозных организаций для развития этнической терпимости с привлечением к этой работе верующих членов межнациональных семей для пропаганды их опыта межэтнической веротерпимости.

Организациям и учреждениям сферы образования необходимо создавать условия для формирования личности, способной к активной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, акцентируя внимание на те личностные качества, которые способствуют развитию этнической толерантности при сохранении своей этнической идентичности (доброжелательность и уважение к разным этносам, интерес к культуре разных народов, терпимость и принятие разнообразия этнических традиций). В рамках образовательных программ воспитания интернационализма, этнической толерантности и культуры межнационального общения и их реализации обращать внимание на опыт этносоциализации в межнациональных семьях и его пропаганду.

Таким образом, анализ состояния этнической толерантности в межнациональных семьях и механизмов их влияния на этническую толерантность в обществе позволяет сделать следующие выводы.

Основными направлениями влияния межнациональной семьи на этническую толерантность в обществе является формирование толерантной личности в процессе ее социализации в семье (дети, супруги) и передача опыта толерантного межэтнического взаимодействия во внешнюю среду.

Критериями этнической социализированности личности выступают этническая идентичность личности, содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей и нормотипическое поведение как показатель ее адаптированности к среде.

Потребность в этносоциализации, возможности и ограниченность воздействия межнациональной семьи на межнациональные отношения в обществе определяется той средой, в которой она формируется и существует, состоянием межнациональных отношений в обществе, регионе, городе проживания.

В целом по массиву каждый второй опрошенный считает межнациональные отношения в целом стабильными и спокойными, но почти столько же (41,8 %) оценивают их как напряженные, а 6,9 % – как критические. Вместе с тем большую тревогу у участников опроса вызывают межнациональные отношения в целом по РФ (только каждый второй считает их стабильными), чем на Урале и в городах постоянного проживания, где две трети респондентов считают их спокойными, что определяется как исторической спецификой формирования полиэтнического состава населения Урала, так и реальным личным опытом межнационального взаимодействия. Менее оптимистичны в оценках межнациональных отношений на Урале представители биэтнических групп с нестабильной этнической идентичностью.

Хотя в межнациональных семьях, проживающих на Урале, с русскими себя самоидентифицировали около половины опрошенных, в них существенно меньше, чем по России в целом распространены идеи исключительности и особой роли русского народа, в силу чего государство должно в большей степени выражать интересы русских. Среди респондентов интолерантное отношение чаще проявляется к некоренным народам Урала и трудовым мигрантам из государств Кавказа и Средней Азии. Именно неконтролируемый рост иностранных мигрантов они называют основной причиной ухудшения межнациональных отношений.

Взаимодействие разных видов социальной идентичности (национально-гражданской, территориальной, религиозной и этнической) имеет противоречивый характер в разных конкретных ситуациях превалирование одной из них может привести не только к позитивным (интеграция социальных или этнических групп на основе одной из идентичностей), но и к негативным (этноцентризм, национализм, религиозная нетерпимость и. т. п.) социальным последствиям.

Межнациональные семьи выступают фактором укрепления этнической толерантности в силу того, что находятся на пересечении культур, приводящему внутри семьи к их тесному взаимодействию и даже изменению; им присуща менее сложная, чем для гомогенных семей поколенческая структура, при которой возрастает роль родителей в этносоциализации детей, в том числе и в формировании их этнической толерантности как внутри семьи, так и за ее пределами; совместное проживание представителей разных этносов в одной семье и на одной территории влияет на изменения этнического самосознания, что отражается, прежде всего, на молодом поколении, которое ориентируется и усваивает как культурные ценности этнического большинства, так и этносов своих родителей, становясь посредниками в передаче этих ценностей будущим поколениям и внешнему социальному окружению.

Механизмами воздействия межнациональных семей на этническую толерантность в обществе выступают этносоциализация и формирование этнической толерантности по отношению к этнодругим, трансляция культурных и этических ценностей разных народов через их языковые особенности, обычаи, традиции и праздники, символы этнической культуры, позитивные гетеростереотипы.

Исследование показало, что в результате этнической социализации для большинства респондентов (72,2 %), нормой является устойчивость этнической идентичности, но каждый четвертый готов ее сменить в конкретной ситуации, что порождает противоречие между этнической

идентичностью «для себя» и «для других», проявляющихся в виде демонстрационной идентичности или поведенческой мимикрии. Это приводит к появлению и распространению феномена декларируемой идентичности у части населения (до 20 % среди коренных народов УрФО, не являющихся русскими, и 33 % в биэтнической группе) и нестабильности установок на этническую толерантность.

Противоречия этнической толерантности, формируемой в межнациональных семьях и транслируемые ею во внешнюю, проявляются в маргинализации и демонстрационной этнической идентичности; восприятии как этночужих представителей некоренного населения и трудовых мигрантов из других стран; противоречивом воздействии этнической солидарности на межнациональные отношения в обществе.

Влияние межнациональных семей на этническую толерантность в обществе, их готовность и возможность трансляции позитивного опыта, норм и стандартов этнической толерантности зависит от выбора семьей той или иной стратегии межэтнического взаимодействия, содержание которой зависит от этнической самоидентификации респондентов, принадлежности к определенной этнической группе, и сформированы под влияние фигуры «другого».

Среди пяти форм выявленных стратегий межэтнического взаимодействия (консервация, ассимиляция, интеграция, аккультурация и парадокс) для межнациональных семей УрФО преобладающей стратегией является стратегия ассимиляции, когда принятие этнодругого связано с готовностью к долгосрочному взаимодействию и даже к тождественности с ним.

Заключение

В XXI в. при росте миграционных процессов естественно наблюдается увеличение доли межнациональных семей среди населения, что, с одной стороны, способствует процессам взаимодействия этносов и даже их изменению, поскольку они находятся на пересечении культур, а с другой – особенно в условиях давления со стороны титульных наций, роста этноцентризма и национализма повышению напряженности в сфере межнациональных отношений.

Межнациональные семьи, образованные, как правило, на пересечении культур, в современном полинациональном и противоречивом мире становятся своеобразными посредниками, создающими условия и обеспечивающими их взаимодействие на уровне повседневности и межличностного общения.

Вместе с тем проведенное в диссертационной работе теоретико-методологическое и эмпирическое исследование показало, что в современной отечественной практике межнациональным семьям и их роли в формировании этнической толерантности в обществе уделяется явно недостаточное внимание, и позволило сделать следующие выводы.

Можно выделить несколько типов межнациональной напряженности, которые возникают в обществе и находят отражение в практиках межэтнического взаимодействия.

Первый тип связан с провоцирующими действиями и политическими амбициями властных элит и групп, стремящихся к власти, которые пропагандируют идеи национальной исключительности, способствующие росту этнической интолерантности в различных формах (сепаратизм, этноцентризм, ксенофобия, национализм).

Второй тип связан с тем, что различные этнические культуры имеют разный потенциал адаптации к взаимодействию и изменениям, что также порождает межнациональную напряженность и конфликты.

Третий тип в большей степени проявляется на уровне межличностного общения определяется этническими предрассудками и стереотипами, которые влияют на характер повседневного взаимопонимания, а также неправильным пониманием знаковых систем и их смыслов представителями разных этнических групп и находит отражение в принятии/непринятии традиций и правил, сформированных у разных этносов.

Все это приводит к противоречивому отношению к этнодругим и требует целенаправленного изучения и практических действий по формированию этнически толерантного взаимодействия между представителями различных этносов. Под этнически толерантным взаимодействием мы понимаем специфический вид социальной толерантности, основанный на позитивном отношении индивидов и групп к межэтническому взаимодействию, базирующемуся на принятии положительного образа этнодругого, его социокультурных отличий, вероисповедания, образа жизни, поведения, ценностей, обычаев и традиций, при сохранении собственной этнической идентичности.

Социологическое исследование проблемы толерантности следует проводить с учетом трех взаимосвязанных аспектов, характеризующих данный феномен: социальных взаимодействий, системы личности и конкретной ситуации.

Этническая толерантность как феномен присутствует на разных уровнях жизнедеятельности общества: общества в целом (макроуровень), территориальных и административных образований (мезоуровень) и уровне отдельных организаций, социальных групп и семей (микроуровень). Именно на последнем межнациональная семья в силу особенностей ее состава, тесноты межэтнических и межкультурных связей между членами семьи и специфических функций (этносоциализация и формирование и трансляция норм межэтнического взаимодействия во внешнюю среду) выступает фактором этнической толерантности в обществе. Это делает ее значимым фактором формирования этнической толерантности среди населения.

Межнациональная семья рассматривается в работе как тип семейной организации, состоящей из супругов и/или родителей-детей и образованной на основе союза представителей разных этносов, народов или наций, к специфическим функциям которой относятся этносоциализация, а также воспроизводство и трансляции норм и образцов этнической толерантности в отношениях с этнодругими, формирующихся под влиянием превалирования либо относительного равного проявления культуры тех этносов, к каким принадлежат члены семьи.

Такие семьи способствуют укреплению этнической толерантности в обществе уже в силу того, что находятся в условиях естественного взаимодействия разных культур; им присуща менее сложная, чем для гомогенных семей поколенческая структура, при которой возрастает роль родителей в этносоциализации детей, в том числе и в формировании их этнической толерантности как внутри семьи, так и за ее пределами; совместное проживание представителей разных этносов в одной семье и на одной территории влияет на изменения этнического самосознания, что отражается прежде всего на молодом поколении, которое ориентируется и усваивает как культурные ценности этнического большинства, так и этносов своих родителей, становясь посредниками в передаче этих ценностей будущим поколениям и внешнему социальному окружению.

Выявленные в результате проведенного исследования механизмы влияния межнациональных семей на этническую толерантность в обществе представляют собой этносоциализацию как в семье, так и за ее пределами; знание и использование языка межнационального общения при сохранении значимости языка этнического происхождения; обращение к этническим корням, символическим смыслам этничности, отраженным в традициях и обычаях, национальных и религиозных праздниках, религиозных конфессиях; позитивную этностереотипизация.

Ядром этнической толерантности выступает этническая идентичность, под которой следует понимать процесс осознания личностью своей принадлежности к конкретной этнической общности и самоотнесения себя к ней посредством усвоения этностереотипов; характеристик, приписываемых

своему народу; языка «своего» этноса»; представлений о культуре и вероисповедании своей этнической группы и степени их освоения.

Исследования этнической идентичности следует вести на базе ее основных элементов, в число которых входят способ этнической идентификации и ее формы, этностереотипы, представления о культуре своего этноса, язык своего народа и отношение к нему, представления о вероисповедании своего народа.

Актуализация этнической идентичности и потребности в этнической толерантности, возможности и ограниченность воздействия на них межнациональных семей в значительной степени определяются состоянием напряженности в области межнациональных отношений.

Исследование показало, что участники опроса – члены межнациональных семей – оценивают их неоднозначно: около половины опрошенных считают их стабильными и спокойными, но примерно столько же – напряженными и даже критическими. Менее оптимистичны в оценках межнациональных отношений на Урале представители биэтнических групп с нестабильной этнической идентичностью.

Такая ситуация свидетельствует, что в условиях полиэтничного состава населения УрФО проблема этнической толерантности актуализируется. Среди респондентов интолерантное отношение чаще проявляется к некоренным народам Урала и трудовым мигрантам из государств Кавказа и Средней Азии. Именно неконтролируемый рост иностранных мигрантов они называют основной причиной ухудшения межнациональных отношений.

Обострение межнациональных отношений или латентное состояние межэтнической напряженности, как правило, выступают факторами, провоцирующими этноцентристские настроения особенно среди титульных народов. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что, хотя в межнациональных семьях, проживающих на Урале, с русскими себя самоидентифицировали около половины опрошенных, в них существенно

меньше, чем по России в целом, распространены идеи исключительности и особой роли русского народа, в силу чего государство должно в большей степени выражать интересы русских.

Взаимодействие разных видов социальной идентичности (национально-гражданской, территориальной, религиозной и этнической) имеет противоречивый характер в разных конкретных ситуациях превалирование одной из них может привести не только к позитивным (интеграция социальных или этнических групп на основе одной из идентичностей), но и к негативным социальным последствиям.

Исследование показало, что в результате этнической социализации для большинства респондентов (72,2 %) нормой является устойчивость этнической идентичности, но каждый четвертый готов ее сменить в конкретной ситуации, что порождает противоречие между этнической идентичностью «для себя» и «для других», проявляющихся в виде демонстрационной идентичности или поведенческой мимикрии. Это приводит к появлению и распространению феномена декларируемой идентичности у части населения (до 20 % среди коренных народов УрФО, не являющихся русскими и 33 % в биэтнической группе) и нестабильности установок на этническую толерантность.

Противоречия этнической толерантности, формируемой в межнациональных семьях и транслируемые ею во внешнюю, проявляются в маргинализации и демонстрационной этнической идентичности; восприятии как этночужих представителей некоренного населения и трудовых мигрантов из других стран; противоречивом воздействии этнической солидарности на межнациональные отношения в обществе.

Стратегии межэтнического взаимодействия, которые выбираются межнациональной семьей (консервация, ассимиляция, интеграция, аккультурация и парадокс) определяют их готовность и возможность трансляции позитивного опыта, норм и стандартов этнической толерантности.

Среди пяти форм выявленных стратегий межэтнического взаимодействия (консервация, ассимиляция, интеграция, аккультурация и парадокс) для межнациональных семей УрФО преобладающей стратегией является стратегия ассимиляции, когда принятие этнодругого связано с готовностью к долгосрочному взаимодействию и даже к тождественности с ним.

Таким образом, результаты диссертационного исследования ориентируют на необходимость целенаправленной работы с населением в области формирования этнической толерантности. Основные направления деятельности в этой области, по нашему мнению, связаны с использованием возможностей этнических общественных объединений через организацию совместных мероприятий, способствующих формированию этнической толерантности, с привлечением межнациональных семей; привлечением потенциала основных религиозных организаций для развития этнической терпимости; формированием условий для эффективного взаимодействия коренного населения и этнических мигрантов для распространения норм позитивного межэтнического взаимодействия; активизацией деятельности образовательных учреждений и организаций по формированию интернационализма и этнической толерантности.

Вместе с тем значительная часть методологии и практики изучения межнациональных семей и практики формирования этнической толерантности в них остались за пределами нашей диссертационной работы и требуют дополнительного исследования. К ним следует отнести методологию анализа механизмов формирования и методов воспитания этнической толерантности в межнациональных семьях; сравнительный анализ состояния этнической толерантности в межнациональных и мононациональных семьях и факторов, влияющих на него; теорию и практику развития культуры межнационального взаимодействия в условиях возрастания трудовой миграции из стран ближнего зарубежья; поиск путей и моделей межнациональной интеграции с учетом особенностей России и др.

Библиографический список

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация / Х. Абельс // Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: «Алетейя», 2000. – URL: <http://bib.convdocs.org/v8402/?download=1>.
2. *Абдулкаримов Г. Г.* Толерантность в межнациональных отношениях в Уральском регионе: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. соц. Наук / Г. Г. Абдулкаримов. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
3. *Александров А. А., Карымова Л. С.* Национальная политика субъекта Российской Федерации как условие стабильного развития региона (на примере Свердловской области) / А. А. Александров, Л. С. Карымова // Социум и власть. – 2008. – № 4. – С. 38-39.
4. *Алиев А. К.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе / А. К. Алиев // Рос. академия наук, Дагестан. науч. центр, Регион. центр этнополит. исследований. – М.: Наука, 2007. – 583 с.
5. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
6. *Андерсон Б.* Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
7. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи / А. И. Антонов. – М.: Инфра-М, 2005. – 368 с.
8. *Антонов А. И.* Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. – 304 с.
9. *Антонов А. И.* Судьба семьи в России XXI века / А. И. Антонов, С. А. Сорокин. – М.: Грааль, 2000. – 416 с.
10. *Арутюнов С. А.* Этнические процессы и язык / С. А. Арутюнов // Расы и народы : ежегодник. – М.: Наука, 1985. – С. 40–48.

11. *Арутюнян Ю. В.* Об этнических компонентах российской идентичности / Ю. В. Арутюнян // Соц. исследования. – 2009. – № 6. – С. 38–44.
12. *Асмолов А. Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл. – 2001. – 416 с.
13. *Асмолов А. Г.* О смыслах понятия «толерантность» / А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Век толерантности. – 2000. – № 1–2. URL: <http://www.tolerance.ru/>.
14. *Бакулина С. Д.* Толерантность: от истории понятия к современным социокультурным смыслам : учеб. пособие / С. Д. Бакулина. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 112 с.
15. *Балибар Э.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003. – 272 с.
16. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
17. *Бауман З.* Текущая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 239 с.
18. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
19. *Блинова М. С.* Современные социологические теории миграции населения / М. С. Блинова ; под ред. В. И. Добренькова. – М.: КДУ, 2009. – 160 с.
20. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : тексты / Г. Блумер ; под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 168–215.
21. *Богучарский Е. М.* Мусульманский этикет / Е. М. Богучарский. – М.: Рипол Классик, 2010. – 272 с. – URL: <http://www.mgimo.ru/files/145511/145511.pdf>.
22. *Бокова Т. Л.* Основные тенденции развития межнациональной семьи в современном российском обществе / Т. Л. Бокова // Изв. Томск. политех. ун-та. – 2007. – Т. 311. № 7. – С. 103–106.

23. *Болтански Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с франц. О. В. Ковеневой. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 576 с.
24. *Бондырева С. К.* Толерантность (введение в проблему) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Изд-во МПСИ ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 240 с.
25. *Бродский Д.* Некоторые психологические основы конструктивной социальной толерантности / Д. Бродский. – URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=envelope&url=http%3A%2F%2Fnagval.kz%2Fdocs%2Febook01_17.doc&lr=54&tld=ru&lang=ru&text=Д.%20Бродский%20о%20факторах%20толерантности&l10n=ru&mime=doc&sign=342e90a94ebf939fc72241dcfaa2bea2&keyno=0.
26. *Брубейкер Р.* Этничность без группы / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2012. – 408 с.
27. *Будич Н. Ю.* Взаимосвязь самосознания и самоопределения личности / Н. Ю. Будич, Т. В. Канаева // Сибир. псих. журнал. – 2007. – № 25. – С. 14–19.
28. *Бурдые П.* Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / П. Бурдые, Л. Болтански, Р. Кастель, Ж. Шамбордон ; пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2014. – 456 с.
29. *Бурова С. Н.* Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С. Н. Бурова. – Минск: Право и экономика, 2010. – 444 с.
30. *Бурханова Ф. Б.* Современный брак в Башкортостане / Ф. Б. Бурханова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 325 с.
31. *Бурханова Ф. Б.* Создание семьи: современные тенденции в Башкортостане / Ф. Б. Бурханова // Вестн. Ин-та социологии. – 2014. – № 1 (18). С. 91–107.
32. *Бурханова Ф. Б.* Факторы нестабильности современного брака в Башкортостане / Ф. Б. Бурханова // Вестн. Башкир. гос. ун-та. – Уфа, 2004. – №3. – С. 150–154.

33. *Быкова М. В.* О характере влияния различных социальных факторов на степень этнической толерантности в России / М. В. Быкова. – URL: http://pravmisl.ru/index.php?id=1529&option=com_content&task=view.
34. *Ваганова Н. М.* Этническая толерантность в поликультурном обществе / Н. М. Ваганова. URL: <http://bib.convdocs.org/v36283>.
35. *Вебер М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
36. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 809 с.
37. *Вендина О. И.* Московская идентичность и идентичность москвичей / О. И. Вендина // Изв. РАН. Серия географическая. – 2012. – № 5. – С. 27–36.
38. *Винникотт Д. В.* Семья и развитие личности / Д. В. Винникотт. – Екатеринбург: Литур, 2004. – 400 с.
39. *Волков А. Г.* Этнически смешанные семьи и межнациональные браки / А. Г. Волков // Семья и семейная политика. – М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения, 1991. – С. 71–90.
40. *Гаврилов Ю. А.* Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях. Сфера политики и межнациональные отношения в восприятии религиозных общностей / Ю. А. Гаврилов, Е. Н. Кофанова, М. П. Мчедлов, А. Г. Шевченко // Соц. исследования. – 2005. – № 6. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/gavrilov.pdf>.
41. *Галактионова Н. А.* К вопросу о самоидентификации тюменской молодежи / Н. А. Галактионова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 4 (23) Ч. 2. – С. 41–48.
42. *Галкина Е. М.* Проблемы этнической идентификации выходцев из национально-смешанных семей / Е. М. Галкина // Актуальные проблемы социального развития и задачи социологии. – Рига. 1989. – С. 71–75.
43. *Галкина Е. М.* Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей: По материалам этносоциол. исслед. в г. Москве : автореф.

- дис. ... канд. ист. наук / Е. М. Галкина. – М., 1993. – URL: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskaya-identichnost-podrostkov-iz-natsionalno-smeshannykh-semei-po-materialam-etnosots>.
44. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
45. *Гарфинкель Г.* Что такое этнометодология? / Г. Гарфинкель. – URL: http://sociologica.hse.ru/data/2013/01/17/1302903565/11_3_13.pdf.
46. *Гидденс Э.* Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Изд. и консалтинг. группа «Пракси», 2011. – 352 с.
47. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс.; пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
48. *Гобозов И. А.* Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? / И. А. Гобозов. – М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 200 с.
49. *Горбунов В. В.* Идея соборности в русской религиозной философии / В. В. Горбунов. – М.: Феникс, 1994. – 179 с.
50. *Гордеева М. А.* Прикладные механизмы социальной толерантности в динамике развития / М. А. Гордеева // Классические и инновационные практики социальной толерантности : кол. монография ; под науч. ред. А. П. Логунова. – М.: Ленанд, 2013. – С. 112–135.
51. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2013. – 485 с.
52. *Гречко П. К.* Различия: от терпимости к культуре толерантности : учеб. пособие / П. К. Гречко. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 415 с.
53. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 318с.
54. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2004.– 560 с.

55. Гусейнов А. А. Этика ненасилия / А. А. Гусейнов // Вопр. философии. – 2002. – № 3. – С. 15–16.
56. Дахин А. Об онтологии «насилия» / А. Дахин. – URL: <http://www.politstudies.ru/forum/viewtopic.php?t=16>.
57. Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном). М., 2012. – URL: http://www.youngscience.ru/files/doklad_ran-310512.pdf.
58. Деловая Л. А. Межэтническая семья в поликультурном социуме / Л. А. Деловая. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 144 с.
59. Декларация принципов терпимости. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.
60. Демидова И. И. Методологические основы изучения этнической толерантности психосемантическими методами : автореф. дис. ... канд. соц. наук / И. И. Демидова. – М., 2009. – 24 с.
61. Демократия: конфликтность и толерантность / под. ред. В. С. Рахманина. – Воронеж: Воронеж. госуниверситет, 2002. – 402 с.
62. Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р. А. Додонов. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. – 191 с.
63. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf>.
64. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность – / Л. М. Дробижева. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/128/686/1219/Chast_1_teoreticheskie_problemy.pdf.
65. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде / Л. М. Дробижева. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/11/1214896881/Drobizheva_5.pdf.
66. Дробижева Л. М. Российская идентичность и межэтническая толерантность / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf (дата обращения 12.03.2015).

67. *Дробижева Л. М.* Социальные аспекты этнокультурной толерантности / Л. М. Дробижева // От декларации равных прав – к реализации равных возможностей. – М.: Женщина плюс... 2002. № 1. С. 12–14. – URL: <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/tolerance.htm>
68. *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы национальных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
69. *Дугин А. Г.* Этносоциология / А. Г. Дугин. – М.: Академический проспект, 2011. – 639 с.
70. *Дюльдина Ж. Н.* Проблема воспитания в национально-смешанных семьях / Ж. Н. Дюльдина // Семья в России. – 2006. № 1. – С. 77–87.
71. *Дюльдина Ж. Н.* Динамика межнациональных браков в Ульяновской области на рубеже XX–XXI вв. / Ж. Н. Дюльдина, А. В. Кобзев // Власть. – 2012. – № 12. – С. 58–61.
72. *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи / Т. Журженко. – URL: http://library.gender-ehu.org/hms/attach.php/t__articles.files/id__506/31.zurzhenko.pdf.
73. *Зборовский Г. Е.* Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Соц. исследования. – 2013. – № 2. – С. 80–91.
74. *Зборовский Г. Е.* Взаимодействие учителей и детей мигрантов (на материалах конкретносоциологического исследования в ХМАО-Югре) / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Соц. образования. – 2012. – № 2. – С. 42–59.
75. *Зорин В.* Экономические факторы гармонизации национальных и межэтнических отношений в современной России / В. Зорин // Россия в XXI: глобальные вызовы и перспективы развития : пленар. доклады Третьего международ. форума (21–22 октября 2014 г.). – URL: <http://fond-sblizhenie.ru/>.

76. *Зятков А. Н.* Феномен толерантности / А. Н. Зятков // Актуальные проблемы психологического знания : сб. науч. трудов. – 2006. – Вып. 1. – С. 66–79.
77. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах : сб. статей. – М.: Московский Центр Карнеги, 1997. – 488 с.
78. *Ильинская С. Г.* Теория толерантности: проблема выбора методологии / С. Г. Ильинская // Политическая теория, язык и идеология. – М.: РАПН, 2008. URL: <http://iph.ras.ru/ilinskaya.htm>.
79. *Ильинская С. Г.* Терпимость и политическое насилие / С. Г. Ильинская // Полис. – 2004. – № 3. – С. 122–126.
80. *Ильинская С. Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика / С. Г. Ильинская. – М.: Праксис, 2007. – 288 с.
81. *Ильинская С. Г.* Философско-методологические подходы к категории «толерантность» / С. Г. Ильинская // Полит-филос. ежегодник. – Вып. 1. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 154–168.
82. *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 261–291.
83. *Иркаев А. Г.* Толерантность как актуальная проблема: к десятилетию федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» / А. Г. Иркаев // Науковедение. Интернет-журнал. – URL: <http://naukovedenie.ru/>.
84. *Капустин Б. Г.* Либеральные ценности в сознании россиян / Б. Г. Капустин, И. Н. Клямкин // Полис. – № 2. – 1994. – С. 39–75.
85. *Карымова Л. С.* Взаимодействие как основа отношений этнонациональных общностей с органами государственной власти / Л. С. Карымова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – Выпуск 18. – № 20. – С. 136–139.
86. *Карымова Л. С.* Отношения этнических общностей в условиях становления гражданского общества в современной России: региональный

аспект : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Л. С. Карымова. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.

87. *Касьмова С.* Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) / С. Касьмова // Журнал соц. исследований. – 2010. – № 3. – С. 126–149.

88. *Киекбаев М.* Этническая толерантность как феномен современного общества / М. Д. Киекбаев, Д. М. Абдрахманов, И. З. Султанмуратов. – Уфа: «Хан», 2008. – 155 с.

89. *Ким К. В.* Этническая идентичность детей из русско-якутских семей : автореф. дис. ... канд. психол. наук / К. В. Ким. СПб., 2009. – URL: <http://www.ceninauku.ru/>.

90. *Ким К. В.* Особенности этнической идентичности индивидов из межэтнических семей / К. В. Ким // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Серия 12 (Психология). – Выпуск 1 (март). – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – С. 259–264.

91. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – М.: Тэис, 2000. – 213 с.

92. *Клепцова Е. Ю.* Психология и педагогика толерантности / Е. Ю. Клепцова. – М.: Академический проспект, 2004. – 175 с.

93. *Клецин А.* Социология семьи / А. Клецин // Социология в России ; под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – С. 415–435.

94. *Когатько Д. Г.* Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации / Д. Г. Когатько, В. Х. Тхакахов. – СПб.: «Алетейя», 2010. – 136 с.

95. *Кожевникова Н. И.* Русские: этническая гомогенность? (опыт социологического исследования) / Н. И. Кожевникова, Л. Л. Рыбаковский, Е. П. Сигарева. – М.: ИСПИ РАН, 1998. – 29 с.

96. *Кондратьев М. Ю.* Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/tolerantnost>.
97. Конституция РФ. – URL: <http://ipirip.ru/konstitucia/65/>.
98. *Корнеева С. В.* Гендерный аспект динамики межнациональных браков с иностранным партнером в трансформационных условиях российского общества / С. В. Корнеева // Соц. политика и социология. – 2005. – № 4. – С. 127–131.
99. *Корнеева С. В.* Межнациональные браки с иностранным партнером: демографические последствия для России / С. В. Корнеева // Соц. политика и социология. – 2008. – № 2. – С. 91–97.
100. *Коростелев А. Д.* Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам 2006, 2007 и 2008 гг.) / А. Д. Коростелев // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 22–34.
101. *Кортунов С. В.* Национальная идентичность: Постигание смысла / С. В. Кортунов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 589 с. – URL: <http://bib.convdocs.org/v32744/?download=1>.
102. *Краснопольская И. И.* Социальное конструирование этничности / И. И. Краснопольская, Г. С. Солодова // Соц. исследования. – 2013. – № 12. – С. 26–34.
103. *Кристи Н.* По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей / Н. Кристи ; пер. с нем. Э. М. Радской под ред. Е. С. Рачинской ; под общ. ред. Я. И. Гилинского. – СПб.: «Алетейя», 2015. – 132 с.
104. *Кузнецов И. М.* Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности / И. М. Кузнецов // Советская этнография. – 1988. – № 1. – С. 15–27.
105. *Кукоба О. А.* Природа и структура этнического менталитета / О. А. Кукоба // Философия и общество. – 2004. – Выпуск № 4 (37). – URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/253192/>.

106. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули ; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. книги, 2000. – 320 с.
107. *Куликова Л. В.* Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур : монография / Л. В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
108. *Кутявина Е. Е.* Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности / Е. Е. Кутявина, С. К. Малышева // Социология и социальная работа ; Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2010. – № 2 (18). – С. 47–52.
109. *Кыдыралина Ж. У.* Языковая политика в Казахстане как инструмент консолидации нации / Ж. У. Кыдыралина // Соц. исследования. – 2013. – № 12. – С. 51–56.
110. *Лабунская В. А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В. А. Лабунская. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
111. *Лебедева Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентификации и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ / Н. М. Лебедева // Идентичность и толерантность ; под ред. Н. М. Лебедевой. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 90–100.
112. *Лебедева Н. М.* Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Н. М. Лебедева // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России : сб. науч. статей / под ред. Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. – М.: РУДН, 2009. – С. 13–29.
113. *Левушкин А. Н.* К вопросу о природе института брака и порядке вступления в брак в государствах – участниках СНГ / А. Н. Левушкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 2 (27). – С. 54–57.
114. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Соч. в трех томах : Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 91–134.

115. *Луман Н.* Самоописания / Н. Луман, А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева ; пер. с нем. – М.: Изд. «Логос», ИТДК «Гнозис», 2009. – 320 с.
116. *Магун В. С.* Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / В. С. Магун. – М.: Ин-т социологии РАН, 2006. – 323 с.
117. *Мархинин В. В.* Межэтнические браки: Состояние, динамика, проблемные ситуации / В. В. Мархинин, И. В. Удалова. – М.: Знание, 2009. – 236 с.
118. *Матюшина В. В.* Аксиологический аспект понятия «толерантность» / В. В. Матюшина // Вестн. МГИМО-Университета. – 2013. – № 5. – С. 239–246.
119. *Мацковский М. С.* Социологические аспекты толерантности / М. С. Мацковский. – URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT>.
120. *Мацковский М. С.* Толерантность как объект социологического исследования / М. С. Мацковский // Век толерантности. – М.: МГУ. – 2001. – № 3–4. – URL: <http://www.tolerance>.
121. *Мацковский М. С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики / М. С. Мацковский. – М.: Наука, 1989. – 116 с.
122. *Меренков А. В.* Взаимосвязь природного и социокультурного / А. В. Меренков. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. – 280 с.
123. *Меренков А. В.* Методики формирования у школьников навыков самоопределения / А. В. Меренков. – Екатеринбург: Издательский дом Сократ, 2006. – 184 с.
124. *Меренков А. В.* Система детерминации человеческой деятельности / А. В. Меренков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. горно-геолог. академии, Изд-во Банк культурной информации, 2003. – 228 с.
125. *Меренков А. В.* Социология стереотипов / А. В. Меренков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 290 с.
126. *Меренков А. В.* Семейное воспитание: кризис и пути его преодоления / А. В. Меренков, Л. Л. Рыбцова, В. А. Кольцова. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – 105 с.

127. *Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль : тексты / Дж. Мид ; под ред. В. И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 227–237.*
128. *Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Дж. Мид // Американская социологическая мысль : тексты ; под ред. В. И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 224–227.*
129. *Морозова Е. А. Гармония семьи в браке / Е. А. Морозова. – М.: Даниловский благовестник, 2009. – 384 с.*
130. *Мчедлова М. М. Национальный вопрос сегодня: ракурсы осмысления / М. М. Мчедлова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 1 (107). – С. 100–107.*
131. *Николсон П. П. Толерантность как моральный идеал / П. П. Николсон. – URL: <http://journf.narod.ru/piternikolson.doc>.*
132. *Ницше Ф. Генеалогия морали / Ф. Ницше. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 224 с.*
133. *Нысанбаев А. Н. Методологические подходы к изучению этноидентичности в постсоветском гуманитарном дискурсе: казахстанский опыт / А. Н. Нысанбаев, М. С. Шайкемелев // Соц. исследования. – 2013. – № 9. – С. 80–91.*
134. *Окружной информационный центр аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе. – URL: http://www.uralfo.ru/region_urfo.html.*
135. *Олпорт Г. Становление личности : избранные труды / Г. Олпорт ; ред. Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.*
136. *Олпорт Г. Личность в психологии / Г. Олпорт. – СПб.: Ювента, 1998. – 345 с.*
137. *Осадчий О. В. Отношение к межнациональным бракам в полиэтнической среде / О. В. Осадчий // Отеч. журнал соц. работы. – 2004. – № 4. – С. 31–32.*
138. *Официальный сайт всероссийской переписи населения 2010. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html.*

139. *Пайпс Р.* Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М.: Москов. школа полит. исследований, 2008. – 35 с.
140. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2000. – 880 с.
141. *Першиц Р. Я.* Анатомия ментальности: человек и общество / Р. Першиц. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 143 с.
142. *Попов Б. Н.* Развитие межнациональных браков и семей на северо-востоке России / Б. Н. Попов // Отеч. журнал соц. работы. – 2004. – № 4. – С. 33–35.
143. *Поспелова Т. Г.* Молодежь и проблемы семьи / Т. Г. Поспелова // Молодежь: тенденции социальных изменений : сб. статей ; под ред. В. Т. Лисовского. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 420 с.
144. *Резвушкина Т. А.* Смешанные браки как условие межэтнической толерантности / Т. А. Резвушкина // Вестн. КарГУ. – 2009. – № 1. – URL: <http://articlekz.com/node/132?page=show>.
145. *Риккарди А.* Жить вместе в 21 веке / А. Риккарди ; пер. С. Файн. – СПб.: «Алетейя», 2015. – 136 с.
146. *Роткирх А.* Беспутная жизнь: секс, семья и социальная мобильность в мужских автобиографиях / А. Роткирх. – URL: http://library.gender-ehu.org/hms/attach.php/t__articles.files/id__484/18.%20rotkirch.pdf.
147. Русская семья от рождения к вечности. – М.: Белый город, 2008. – 359 с.
148. Русские: Этносоциологические очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. – М.: Наука, 1992. – 259 с.
149. *Руткевич А. М.* От Фрейда к Хайдеггеру: Критич. очерк экзистенциального психоанализа / А. М. Руткевич. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.
150. *Рыбаковский Л. Л.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л. Л. Рыбаковский. – М.: ИСПИ РАН, 1996. – 68 с.

151. *Рыбаковский Л. Л.* Русские: этническая гомогенность? (опыт социологического исследования) / Л. Л. Рыбаковский. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/ribakovskiy_russians/.
152. *Рыжова С. В.* Этническая идентичность в контексте толерантности / С. В. Рыжова. – М.: Альфа-М, 2011. – 282 с.
153. *Широкогоров С. М.* Избранные работы и материалы / С. М. Широкогоров: Кн. 1. – Владивосток, Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2001. – URL: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos>
154. *Самсонова Е. А.* Этническая толерантность в сознании тульской молодежи / Е. А. Самсонова, Е. Ю. Юдина // Соц. исследования. – 2009. – № 10. – С. 66–69.
155. Саморегулирование и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
156. *Самнер У. Г.* О происхождении и сущности этноцентризма / У. Г. Самнер. – М.: Наука, 1979. URL: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=546.
157. *Седова Н. Н.* Национально-государственная идентичность россиян и отношение к государственной символической / Н. Н. Седова // Мониторинг общественного мнения: эконом. и соц. перемены. – 2005. – № 3 (75). – С. 29–35.
158. Семейные узы: модели для сборки : сб. статей: в 2 т. Книга 1 / сост. и ред. С. Ушакин. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 632 с.
159. Семья в современном социуме. – Вологда : Полиграфист, 2007. – 212 с.
160. Семья: реальность, проблемы и перспективы. – Волгоград: Издатель, 2004. – 168 с.
161. *Сергеева С. В.* Этносоциальные процессы Западно-Уральского региона на современном этапе / С. В. Сергеева. – Пермь: Перм. администрация, 2000. – 157 с.
162. *Сизоненко З. Л.* Межнациональная семья в крупном городе / З. Л. Сизоненко // Соц. исследования. – 2007. – № 2. – С. 140–142.

163. *Сикевич З. В.* Социология и психология национальных отношений / З. В. Сикевич. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. – 203 с.
164. *Сикевич З. В.* О соотношении этнического и социального / З. В. Сикевич. – URL: <http://www.nationalism.org/library/science/nationalism/sikevich/sikevich-jssa-1999.htm>.
165. *Сикевич З. В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе / З. В. Сикевич. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 207 с.
166. *Силантьева М. В.* Толерантность в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы / М. В. Силантьева // Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации : материалы международ. науч. семинаров 16–17 ноября 2011, г. Владимир. – Владимир, 2011. – С. 259–269.
167. *Симонова О. А.* К формированию социологии идентичности / О. А. Симонова // Соц. журнал. – 2008. – № 3. – URL: <http://www.hse.ru/data/2012/09/25/1245565583/№217%20Simonova.pdf>.
168. *Синельников А. Б.* Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования) / А. Б. Синельников, В. М. Медков, А. И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – 288 с.
169. *Синельников А. Б.* Семейная жизнь и религиозность / А. Б. Синельников // Демограф. исследования : сб. / отв. ред. А. И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – С. 206–219.
170. *Скворцов Л. В.* Толерантность: иллюзия или средство спасения? / Л. В. Скворцов // Октябрь. – 1997. – № 3. – С. 138–155.
171. *Скворцов Н. Г.* Этничность: социологическая перспектива / Л. В. Скворцов // Соц. исследования. – 1999. – № 1. – С. 21–31.
172. *Скоробогатая А. А.* Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии / А. А. Скоробогатая. – М.: Теис, 2008. – 190 с.

173. *Смирнова Е. О.* Развитие толерантности в раннем и дошкольном детстве / Е. О. Смирнова // Возрастные особенности формирования толерантности / под ред. В. С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2003. – С. 11–105.
174. *Смит Э. Д.* Национализм: Теория, идеология, история / Э. Д. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 140 с.
175. *Собкин В. С.* Национальная идентичность и межнациональная толерантность в подростковом возрасте / В. С. Собкин, Т. В. Глухова С. В. Мутеперель // Возрастные особенности формирования толерантности / под ред. В. С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2003. – С. 152–172.
176. *Соблиров Х. Х.* Современные концепции этничности / Х. Х. Соблиров // Ист. науки. – 2007. – № 6. – С. 57–59.
177. *Сови А.* Общая теория населения. Жизнь населения : в 2-х т. / А. Сови. Т. 2. – URL: http://socioline.ru/files/5/84/sovi_t2.pdf.
178. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
179. *Солдатова Г. У.* Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия / Г. У. Солдатова // Век толерантности. – 2000. – № 1–2. – URL: <http://www.tolerance.ru/>.
180. *Солдатова Г. У.* Практикум по исследованию и диагностике толерантности личности // Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова. – URL: <http://www.c-psy.ru/index.php/specialists/socialnomu-pedagogu/metodikisocpedagog/6024>.
181. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
182. *Соловьев Н. Я.* Семья в советском обществе / Н. Я. Соловьев. – М.: Госполитиздат, 1962. – 150 с.

183. *Соловьев Э. Ю.* Генезис прав человека и исторические истоки толерантности / Э. Ю. Соловьев // Толерантность : материалы летней школы молодых ученых : в 2 ч. Ч. 2. – Екатеринбург, 2001. – С. 67.
184. *Солодников В. В.* Социология социально дезадаптированной семьи / В. В. Солодников. – СПб.: Директ, 2007. – 384 с.
185. Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства : материалы науч. семинара. – Вып. № 4. – М.: Науч. эксперт, 2009. – 88 с.
186. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. Ин-т социологии РАН, Башкир. филиал ИС РАН. – М. – УФА: Восточная печать, 2012. – 124 с.
187. Социология воспитания : учеб. пособие / Л. Л. Рыбцова, А. В. Меренков, Т. И. Гречухина и др. ; под общ. ред. Л. Л. Рыбцовой; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 176 с.
188. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 222 с.
189. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
190. *Стефаненко Т. Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т. Г. Стефаненко // Вестн. Москов. ун-та. – Серия 14. Психология. – 2009. – № 2. – URL: http://www.psy.msu.ru/science/vestnik/archive/vestnik_2009-2.pdf.
191. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: практикум : учеб. пособие для студентов вузов / Т. Г. Стефаненко. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 224 с.
192. Субъективность и идентичность / отв. ред. А. В. Михайловский. – М.: Изд-во: ИД ВШЭ, 2012. – 367 с.

193. *Сумачева М. В.* Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. : монография / М. В. Сумачева. – Екатеринбург: Изд-во ГОУВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 257с.
194. *Сусоколов А. А.* Межнациональные браки в СССР / А. А. Сусоколов. – М.: Мысль, 1987. – 142 с.
195. *Сусоколов А. А.* Национально-смешанные браки среди русского населения в разных регионах страны // А. А. Сусоколов // Русские: этносоциологические очерки. – М.: Наука, 1992. – С. 191–222.
196. *Тавадов Г. Т.* Этнология : современный словарь-справочник / Г. Т. Тавадов. – М.: Диалог культур, 2007. – 704 с.
197. *Темницкий А. Л.* Социологические исследования толерантности студентов МГИМО : учеб. пособие / А. Л. Темницкий. – М.: Изд-во «МГИМО – Университет», 2005. – 195 с.
198. *Тэйлор Ч.* Демократическое исключение (и лекарство от него?) / Ч. Тэйлор // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 16–21.
199. *Тишков В. А.* Как и зачем надо изучать национализм / В. А. Тишков, В. А. Шнирельман // Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – С. 5–6.
200. *Тишков В. А.* О феномене этничности / В. А. Тишков // Этнограф. обозрение. – 1997. – № 3. – С. 3–21.
201. *Тишков В. А.* Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах / В. А. Тишков // Толерантность и культурная традиция : сб. ст. / под. ред. М. Ю. Мартыновой. – М.: РУДН, 2002. – С. 256–274.
202. Толерантность / общ. ред. М. П. Мchedлова. – М.: Республика, 2004. – 416 с.
203. Толерантность в обществе и семье. – Нальчик: Кааб.-Балк. ун-т, 2003. – 187 с.
204. Толерантность и культура межнационального общения : учеб.-метод. пособие (для студентов высших учебных заведений). – Краснодар:

Просвещение-Юг, 2009. – 307 с. – URL: http://pda.www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/2011/02/110204/110204_p.pdf#9.

205. Толерантность и образование: современные проблемы формирования толерантного сознания : кол. монография / отв. ред. А. В. Перцев. – Вып. 16. – Екатеринбург: Полиграфист, 2006. – С. 15–20.

206. *Топилин А. В.* Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимодействия / А. В. Топилин // Соц. исследования. – 1995. – № 7. – С. 76–82.

207. *Уолцер М.* О терпимости / М. Уолцер ; пер. с англ. яз. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. книги, 2000. – 160 с.

208. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри ; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом Выс. школы экономики, 2012. – 336 с.

209. *Усалиева С.* Межэтнические браки в полиэтничных регионах Казахстана / С. Усалиева // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 5 (215). – С. 84–86.

210. *Ушаков Д. В.* Роль семьи в воспроизводстве этничности народов республики Алтай / Д. В. Ушаков // Соц. исследования. – 2009. – № 3. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-03/Uschakov.pdf>.

211. *Фатеева С. В.* Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия : автореф. дис. ... докт. филос. наук / С. В. Фатеева. – Ростов н/Д, 2006. – 26 с.

212. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001–2005 гг». URL: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-FCP.php?PrPage=VT>.

213. *Филатов С. Б.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность / С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин // Соц. исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/filatov_lunkin_religion.pdf.

214. *Философия толерантности: история и современность* : в 4 т.. 1 том / Толерантность и разрешение конфликтов : метод. обеспечение лаборатории разработчики М. Б. Хомяков, И. Г. Полякова. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1440/6/1324430_methodbooks_Vol1.pdf.
215. *Философия* : энциклопед. словарь / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики. 2004. – 1072 с.
216. *Фромм Э. Искусство любить* / Э. Фромм ; пер. с англ. А. В. Александровой. – М.: АСТ, 2014. – 255 с.
217. *Хайдеггер М. Тожество и различие* / М. Хайдеггер. – URL: <http://www.philosophy.ru-/library/heideg/tozh-i-dif.html>.
218. *Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности* / М. Хайдеггер ; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с. – URL: <http://www.litmir.net/br/?b=210342&p=2>.
219. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций* / М. Хайдеггер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
220. *Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования* / А. Г. Харчев. – М.: Мысль, 1964. – 323 с.
221. *Харчев А. Г. Брак и семья в СССР* / А. Г. Харчев. – 2 изд. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
222. *Харчев А. Г. Быт и семья в социалистическом обществе* / А. Г. Харчев. Л.: Знание, 1968. – 187 с.
223. *Харчев А. Г. Современная семья и ее проблемы* / А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. – М.: Статистика, 1978. – 224 с.
224. *Хотинец В. Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание* / В. Ю. Хотинец // Соц. исследования. – 1999. – № 9. – С. 72–80.
225. *Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность* / В. Ю. Хотинец. Екатеринбург, 2002. – 124 с.

226. Хотинец В. Ю. Этнические стереотипы: гендерный аспект (на примере доминантных народов Удмуртской республики) / В. Ю. Хотинец // Вестн. Удмурт. ун-та. – Серия 3 «Философия. Психология. Педагогика». – 2008. – № 3–2. С. 3–16.
227. Шакурова А. В. История становления понятия «социальная идентичность» в зарубежной социологии и социальной психологии / Совр. исследования социальных проблем (электрон. науч. журнал) / А. В. Шакурова. – 2012. – № 2 (10). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/shakurova.pdf>.
228. Шалин В. В. Толерантность: культурная норма и политическая необходимость: (Соц.-филос. анализ) : автореф. дис. ... д. филос. н. / В. В. Шалин. – Ростов н/Д: 2000. – 69 с.
229. Шапиро З. А. Психолого-гуманистические проблемы позитивности–негативности внутрисемейных отношений / З. А. Шапиро // Вопр. психологии. – 1994. – № 4. – С. 45–49.
230. Шахбанова М. М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев / М. М. Шахбанова // Соц. исследования. – 2008. – № 11. – С. 72–76.
231. Шахбанова М. М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях / М. М. Шахбанова // Соц. исследования. – 2013. – № 10. – С. 88–97.
232. Шевченко А. Г. Ислам и христианство: Исторический опыт и перспективы сотрудничества / А. Г. Шевченко. – М.: Наука, 2004. – 91 с.
233. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер // Соц. журнал. – 1997. – № 4. – С. 79–115.
234. Шелест О. Национальность, этничность, гражданство: в поисках общих оснований / О. Шелест // Палітычная сфера. – 2007. – № 9. – С. 115–118.
235. Шестопад Е. Б. Этнические стереотипы русских / Е. Б. Шестопад, Г. О. Брицкий, М. В. Денисенко // Соц. исследования. – 1999. – № 4. – С. 62–70.

236. *Шимбель Н. В.* Автостереотипы и гетеростереотипы в межнациональных отношениях / Н. В. Шимбель, Е. В. Собор. – URL: <http://ovv.esrae.ru/pdf/2014/5/1038.pdf>.
237. *Шимин Н. Д.* Семья, брак и быт / Н. Д. Шимин. – М.: Политиздат, 1964. – 46 с.
238. *Шишкина Е. В.* Семейная социализация: проблема определения / Е. В. Шишкина // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 3. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. С. 91–95.
239. *Шишкина Е. В.* Этнокультурная специфика семейной социализации: междисциплинарный подход : монография / Е. В. Шишкина. – СПб.: СПбГУСЭ, 2007. – 227 с.
240. *Шмелев А. Т.* Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка / А. Т. Шмелев, В. И. Похилько, А. Ю. Козловская - Тельнова // Псих. журнал. – 1991. – Т. 12. – № 2. – С. 27–44.
241. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер с англ. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.
242. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / ред. А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 296 с.
243. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. – URL: <http://www.pseudology.org/Kon/EthnicStereotypes/KonEthnicStereotypes.pdf>.
244. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.
245. *Юнг К. Г.* Архетипы и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
246. *Юркевич Н. Г.* Семья в современном обществе / Н. Г. Юркевич. – Минск: Беларусь, 1964. – 77 с.
247. *Nicholson P. P.* Toleration as a moral ideal / P. P. Nicholson // Aspects of Toleration / ed. by J. Hordon & S. Mendus. – London – New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. – P. 160.

248. *Wilton S. Dillon Margaret Mead (1901–1978) / S. Wilton. Prospects: the quarterly review of comparative education (Paris, UNESCO: International Bureau of Education). – Vol. XXXI. – № 3. September – 2001. – P. 447–461. – URL: <http://www.ibe.unesco.org/publications/thinkerspdf/meade.pdf>.*

Приложения

Таблица 1(начало)

Основные этнические группы населения Уральского федерального округа¹²³

Этническая группа	Административные субъекты округа						Всего	Процент к численности населения округа
	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область	Курганская область	ХМАО-Югра	ЯМАО		
	В абсл. цифрах							
Русские	3684843	2352063	2829899	823722	973978	312019	10976524	77,65123033
Татары	143803	239995	180913	17017	108899	28509	719136	5,087384237
Украинцы	35563	157296	50081	7080	91323	48985	390328	2,761297605
Башкиры	31183	46405	162513	12257	35428	8297	296083	2,094580145
Марийцы	23801	11042	2826	311	7289	2078	47347	0,334946911
Немцы	14914	20723	18687	1740	6828	1847	64739	0,457983147
Азербайджанцы	14215	43610	7213	1781	26037	9291	102147	0,722618583
Удмурты	13789	5093	2421	1579	3094	583	26559	0,18788635
Ненцы	52	31621	10	24	1438	29772	62917	0,445093771
Ханты	138	29277	30	24	19068	9489	58026	0,410493367
Чуваши	8304	25690	6819	1364	13596	3471	59244	0,419109865
Белорусы	11670	25648	13035	2502	14703	6480	74038	0,523767068
Казахи	4406	19146	35297	11939	4382	1532	76702	0,542613005
Кумыки	269	18668	124	2502	13849	4466	39878	0,282108959

¹²³ Официальный сайт всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 12.01.2015).

Окончание табл.1

Этническая группа	Административные субъекты округа						Всего	Процент к численности населения округа
	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область	Курганская область	ХМАО-Югра	ЯМАО		
	В абсл. цифрах							
Лезгины	1272	16247	481	191	13335	1879	33405	0,236317012
Молдаване	2336	15806	1618	815	9476	4712	34763	0,245923912
Армяне	11501	15542	9311	1750	6343	1605	46052	0,325785691
Узбеки	9358	14743	6446	536	9970	1775	42828	0,302978146
Таджики	11138	14328	7375	569	9793	1482	44685	0,316115122
Манси	251	11614	22	13	10977	166	23043	0,163013109
Чеченцы	736	10502	766	569	6889	2434	21896	0,154898886
Мордва	6303	7444	12147	691	4936	1257	32778	0,231881425
Ногайцы	46	8888	11	1	5323	3479	17748	0,125554687
Киргизы	6304	8652	1410	504	5012	1815	23697	0,167639701
Коми	445	8469	162	32	2364	5141	16613	0,117525356
Селькупы	10	2065	0	2	27	1988	4092	0,028948038
Другая	28119	47375	27456	1275	25748	10835	561589	3,9728494
Не указали	232978	187803	99144	20017	102138	17517	238816	1,689456172
Всего численность населения	4297747	3395755	3476217	910807	1532243	522904	14135673	100 %

Таблица 2

Этнический состав населения России по данным переписи 2010 г.¹²⁴

Этническая группа	Абсол. численность	Процент от лиц, указавших национальность
Русские	110880183	77,61645781
Татары	5288719	3,702119027
Украинцы	1925939	1,348163027
Башкиры	1576747	1,103727589
Чуваши	1432746	1,00292646
Чеченцы	1418087	0,992665117
Армяне	1172382	0,820670886
Аварцы	881672	0,617173022
Мордва	743295	0,52030871
Казахи	644807	0,451366817
Азербайджанцы	591793	0,41425686
Даргинцы	573804	0,401664506
Удмурты	550894	0,385627438
Марийцы	545963	0,382175723
Осетины	523772	0,366641957
Белорусы	520842	0,364590949
Кабардинцы	509864	0,356906316
Кумыки	490081	0,343058157
Якуты (саха)	472541	0,330780105
Лезгины	465195	0,325637883
Буряты	455156	0,318610553
Ингуши	420133	0,294094349
Немцы	393837	0,275687071
Узбеки	281338	0,196937437
Тувинцы	260182	0,182128174
Коми	227616	0,159331877
Карачаевцы	215704	0,150993441
Цыгане	200705	0,140494097
Таджики	194346	0,136042778

¹²⁴ Официальный сайт всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 14.01.2015).

Окончание табл. 2

Этническая группа	Абсол. численность	Процент от лиц, указавших национальность
Калмыки	182636	0,127845743
Лакцы	175412	0,122788922
Грузины	156771	0,109740166
Евреи	156311	0,109418165
Молдаван	155434	0,108804262
Корейцы	149071	0,104350143
Табасараные	142994	0,100096225
Адыгейцы	124405	0,08708387
Балкарцы	111922	0,078345733
Турки	101414	0,070990102
Ногайцы	102156	0,071509504
Киргизы	100073	0,070051398
Коми-пермяки	94328	0,06602988
Греки	85407	0,059785154
Алтайцы	73743	0,051620319
Черкесы	72290	0,050603215
Хакасы	72786	0,050950416
Карелы	60792	0,042554581
Всего населения РФ	142856536	100

Таблица 3

Оценка межнациональных отношений на территории РФ в зависимости от этнической группы респондента, в процентах

Группы этносов / Оценка состояния межнациональных отношений	Варианты ответа					
	стабильные	спокойные	Напряженные	критические	затрудняюсь ответить	итого
Коренные народы (только русские)	13,1	38,9	39,1	5,4	3,5	100,0
коренные народы УрФО (кроме русских)	14,0	31,6	42,8	9,3	2,3	100,0
Некоренные народы УрФО	11,1	34,9	42,9	5,6	5,6	100,0
Биэтнические группы	7,8	28,9	50,0	10,0	3,3	100,0
В процентах от общего числа ответов	12,5	35,3	41,8	6,9	3,5	100,0

Таблица 4

Численность и структура трудовых мигрантов выполнявших работу у предпринимателей, по РФ, ее субъектам и в частности по УрФО (по данным выборочного обследования об использовании труда мигрантов в 3 квартале 2014 г.)¹²⁵

Регион	Численность трудовых мигрантов-всего, тыс. человек	из них		Численность трудовых мигрантов - всего	В процентах к итогу	
		Иностраные трудовые мигранты	Российские трудовые мигранты		из них	
					Иностраные трудовые мигранты	Российские трудовые мигранты
Российская Федерация	1370,4	937,9	432,5	100	100	100
Центральный федеральный округ	719,1	482,3	236,8	52,5	51,4	54,8

¹²⁵ Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в III квартале 2014 года) / Фед. служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения: 15.01.2015).

Регион	Численность трудовых мигрантов-всего, тыс. человек	из них		В процентах к итогу		
		Иностранные трудовые мигранты	Российские трудовые мигранты	Численность трудовых мигрантов - всего	из них	
					Иностранные трудовые мигранты	Российские трудовые мигранты
Северо-Западный федеральный округ	131,8	83,4	48,4	9,6	8,8	11,2
Южный федеральный округ	59,7	31,9	27,8	4,4	3,4	6,4
Северо-Кавказский федеральный округ	31,8	22,8	9,1	2,3	2,9	2,1
Приволжский федеральный округ	97,3	56,0	41,3	7,1	5,9	9,6
Уральский федеральный округ	111,4	80,7	30,7	8,1	8,6	7,1
Курганская область	7,3	1,9	5,4	0,5	0,2	1,3
Свердловская область	48,2	34,5	13,7	3,5	3,6	3,2
Тюменская область	50,9	42,3	8,6	3,7	4,6	2,0
в том числе:						
Ханты-Мансийский авт. округ-Югра	40,1	39,8	0,3	2,9	4,3	0,1
Ямало-Ненецкий авт. округ	5,7	...	5,7	0,4	...	1,3
Тюменская область без авт. округов	5,0	2,4	2,6	0,4	0,3	0,6
Челябинская область	5,0	2,1	3,0	0,4	0,2	0,7
Сибирский федеральный округ	162,7	137,6	25,0	11,9	14,6	5,8
Дальневосточный федеральный округ	56,6	43,3	13,3	4,1	4,6	3,1

Таблица 5

Группы, на которые ориентируются в своем образе жизни участники
опроса (процент к числу опрошенных)

Семья, родственники	56,2
Люди, с которыми существуют общие взгляды, мировоззрение	46,2
Успешные, материально независимые люди	28,3
Свое поколение	25,6
Люди того же материального достатка, что и я	24,6
Группы, занимающие престижное положение в обществе	19,4
Профессиональная группа	8,5
Группы людей с общими политическими убеждениями	8,1
Религиозная группа	4,3
Друзья	3,8
Люди того же материального достатка, что и я	2,3
Другое	2,9

Таблица 6

Связь между влиянием различных акторов на этническую
самоидентификацию респондентов с миграционными процессами
(процент к числу опрошенных)

Осуществление этнической самоидентификации под влиянием актора	Переезд		Итого
	Нет	да	
Мать	65,5	34,5	100,0
Отец	53,5	46,5	100,0
Супруг	40,9	59,1	100,0
Другое	26,7	73,3	100,0
Отец и мать	50,8	49,2	100,0
Итого	54,1	45,9	100,0

Таблица 7

Какие факторы повлияли на характер межнациональных отношений за последний год (процент от ответивших по группам территорий)

Факторы	Россия	Урал	Город проживания респондента
Рост стабильности, спокойствия в российском обществе	18,8	18,0	20,4
Выросла терпимость и взаимопонимание между людьми	12,3	18,4	16,9
Приток мигрантов	42,3	46,7	41,7
Россию стали больше уважать и ценить	22,3	17,1	14,5
Власть стала больше уделять внимание предотвращению конфликтов	17,2	12,6	11,7
Мир в Чечне	9,6	5,6	6,1
Проведение олимпиады в Сочи	25,5	13,7	12,2
Рост агрессивности, насилия, убийств	12,3	14,5	10,7
Проблемная ситуация в Украине	26,2	14,3	13,9
Рост национализма, межнациональной неприязни	15,6	14,3	16,9
Рост терроризма	10,3	6,1	5,9
Появление экстремистских радикальных организаций	9,7	7,9	10,2
Бездействие властей и правоохранительных органов	10,4	13,4	15,6
Ущемление прав россиян	5,4	5,1	6,0

Таблица 8

Виды этнических символов, нашедшие отражение в деталях интерьера респондентов (процент к числу ответов)

Детали интерьера	Область принадлежности	Процент
Библия (3); икона католической церкви, в родительском шкафу; статуэтка с полумесяцем; полумесяц (3); иконы (118); календарь (мусульманский); картины с мечетью; коврик (4); коврик; Коран (5); крест (2); крестики (7); мамины иконы (2); мезуза(3); молельный коврик (7); молитва над входом образы(2); молитвослов; молитвы (3); образа (2); отдельный угол для икон; полочка; православные иконы (2); различных свечей (2); религиозная продукция (менора, подсвечник, хануки) (3); религиозные знаки (2); религиозные книги; русские иконы в углу большой комнаты; свечи (3) из церкви (1); статуя Иисуса Христа; суры Корана; четки	Религиозные символы	38,6
Альбомы (5); валенки; наши фотографии (2); портрет Пушкина; матрешки; рамка с фотографиями близкий/близких людей/любимых/ дорогих мне людей (15); ножи; обереги; разные предметы с национальной росписью, узорами: кружки, ложки, подносы, подносы; костюмы народные; рамка с фотографией семьи (2); рог для вина; русский национальный народный платок; рушник; самовар; семейные фотографии (8); семеновская роспись; славянские символы; словарь Даля; традиционные игрушки; фотоальбомы (15); фотографии (20); фотографии родителей (2)/ родственников (3); фотографии предков (3), славянские элементы; декора чебурашка	Этнические символы: Предметы быта, культуры, вера в общее происхождение (образы родственников – фотографии)	36,9
Герб; карта региона; карта России; Российский флаг (2); флаг (9); флаг государства; флаг Германии; флаг Латышский; литовский флаг (2); флаг республики Башкирии. Символ мира (голубиная лапка), карта мира (5)	Символы гражданской принадлежности	4,7
атрибуты азиатской культуры и православные вещи (1); иконы, вазы, молитва от сглаза сура и сабаб (1); иконы православные и коран (10); православные иконы и мусульманские молитвы (9); православные иконы и предметы исламской культуры (1); сувениры в виде оберегов, домовенков, матрешки, корытце для рубки капусты и орнамент на обоях, молельный коврик мужа	Сочетание символов разных этнических групп	4,2
Есть предметы в интерьере (без конкретизации)		15,6

Таблица 9

**Соблюдение семьей религиозных традиций и обычаев
(процент к числу опрошенных)**

Религиозные обычаи	Процент
Празднование Пасхи и Рождества	77,0
Соблюдение постов	14,3
Крещение детей	49,3
Празднование Курбан-байран, Ураза-байрам	17,2
Соблюдений постов уразы	8,3
Совершение обряда «сутан» (со своими детьми)	3,4
Празднование Рош-Гашана, Шавуот, Йом-Кипур	2,4
Соблюдение ритуала Песаха	4,2
Совершение обряда обрезания (со своими детьми)	6,5

Таблица 10

**Какую религию Вы выбрали (бы) для своих детей?
(процент к числу опрошенных)**

Группы населения	Религию жены	Религию мужа	Ребенок сам выберет	Мы атеисты	Другое
Коренные народы УрФО (только русские)	10,1	9,2	64,1	9,4	7,2
Коренные народы УрФО (кроме русских)	11,2	18,6	62,3	2,3	5,6
Некоренные народы УрФО	6,3	38,1	39,7	11,1	4,8
Биэтнические группы	3,3	20,0	65,6	4,4	6,7
Процент к опрошенным	9,1	17,1	60,1	7,3	6,3

Таблица 11

Что в воспитании детей является наиболее важным для респондентов

Показатели значимости	Заботиться об интересах общества	Заботиться о своих интересах	Уважать национальные традиции и обычаи	Соблюдать религиозные правила
Важно	36,4	73,2	49,2	27,8
Менее важно	51,2	23,8	39,9	37,8
Не важно	12,3	3,0	10,9	34,4

Таблица 12

Распределение значимости общественных, собственных, национальных, религиозных интересов в зависимости от этнической группы респондента
(процент к числу опрошенных)

Группы респондентов	Заботиться об интересах общества	Заботиться о своих интересах	Уважать национальные традиции и обычаи	Соблюдать религиозные правила
Коренные народы УрФО (только русские)	35,9	73,5	45,3	21,8
Коренные народы УрФО (кроме русских)	38,6	78,6	47,9	28,8
Некоренные народы УрФО	42,1	61,1	64,3	41,3
Этнически разнородные	26,7	75,6	47,8	32,2
Итого, в процентах от числа опрошенных	36,5	73,2	49,1	27,7

Таблица 13

Тип семьи (с учетом состава)

Тип семьи	Процент опрошенных
Нуклеарная семья	73,2
Расширенная семья	26,8

Классификация этнических стереотипов с учетом их индивидуальной или групповой направленности

Направленность этностереотипов	Виды ориентаций	Содержание	Индикаторы
Индивидуальная	Личностно ориентированный	Образ этнодругого представляет значимость в эмоционально-чувственной сфере, где проявляются индивидуальные особенности человека	Трудолюбие – лень, острый ум – непонятливость, ответственность-безрассудство, дружелюбие – агрессивность и т. п.
	Визуально ориентированный	Образ этнодругого сфокусирован на биологической сфере	Внешний вид, физическое состояние: аккуратность – неаккуратность, изысканность– безвкусице, красивые, темпераментные, веселые – страшные, холодные, злые и т. п.
	Рефлексивно ориентированный	Рефлексия при конструировании образа этнодругого	Самоотношения / самопрезентация (что они думают о себе; что мы думаем о себе): самолюбие, уверенность в себе – неуверенность в себе, самолюбование – неудовлетворенность собой
Групповая	Общественно ориентированный	Значимость общественных норм поведения, в том числе норм морали, в соответствии с которыми происходит взаимодействие между людьми	Единение, коллективизм – индивидуализм, уважение к старшим – вседозволенность.
	Национально ориентированный	Проявление ориентаций связанных с принадлежностью к национальной группе и отношениям к другим	Интернационализм – комплекс неценности другими народами, миролюбие – воинственность, национальная терпимость – не толерантность, патриотизм – национализм, шовинизм и т.п.
	Религиозно ориентированный	Проявление ориентаций связанных с принадлежностью к религиозной группе	Религиозность – отсутствие веры, смирение – религиозная нетерпимость.
	Образная или метафорическая ориентация	Визуализация образа с помощью его метафорической визуализации	Метафоры Крылатые фразы (надежда на «авось», широта души и др.)

Стратегии межэтнического взаимодействия респондентов с учетом этнической дистанции

Стратегии межличностного взаимодействия	Конструкты этнической толерантности	Этническая дистанция	Процент опрошенных
Ассимиляция (равные)	Все люди; едины, отношусь положительно ко всем; все равноправны; все равны; все равны - все хороши; имеют такие же права; культурный уровень – вот, что определяет мое отношение к человеку; люди, мне все равно на национальность; национальность не главное, главное оставаться человеком; не важны – я смотрю на качества человека, а не на национальность; не делю людей по нациям; нормальные люди; обычные люди; одинаково важны; одинаково равны; одинаковы; одинаковы со мной; просто люди, равны моей; равны по значению; прежде всего люди, как и я; равнозначны; равноправны; равноправные люди; равноправные партнеры; равноправные члены общества; равноценны; равны; равны друг с другом; равны и равноправны; равны, уважаю; такие же люди; такие же люди, как и я; такие же люди как мы; такие же люди как я; такие же обычные люди, как и мы; тоже люди; это тоже люди	Полное принятие этнодругого: ориентация на приоритет закона и прав человека, что выражается в абсолютном этническом равноправии	19,3
Ассимиляция (тождественность)	Значат столько же, сколько русский народ; имеют ценность также как и моя; не отличаются/ничем/от моей; ничем не хуже; никак не хуже; ничем не отличается от моей, кроме внешности/внешними различиями; ничем не отличаются, ничем не хуже и не лучше моей; ничуть не хуже татар; столь же важны, как и моя; так же важны и уважаемы мной; такие же; также важны; также важны, как и моя; также интересны; также приемлемы; также хорошо как и моя, такие же; такие же как все; такие же как и моя; такие же как и я; такие же национальности; такие же, как все/как мы; такие же ценные. Большая дружная семья; братья, братья по планете; братья, друзья и соседи по планете; добрые соседи; как к родной; просто соседи; родственники; друзья; соседи; соседи к которым интересно ходить в гости. Дружба народов; дружеские; дружественные народы; друзья; друзья и товарищи. Тож мой народ	Принятия этнодругого с готовностью к долгосрочному взаимодействию: потребность в тождественности с этнодругим	16,8

Стратегии межличностного взаимодействия	Конструкты этнической толерантности	Этническая дистанция	Процент опрошенных
Консервация (неприязнь)	Враги, есть и враги, иногда раздражают; недостойные, не приемлемы, не приятны, низкие, никакие; никто; пустое место; пустое место – я верна своей; частично неприемлемы, все, кроме русских – второстепенны	Непринятие этнического разнообразия, поскольку актор видит в этнодругом угрозу для своей стабильности, однако сила, на которую способен этнодругой оценивается по-разному, как и степень ответной реакции, подобная вариативность выражается в значимости проявления своей этничности	3,4
Консервация (другие)	Другие; другие люди; другие нации; другие национальности; другой менталитет; иной образ; мало важны; мало интересны; мало что значат; малозначимы; не безразличны; не особо значимы; не особенно важны, но и не безразличны; не сильно важны; не так важны; не очень важны – в смысле не интересны; не важны; не играют большой роли; не играют сильной роли; не имеют особого значения; не раздражают; нет неприязни к другим национальностям, приемлемы, просто другие национальности; смотрю спокойно; тоже национальности; чужды; это другие национальности; я не националист	Номинальное принятие: принятие этнодругого с готовностью к кратковременному взаимодействию, актор оценивает угрозу, как не столь существенную, поэтому демонстрируется ориентация на одну этническую группу, значимость этнодругих не существенная	15,3

Стратегии межличностного взаимодействия	Конструкты этнической толерантности	Этническая дистанция	Процент опрошенных
Аккультурация (рационализация)	Больше важны; важны, достойны уважения и отношусь нейтрально; возможность узнать их традиции; все имеют свои особенности; все хороши; все хороши по-своему; гости; другие интересные люди; другая культура и менталитет; желательны, так жить интереснее; значимы; имеют значение; имеют немаловажное значение; интересны; интересные для меня; предмет интереса; интересны и равны со мной; интересны своей культурой; интересны традициями и образом жизни; источник интересных культур; культура их интересна; многообразие культур; не менее важны, немаловажны; не чужды; представляют культурный интерес; по-своему особенны; просто другая культура; разнообразие культур; так жить интереснее; объект изучения; те, чью культуру можно изучить тоже важны; уважаемы; уважаемы и интересны; уважаемые люди; я их уважаю; люди, народ, со своими традициями и ценностями; уникальны по-своему; хороши, каждая по-своему, уважаю другие нации; уважаю также других; те же люди просто взгляды другие; я их уважаю	Принятия этнодругого с готовностью к долгосрочному взаимодействию: ориентация при выборе приоритета на значимость традиций, культуры различных этнических групп	16,0
Интеграция (безразличие)	Без разницы, безразличны, в большей степени безразличны, есть, имеют место быть, имеют право на существование, имеются, нейтрально, не обращаю на это внимание, не помеха в реализации своих целей; присущи, просто живут рядом, просто существуют, равнодушна, существуют, существуют как данность	Безразличие: принятие этнического разнообразия для достижения собственных целей	8,4

Стратегии межличностного взаимодействия	Конструкты этнической толерантности	Этническая дистанция	Процент опрошенных
Парадокс (ситуативность)	Братья и сестры при условии чистосердечной доброжелательности с их стороны; братья, но в каждой национальности: воспитанные поэтому лучше; в семье не без урода; будут друзьями, если будут вести себя как положено; все должны жить дружно и уважать; если они мирные и добрые, то я за любую национальность; если нормально ко мне, то я не делю, если задевают – другое дело; желательнее, так жить мне интереснее; к достойным людям-достойное уважение; на равных за исключением некоторых; почти равны, за исключением некоторых; люди, имеющие право на жизнь; предпочтительнее; равны моей, но не все; отношусь с уважением ко всем национальностям, но живущих с мирными намерениями; такие же люди, как я, но со своими традициями; такие же люди, если ведут себя достойно; те, с кем я общаюсь – тождественны, но есть и другие; частично приемлемы – частично нейтральной, те с кем я общаюсь	Ситуативность дистанции, определяется выбором оптимальной стратегии дальнейшего поведения	4,6
		Нет ответа	16,3
		Итого	100,0

Таблица 16

Меры улучшения межнациональных отношений
(процент от группы ответивших по территориям)

	Россия	Урал	Город проживания респондента
1. Развивать культуру межнационального общения (уважать обычаи, язык и т. д.)	52,5	38,3	40,2
2. Ужесточить борьбу с проявлениями межнациональной розни	22,6	18,6	14,7
3. Терпимее относиться к другим людям	26,3	31,5	29,7
4. Контролировать миграционные потоки	34,9	26,5	27,5
5. Усилить работу по воспитанию межнациональной терпимости в школах, СМИ и т. д.	19,2	18,4	16,9
6. Воспитывать межнациональную терпимость в семье	16,8	19,4	20,1
7. Решить социальные проблемы (обеспечение работой, борьба с бедностью и т. д.)	20,4	23,4	18,9
8. Активнее работать с молодежью	11,4	16,5	19,4
9. Выдворить всех мигрантов из России	8,3	6,7	8,6
10. Вернуть СССР	4,4	2,5	1,7
11. Контролировать деятельность националистических организаций	16,9	12,1	11,0
12. Ограничение показа насилия на телевидении	15,7	12,3	11,3
13. Эта проблема надумана, никакого роста насилия нет	0,5	0,7	1,1
14. Ничего не надо делать, нормальное явление	0,0	0,1	0,1
15. Ничего нельзя сделать	0,5	0,5	0,5
Другое	0,0	0,0	0,2
Затрудняюсь ответить	2,0	2,3	2,3

Признаки определения национальности человека
(процент к числу опрошенных)

Признаки	Этнический статус			
	Коренные народы (русские)	Коренные народы УрФО (кроме русских)	Некоренные народы УрФО	Бизэтнические группы
Национальность отца	62,4	67,0	73,8	59,1
Национальность матери	46,8	49,3	52,4	33,0
Родной язык	42,8	43,7	45,2	51,1
Государство, в котором проживает человек	24,8	16,7	27,8	29,5
Религия	21,3	29,3	23,8	20,5
Желание самого человека	30,4	19,5	15,1	28,4
Сравнение себя с человеком другой национальности	7,4	4,7	4,0	6,8
Другое	0,5	2,8	3,2	3,4

Необходимые условия для создания семьи

№ п/п	Условия	Процент к опрошенным
1.	Любовь	83,1
2.	Согласованность семейных и личных планов (количество детей, их воспитание, распределение семейных обязанностей)	45,3
3.	Уровень доходов, позволяющий жить независимо от родителей, близких	41,4
4.	Жилье для отдельного проживания от родителей	31,5
5.	Хорошие отношения с окружением партнера (родителями и друзьями)	18,6
6.	Чтобы партнеров подходили по уровню образования, культуры, были из одного социального слоя	15,1
7.	Опыт совместного ведения быта	14,5%
8.	Опыт совместной сексуальной жизни	7,1%
9.	Чтобы партнеры подходили по возрасту	4,2%
10	Затрудняюсь ответить	1,6%

Таблица 19

Способ этнической идентификации респондента в зависимости от субъекта проживания (процент к числу опрошенных)

Способ внутрисемейного межэтнического взаимодействия	Субъект Уральского федерального округа						Итого
	Свердловская область	Челябинская область	Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	Тюменская область	Курганская область	Ямало-Ненецкий автономный округ	
консервация русские	16,5	23,1	6,3	28,0	–	19,2	16,2
консервация другие	13,1	7,7	5,0	20,0	44,4	11,5	12,5
Ассимиляция русские	29,5	15,4	45,0	20,0	11,1	23,1	29,5
Ассимиляция другие	26,4	36,5	38,8	16,0	–	30,8	27,8
Интеграция русские	2,2	3,8	–	8,0	33,3	7,7	2,8
Интеграция другие	0,8	1,9	–	4,0	–	–	0,8
Аккультурация	9,0	5,8	3,8	4,0	11,1	7,7	8,1
Парадокс	2,5	5,8	1,3				2,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0